

Апология любви

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Стефани Ферет

18+

Стефани Ферет

АПОЛОГИЯ ЛЮБВИ

<https://litres.ru/74166049>

SelfPub; 2026

Аннотация

С детства нас учат, что злодеи всегда проигрывают, зло неизбежно будет наказано, а любовь правит миром.

Но реальная жизнь не похожа на сказку.

Здесь чудовища умеют любить, жертвы могут причинять боль, а самые страшные зависимости не всегда порождаются веществами.

«Апология любви» — это мрачная история о четырёх потерянных душах, пропитанная французской атмосферой, серым реализмом, философскими размышлениями и тёмной эстетикой элитарного мира.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

297

Стефани Ферет

Апология любви

Стефани Ферет

Апология любви

Роман

Незаконное потребление наркотических средств, психотропных веществ, и их аналогов причиняет вред здоровью, их незаконный оборот запрещён и влечет установленную законодательством ответственность.

Возрастное ограничение 18+

Часть первая

Начало

Глава 1

Стеф

В тот день Париж затянуло тяжёлым небом. Серые тучи повисли над городом, будто придавив его после завершения судебного процесса.

У главного входа в здание суда кипела жизнь: галдящие

репортёры, словно возбуждённые звери, толпились у ворот в ожидании эмоций, ошибок, боли, слёз — чего угодно, что можно было бы превратить в сенсационный заголовок. С обратной стороны, у служебного выхода, стояла гнетущая тишина.

Оттуда выбежала девушка: её губы дрожали, руки беспорядочно перебирали карманы, цеплялись за волосы, касались лица, которое всё ещё сохраняло вынужденное равнодушие. Она добежала до ограждения и резко остановилась, согнувшись пополам. Опустив голову к светло-серой плитке дорожки, её рука вцепилась в холодные стальные прутья, как в единственную опору, и крепко сжимала их. Продолжая смотреть вниз, девушка закрыла глаза и попыталась привести учащённое дыхание в порядок. Слова судьи всё ещё звучали в голове, но их смысл оставался непринятым.

Когда позади раздался строгий голос тётки, девушка резко открыла глаза, точно в испуге, и медленно обернулась.

— Ваше поведение недопустимо. Впрочем, я не удивлена — с таким отцом...

Мадам де Верже смотрела на племянницу свысока, кутаясь в соболиный полушубок. Её острый подбородок был чуть приподнят, словно она обращалась не к ней, а к воздуху над её головой. Рядом с тёткой шли помощник Хуго Гар и адвокат Карл Дрю.

— Стефани, прошу вас, примите мои извинения. Я сделал всё, что было в моих силах, — произнёс Карл, прибли-

жившись.

Этот тучный мужчина в тесном пиджаке, пуговицы которого едва держались, осторожно коснулся её плеча и тяжело вздохнул.

Стеф держалась ровно, но отсутствие хотя бы тени искренности в извинениях заставило проводить его звериным взглядом.

— Я подам апелляцию, — спокойно, но неуверенно сказала Стеф, обращаясь к мадам де Верже. — И не смейте при мне упоминать отца, особенно в таком тоне. Вы позорите его память, мадам.

Тётя хмыкнула и коротко кивнула.

— Ни одна, запомните, *ma chérie*¹, ни одна принадлежащая мне впредь картина не возместит подорванного здоровья и искалеченной жизни моей сестры. Примите поражение с гордостью и достоинством — если ваша порода вообще знает значение этих слов. Хуго, *allez*².

Хуго был горбатым, худощавым, седовласым стариком. Он раскрыл зонт над своей госпожой и проводил её к машине. Стеф не сводила взгляда с тёти, а затем и с автомобиля, пока тот не скрылся за углом.

Будь в Стеф хоть немного безрассудства или хотя бы силы, вытянутые из неё недель голода и подготовкой к заседанию, она наверняка попыталась бы вырвать металлический стол-

¹ *ma chérie* – моя дорогая (фр.)

² *Allez* – пошли (фр.)

бик ограждения и швырнуть его в проклятую машину. От мыслей о расправе, рождённых чувством несправедливости, Стеф отвлек единственный живой силуэт на пустой улице.

Среди деревьев, чьи листья сохраняли форму, но утратили цвет, будто кто-то намеренно вытянул из них зелень, на скамье сидел человек в серой толстовке с накинутым капюшоном. Он сидел спиной к девушке, неподвижно, как часть пейзажа. Похожую толстовку когда-то носил её отец — и одной этой ассоциации хватило, чтобы Стеф почувствовала, как отчаяние сжало её сильнее.

Неужели тот день мог стать ещё хуже?

Пешком она направилась к единственному и, вместе с тем, последнему месту, где могла получить помощь. С бульвара Бессьер она свернула на бульвар Ней. Вдоль улицы тянулись бесцветные одинаковые дома, обанкротившиеся магазины, когда-то, должно быть, процветавшие, и люди, чьих лиц Стеф не различала, будто их и вовсе не существовало.

Спустя примерно час утомительной, ставшей уже привычной ходьбы она добралась до психиатрической клиники в районе Сен-Дени. Медсестра провела девушку во внутренний двор, со всех сторон окружённый высокими стенами здания.

Среди немногочисленных пациентов в больничных одеждах Стеф быстро отыскала нужную. В дальнем углу, под тенью деревьев, на траве сидела женщина. Кожа её лица была тусклой, с сероватым оттенком; под глазами темнели тяжё-

лые, пугающие круги. Руки, лежавшие на коленях, казались непривычно худыми, а кожа на них свободно собиралась складками, будто тело за короткое время лишилось внутренней силы.

Трудно было поверить, что когда-то этой женщиной восхищались и называли воплощением французской красоты. Её худые пальцы медленно обрывали лепестки белого цветка.

Стеф подошла к ней. Женщина медленно подняла голову: веки у неё то и дело непроизвольно дёргались, а лицо оставалось неподвижным и безжизненным.

— Мадам де Верже выиграла суд, — тихо сказала Стеф.

— Передай ей мои поздравления, — медленно ответила женщина, выговаривая слова с усилием.

— Она не желает меня слушать. Я хочу, чтобы ты поговорила с ней.

Женщина медленно покачала головой, словно в замедленной съёмке. Стеф глубоко вздохнула, задержалась на месте, будто собираясь уйти, но всё-таки заставила себя подойти ближе и села рядом.

— Мам... Она избивала меня, лишала еды и обращалась со мной хуже, чем со своими собаками, будь они прокляты. Суд отклонил это за недостатком доказательств. Ты должна понимать, на что она способна. Почему ты не пытаешься защитить меня?

Мать ничего не ответила и продолжила обрывать лепест-

ки, глядя перед собой притуплённым взглядом.

— Весь последний год я ухахивалась на двух работах, чтобы оплатить адвокатов и судебные расходы. Я по уши в долгах, а живу... — Стеф осеклась. — Неважно. Что мне сделать, чтобы ты вспомнила, кто я? Мам, я твоя дочь.

Стеф осторожно положила руку на плечо матери, но та поспешно, насколько позволяла её вялость, стряхнула прикосновение.

— Ты не моя дочь.

— Не повторяй это...

— Ты дочь тех журналисток... натурщиц... горничных...

— Прекрати, — сказала Стеф неожиданно громко для самой себя и, заметив обращённые на неё взгляды наблюдавших врачей, тут же понизила голос: — поговори с сестрой.

— Нет. Уходи.

— Мам...

— Уходи. И больше не приходи. Никогда.

Стеф ещё несколько минут сидела рядом, наивно ожидая возвращения прежней матери — той, чья улыбка сияла на званных вечерах и чей ласковый голос будил её по утрам в детстве. Наконец она поднялась и направилась к выходу.

— Тебе следовало уйти вместе с отцом, — напоследок сказала мама.

Эти слова никак не отразились на лице Стеф. Мелькнула только короткая мысль, что она и сама часто об этом думает.

Теперь оставалась одна надежда — апелляция, рассмот-

рения которой придётся ждать не меньше полугода.

Мог ли этот день стать ещё хуже?

Стеф направилась на работу и по пути остановилась на набережной Д'Орсэ.

Сев на свободную скамью у моста, она вынула из кармана лист со списком изъятого имущества. В нём значились фамильные драгоценности, объекты недвижимости, коллекции винтажных вещей, отцовские произведения искусства и другие предметы, чья ценность заключалась в воспоминаниях, а не в роскоши.

Глаза защищало от подступивших слёз, которым Стеф не позволяла показаться миру, когда в списке она увидела собственный портрет, написанный в академической манере. Отец собирался подарить его на совершеннолетие вместе с первой машиной, но судьба, похоже, приготовила иной — трагичный и несправедливый — исход.

Стеф смяла лист и бросила его в урну. Она проглотила подступающую боль, нащупала в пачке последнюю сигарету и поднесла к ней зажигалку.

Мадам де Верже действительно ненавидела отца Стеф, но как юридически возможно лишить единственную наследницу всего? Какую часть наследства получили адвокаты и свидетели? Эти мысли были слишком невыносимы. Однако больше всего её мучила судьба картин отца. Мадам де Верже наверняка найдёт для них покупателей, но для Стеф са-

мо назначение цены его работам казалось преступлением, а мысль об их продаже вызывала стыд: именно на ней лежала ответственность, с которой она не справилась.

От гнетущих размышлений её отвлекла девушка, которая прошла мимо и говорила по видеосвязи звонким, живым голосом.

— Смотри, бабуль, вон Эйфелева башня. Её уже видно!

Французский у незнакомки был чистым, но в речи слышался южный акцент. Стеф поняла, что незнакомка приехала из провинции.

— Очень красиво, Каролин, — ответила бабушка искажённым динамиками голосом. — Ох, надеюсь, тебе на всё хватит, мы с мамой постараемся...

— Нет-нет, ты не переживай! Я всё понимаю, буду экономить, как смогу и...

Голоса стихли, когда Каролин свернула на дорожку и скрылась за деревьями. Провожая её взглядом, Стеф заметила, как из рюкзака девушки что-то бесшумно выпало в сухую листву, но не придала этому значения и посмотрела в сторону моста.

Там, у подножия, опираясь на перила, стоял знакомый молодой человек. Стеф узнала в нём сына ведущих известного тревел-шоу. И сразу вспомнились разговоры, будто он иногда то ли гостил, то ли работал подмастерьем у её отца, но живую Стеф ни разу его не видела.

Его звали Адриан, если память не подводила. В жизни он

оказался заметно привлекательнее, чем на экране. В его серо-голубых глазах читался спокойный и внимательный нрав, на скулах лежал мягкий румянец, а кожа была ровной и чистой. Стеф неожиданно захотелось коснуться его светлых, чуть растрёпанных ветром волос.

Стеф уже не помнила, когда в последний раз смотрела передачи или блоги его родителей, но по обрывкам воспоминаний ей показалось, что за это время Адриан заметно окреп и стал похож на спринтера.

Адриан улыбнулся, заметив девушку, явно наблюдавшую за ним. Их взгляды встретились и удержались друг на друге. Его улыбка, светлая и располагающая, могла бы привлечь внимание любой, но Стеф, выдыхая густой дым, уловила в ней едва заметную нарочитость: будто Адриан заставлял себя улыбаться, и в этой улыбке чувствовалось что-то тревожное. К счастью, в Стеф ещё оставалась прежняя смелость, и пугающее скорее притягивало её, чем отталкивало.

Их короткий обмен взглядами прервался, когда Стеф вспомнила о работе. Она отвернулась, взяла сумку, затушила сигарету и быстро зашагала по узкой аллее.

Юноша проводил её взглядом. Его внимание скользнуло по каждому шагу, по русым прядям, пружинившим на плечах при торопливой походке, и остановилось на том, как она на ходу приоткрывала пухлые губы, вдыхая прохладный воздух.

Адриан неторопливо прошёл к скамье, опустив руки в

карманы, в той расслабленной, прогулочной манере, которая казалась естественной. Он поднял из урны смятый лист. Развернув его, он прочитал список изъятого имущества так же, как обычно просматривал светские сплетни: быстро и без особого интереса, но всё же отмечая в памяти нужные детали.

— *Salut*³. Ты чего в урне роешься?

Услышав голос за спиной, Адриан спокойно обернулся и увидел Алекса — в выглаженном синем костюме, начищенных ботинках и с журналом *France Football*⁴ в руках.

— *Salut*, — Адриан убрал свёрнутый лист в карман, так и не ответив на вопрос. — Ты как тут оказался?

Алекс устало плюхнулся на скамью, выбросил журнал в урну и размял плечи, прежде чем ответить:

— Мамаша по магазинам бродит, я улизнул.

— Тебе снова попадёт, — Адриан сел рядом.

— Я уже избавился от улик, — Алекс усмехнулся, кивнув в сторону урны.

Адриан едва заметно улыбнулся, не меняя выражения лица. Их взгляды скользнули к тихой набережной.

— Кстати, всё не было времени поблагодарить тебя за помощь в подготовке. Меня взяли! — Алекс хлопнул друга по плечу.

³ *Salut* – привет (фр.)

⁴ *France Football* – Франс Футбол. Название французского еженедельного журнала о футболе (фр.)

— Я видел списки.

— Всё-таки ты знал? Ты хоть чему-нибудь удивляешься?

— Да. Если тебя не отчислят после первого курса, я очень удивлюсь.

Алекс рассмеялся, а затем добавил:

— Не то чтобы я прямо горел желанием, но, понимаешь, это лучше домашнего обучения. И ещё потому, что я не прошёл по баллам в Кембридж. Кто же знал, что там такой строгий отбор! Даже тут фамилия не пригодилась.

— Зато будешь каждый день видеться с друзьями.

Как только эти слова сорвались с губ Адриана, с Алекса словно спала маска наигранного позитива. Он постепенно поник и глубоко вздохнул.

— Что случилось? — спросил Адриан не из любопытства, а из привычной вежливости.

— Они ни разу меня не навестили, когда... ну, ты знаешь. Мы едва общались все эти годы. Я в общем чате состою, да и только...

У подножия моста показалась стройная дама. Возрастные морщины на её лице не старили, а, напротив, придавали чертам строгость и властность.

— Александр-Аполлон де Труа, живо сюда.

Алекс выпрямился уже на первой букве своего имени и мгновенно натянул привычную маску безупречного аристократа. Он поднялся и направился к матери выверенной походкой. Адриан пошёл следом.

— *Bonjour*⁵, мадам де Труа, — вежливо произнёс Адриан.

— Здравствуй, Адриан. Как поживают твои родители? — теперь её голос звучал мягче.

— Вернулись из Праги, мадам. Сейчас в полугодовом отпуске.

— Любопытная деталь, юноша: у кого ни спроси о ваших родителях, первым делом отвечают, в какой точке света они на этот раз.

— Полагаю, вы правы.

— Что ж, нам уже пора. Было приятно увидеть вас.

— Взаимно, — кивнул Адриан.

Они попрощались, и, когда Алекс с матерью скрылись на другой стороне моста, Адриан направился по дорожке туда, где незнакомая девушка что-то уронила. На земле лежала совсем новая книга Мишеля Монтеня «Опыты»⁶, чьи страницы ещё не знали внимательного чтения, и ни один взгляд не задерживался на них достаточно долго, чтобы вдохнуть в строки жизнь.

На форзаце было выведено: «*À ma petite-fille bien-aimée. Félicitations pour ton admission!*»⁷», а ниже, более тонким, на-

⁵ *Bonjour* – здравствуйте, добрый день (фр.)

⁶ Мишель Монтень «Опыты» - «*Les Essais*» de Michel de Montaigne. Фундаментальный труд французского философа-гуманиста XVI века, представляющий собой свободные размышления о человеческой природе, морали, жизни и смерти, основанные на личном опыте и критическом самоанализе

⁷ *À ma petite-fille bien-aimée. Félicitations pour ton admission!* - Моей любимой внучке. Поздравляю с поступлением! (фр.)

клонным почерком: «*Propriété de Caroline Fleur*»⁸.

Этой неизвестной Каролин удивительно повезло уронить книгу именно здесь и именно сейчас, ведь Адриан без труда вспомнил список студентов своего факультета. Впрочем, всякая случайность лишь кажется случайностью — чаще это всего лишь маска необходимости, которую судьба надевает на свои намерения.

Тем временем Стеф добралась до ресторана, где работала официанткой. Он находился на улице Клёр, известной своими лавками деликатесов. Когда-то Стеф покупала здесь продукты, не задумываясь о цене. Теперь же эта улица стала для неё роскошью, на которую она не могла себе позволить даже смотреть.

Минуты, украденные у неё на набережной тем загадочным юношей, обернулись опозданием, и Стеф ускорила шаг. Спешка, неудобная обувь и рассеянность после пережитого привели к тому, что, идя по узкой улице, она не заметила распахнувшуюся перед ней дверь.

Весь удар пришёлся на нос, мгновенно вспыхнувший болью, и на лоб, где тут же выступила алая царапина. Стеф рефлекторно отпрянула и зажала лицо руками.

— *Merde*⁹! — вскрикнула Стеф. — Как же больно!

— Простите! — раздался мужской голос. — Ради бога,

⁸ *Propriété de Caroline Fleur* - Собственность Каролин Флер (фр.)

⁹ *Merde* – дерьмо (фр.)

простите, я слишком резко открыл дверь. Дайте посмотреть. Мне ужасно неловко...

Алекс попытался осторожно убрать её руки от лица, чтобы оценить ушиб, но Стеф резко отстранилась.

— Не трогайте меня! — бросила она.

В этот момент из дверей показался мужчина в костюме и обратился к Алексу:

— Месье де Труа, мадам требует вашего присутствия.

— Одну минуту. Позвольте... А?

Но девушки уже не было: пока Алекс отвлёкся, Стеф поспешила к ресторану, на ходу вытирая выступившую кровь.

Неужели этот день мог стать ещё хуже?

Едва войдя в ресторан, Стеф сразу почувствовала напряжение. Разговоры почему-то смолкали, коллеги встречали её сочувственными взглядами. Причин для этого могло быть слишком много, и Стеф не стала ничего спрашивать, а молча ушла в подсобку завязывать фартук.

Через минуту в дверях появилась коллега, с которой Стеф общалась только на работе.

— *Salut...* Мне очень жаль... Но... — коллега отвела взгляд и замялась.

Стеф слишком хорошо знала этот тон — так сообщают плохие новости. Ей хотелось закричать, но она лишь крепче затянула завязки фартука. Мир не имел права обрушиваться на неё столько всего за один день.

— На меня просто повесили это, прости, что ты слышишь

это от меня. Ты же знаешь, я не желаю тебе зла, я пыталась тебя отстоять. Правда! — коллега нервно жестикулировала. — Твоя тётя надавила на босса и пригрозила испортить репутацию ресторану, если ты останешься здесь работать...

— Я поняла, — сухо кивнула Стеф, словно именно этого и ожидала. — Хорошего дня.

Она сорвала фартук и поспешно вышла из ресторана, успев незаметно взять пару булочек в качестве «компенсации». Воровством она это не считала, ведь забирала только уценённые, которые всё равно выбрасывали через пару часов, если их не успевали продать. Для постоянно недоедающей девушки смотреть на это было невыносимо.

Путь до дома был неблизким, если, конечно, старую и ветхую мастерскую отца вообще можно было назвать домом. Гордость не позволила Стеф попросить расчёт на работе. Пусть этих денег и не хватило бы на судебные долги, но на неделю поездок в метро — наверняка.

Несколько часов она шла по живописным, многолюдным улицам, невольно возвращаясь к воспоминаниям: мимо бара, где однажды они с друзьями оставили больше десяти тысяч евро за вечер; мимо музея Д'Орсе, куда она часто ходила с отцом... Теперь всё это казалось чужим. На все воспоминания ложился обугленный отпечаток настоящего.

Когда на город опустился ранний вечер, Стеф вошла в холодную мастерскую и включила обогреватели. Внутри пахло

деревом и сыростью, но ей чудился запах отца, будто впитавшийся в деревянные стены. На полу лежал матрас с красным пледом; на стуле рядом стояла тарелка с трещиной, винтажная чашка и фотография отца в позолоченной рамке. Вещи редкие, но почти ничего не стоящие. И всё же Стеф не продала бы их, даже находясь на грани голодной смерти.

Стеф укуталась в плед и открыла смартфон, который предложил подборку: «Ваши счастливые моменты». Она почему-то усмехнулась, посмотрела на потолок — к счастью, ещё целый, — словно спрашивая: «Вы издеваетесь?», и открыла галерею.

На первом фото она стояла с отцом. Голубое платье мягко облегло фигуру, длинные светлые волосы грациозно развевались на ветру, а на лице сияла по-настоящему счастливая улыбка. В одной руке был бокал шампанского, а другой она крепко держала отца за руку.

Коснувшись нынешних сухих, ломких волос, Стеф не узнала себя. Это пугало сильнее, чем следующая фотография: скриншот новостной сводки с заголовком «Единственная наследница запятнала репутацию откровенным видеороликом». Интернет работал плохо и не прогрузил фрагмент видео, но Стеф и без того помнила его.

«— Ша-арль, не надо... — всплыло в памяти её собственное, неловко-смеющееся.»

— Брось, пусть знают, — ответил голос.

— Я не хочу...

— Когда женщина говорит «не хочу», это значит «да, но поговоривай», — прозвучало следом».

Стеф объяснила себе это воспоминание сильным опьянением, когда всякий контроль покинул её. Будь она в тот день менее пьяна, то, возможно, сумела бы обратить всё в свою пользу, но теперь об этом уже не имело смысла думать.

Сразу — по вполне предсказуемой цепочке — в мыслях возникли и менее интересные заголовки: «Габриэль Вирель: гений или убийца?»; «Знаменитый супруг довёл жену до психоза»; «Очередной скандал семьи Вирель: любовные похождения Габриэля Виреля».

Она положила телефон экраном вниз и закрыла лицо руками, будто пытаясь спрятаться от мира и хотя бы на мгновение повернуть время вспять — на пару лет назад, когда была королевой коллежа, отец находился на пике популярности, квартира всегда была полна гостей, а сама Стеф не пропускала ни одной вечеринки, успевая при этом учиться на высшие баллы и прокладывая себе дорогу к яркому будущему.

Стеф поднялась и подошла к зеркалу. Отражение показалось отвратительным, но она не стала всматриваться: взгляд сам собой скользнул к лежащей рядом бритве. Она медленно взяла её, словно музейный экспонат, исследуя больше свои мысли, чем предмет.

На секунду мир сузился до линии сверкающей стали, и в памяти всплыло материнское: «Лучше бы ты ушла вместе с отцом».

В ушах отдавался собственный сердечный ритм, ускоряющийся с каждой мыслью. Мышцы на запястьях напряглись, и Стеф перевела взгляд на фотографию отца.

Родные черты неожиданно придали ей сил, и в них она нашла последнюю опору — завтра должен был начаться первый учебный день. Поступление в Сорбонну было решено ещё при жизни отца; в подростковые годы Стеф пыталась изменить свой путь и выбрать другую специальность, но в итоге осталась без выбора вовсе.

На мгновение показалось, будто в холодной мастерской стало теплее, словно рядом возникло знакомое присутствие — тихое и спокойное, как прежде, когда отец стоял у неё за спиной. Она словно физически ощутила его одобрительное объятие и заботливый голос, который произнёс на ухо:

— Ты справишься.

Глава 2

Каролин

Перламутровое небо Латинского квартала Парижа окрашивало старинные фасады в приглушённые оттенки, особенно подчёркивая строгую торжественность Сорбонны.

Архитектура, впитавшая дыхание столетий, манила естественным величием и одновременно пугала: на фоне бесцветных облаков здание напоминало мрачный готический замок, где упыри будто затаились в ожидании свежей крови, что однажды сама переступит порог.

Шагая в толпе незнакомых студентов, Каролин внезапно замерла. Сначала её взгляд упёрся в массивный фасад, затем — в собственное будущее, показавшееся не менее тяжеловесным. На мгновение ей почудилось, что она стала ниже ростом; тонкая капля пота выступила на виске и медленно скатилась по неумело нанесённому слою тонального крема.

Это место, основанное Робером де Сорбоном — духовником короля Людовика IX, — давно отступило от своих первоначальных благородных идей и из теологического колледжа для бедных студентов превратилось в символ французского образования, став светским университетом.

Каролин всем своим существом надеялась пройти похожую трансформацию, хотя и удобно забывала, что прежде чем обрести нынешнее величие, университет пережил закрытие во время Французской революции и последующие реформы, перекроившие саму его структуру.

В стенах этого архитектурного шедевра Каролин ожидала ознакомительная лекция по философии, откуда потом ей придётся направиться в другой кампус.

Ко входу она шла так, словно ступала по тонкому льду, убеждая себя, что всё это не сон и что лёд под ногами не треснет.

Теперь она жила в Париже, в съёмной квартире в Сент-Уэне, училась в Сорбонне и начинала путь в самостоятельную взрослую жизнь. Если бы кто-нибудь сказал ей об этом год назад, Каролин лишь рассмеялась бы над забавной фан-

тазией, которая теперь стала её реальностью.

До входа она не дошла, поскольку остановилась неподалёку от заинтересовавшей её компании молодых людей, и прижала к груди рюкзак, тревожно впившись в ткань ногтями. Каролин повезло стоять достаточно близко, чтобы слышать разговоры, и при этом достаточно поодаль, чтобы это не выглядело как неприличное подслушивание.

Единственная девушка в компании выглядела так, будто сошла с обложки глянцевого журнала. Каролин и представить не могла, что в жизни бывают настолько безупречно красивые девушки. Белокурые пряди лежали так идеально, что казалось, её родители заранее выдали ветру инструкцию, как с ними обращаться; светлая кожа казалась отретушированной, словно с включённым эффектом сглаживания, а из накачанных губ лился тонкий голос и доносился задорный смех.

На её брендовую, безупречную одежду Каролин старалась не смотреть: в такие моменты ей отчаянно хотелось развернуться и купить билет до Перужа — родного провинциального городка.

Судя по разговорам, девушку звали Мелани; она держала за руку своего парня Мишеля. Юноша был на голову выше, с осветлёнными кудрявыми. С ними стояли ещё двое парней с сигаретами.

— Шарль, а про нашего преподавателя уже ходят слухи? Я слышала, он американец, — обратилась Мелани к одному

из курящих.

— А не канадец ли? — вспомнил Мишель.

— Разберёмся, малышка. Я ещё в его грязном белье покопаюсь, — подмигнул Шарль.

Шарль с виду напоминал добродушного героя из подростковой комедии. Он почти постоянно улыбался, и на щеках появлялись ямочки, а непослушные волосы шоколадного оттенка очаровательно развевались на ветру. Однако милостивая внешность не мешала ему сыпать грязными сплетнями, густо приправленными бранью. Парень, стоявший рядом, слушал его и время от времени согласно кивал.

— Кстати, Алекс, ты давно вернулся? — спросила Мелани и сделала глоток кофе из стаканчика с логотипом Максима Фредерика¹⁰.

— Да я... — начал Алекс, но его тут же перебили.

— Мы не хотели тебя тревожить, — поспешно вставил Мишель.

— Да и на Ибице связь не ловила, — подхватил Шарль. Мелани активно закивала. — Ты многое пропустил, бро.

Шарль с азартом принялся рассказывать о своих любовных похождениях на острове, не стесняясь подробностей. От некоторых из них парни громко смеялись, а Мелани лишь закатывала глаза. Их смех и разговоры оборвались, когда она

¹⁰ Максим Фредерик - Maxime Frédéric at Louis Vuitton. Знаменитое концептуальное кафе и шоколадный бутик в Париже, созданное совместно с известным французским шеф-кондитером Максимом Фредериком

заметила знакомую фигуру.

— Гляньте, кто идёт.

Каролин посмотрела в ту сторону, с трудом заставив себя отвести взгляд от Алекса. Вряд ли Каролин имела понятие о собственном вкусе и мужском типаже, но Алекс точно под них подходил.

— Моя бывшая шлюшка, — усмехнулся Шарль. — Пойдёмте поздороваемся.

— Лицо у неё какое-то знакомое, — заметил Алекс.

— Ты с ней не знаком. И это к лучшему, — ответил Мишель.

Каролин поспешно начала что-то искать в рюкзаке, делая вид, будто занята учебными делами, хотя краем глаза всё равно продолжала наблюдать за ними. Тем временем компания уже направилась к девушке с густо подведёнными чёрной подводкой глазами.

— Кого это сюда занесло? Тебе разве не говорили, что это *высшее* учебное заведение? — Мелани раскрыла руки для объятий, и в её голосе отчётливо звенел сарказм. — Что, Стеф, сменила корону на мусорный пакет или это новая эстетика?

Мишель и Шарль прыснули со смеху. Шарль выхватил у Стеф сумку и усмехнулся:

— Ты её в драке с бомжами выиграла?

— Фу, брось, — Мишель отступил на шаг. — Я потом не собираюсь тебя отмывать.

— Оставьте меня, — холодно произнесла Стеф.

— Да ты что, мы же твои друзья, — Мелани начала обходить её кругом, как хищник, медленно сужающий пространство вокруг добычи.

— Мы никогда не были друзьями, — с оскалом ответила Стеф.

— Как удобно. Ты отравляла нам жизнь годами, а теперь настала наша очередь, — Мелани была ниже Стеф, но это не мешало ей с высокомерным видом смешивать бывшую подругу с грязью. — Тебе бы уйти отсюда, иначе я устрою тебе такую весёлую жизнь, что пожалеешь...

— О чём, Мэл? — Стеф держалась уверенно и не выдавала ни страха, ни раздражения. — Лучше бы деньги, потраченные на пластику лица, ты вложила в покупки учебников по развитию интеллекта.

— За словами следи, — вмешался Мишель.

— Что ты сказала? — вспыхнула Мелани. — Что ж, вижу, с прошлой жизни у тебя остался только косметос. Давай помогу с макияжем.

Мелани подняла стаканчик с кофе над головой Стеф. Шарль и Мишель поддерживали подругу, а Алекс стоял чуть поодаль.

Стеф молниеносно ударила ногой по каблуку Мелани, и та, потеряв равновесие, повалилась на асфальт. Стаканчик выскользнул из её руки и, вращаясь в воздухе, описал короткую дугу. Секунду он летел бесшумно, а затем ударился

о плечо Каролин. Крышка сорвалась, и кофе хлынул вниз по свитеру коричневой кляксой позора — тёплой, липкой, и мгновенно заметной всем.

— Ай, горячо! — вскрикнула Каролин. Рюкзак и книги выскользнули из её рук, и она беспомощно запрыгала на месте.

Алекс шагнул к Каролин, но тут же одёрнул себя, словно его окликнули невидимой верёвкой. Взгляд метнулся к Мелани и её крикам:

— Ты даже сейчас не можешь нормально себя вести, Вирель! Ты монстр! И папочка твой тоже! Я клянусь, ты здесь и года не протянешь, поняла меня?! — кричала она, пока Мишель помогал ей подняться и отряхнуться.

Стеф вернула свою сумку и быстрым шагом направилась в университет. Алекс хотел было помочь Каролин, но вместо этого ушёл вслед за своей компанией.

Если бы Каролин поручили написать сочинение о вреде сплетен и подслушивания, она бы без труда описала эту ситуацию во всех подробностях. Кофе уже расплзся тёмными пятнами по свитеру, и ей пришлось снять его, оставшись в тонкой чёрной майке на бретельках. Впрочем, та неплохо сочеталась с её кофейной юбкой, но Каролин чувствовала дискомфорт, находясь в общественном месте с голыми плечами.

Каролин наклонилась, чтобы поднять книги, как вдруг услышала звук, прозвучавший как роковой грохот, — предательский треск ткани. Юбка сзади разошлась по шву.

— Чёрт... — выдохнула Каролин, вложив в это слово всё своё отчаяние и неловкость.

Она выпрямилась и быстро повязала мокрый свитер вокруг талии.

Волнение первых дней в новом учебном заведении знакомо, пожалуй, каждому. Оно лишь ждёт подходящего момента, чтобы превратить тревогу в катастрофу.

В груди Каролин разлилась вязкая ненависть к себе. Она накрутила себя до такой степени, что на миг пожалела о собственном рождении. Разве мог первый учебный день быть ещё хуже?

Постоянно поправляя свитер, Каролин нашла нужную аудиторию. Дверь оказалась приоткрыта. Войти она не решилась и сперва лишь заглянула внутрь.

Она даже не заметила старинные витражи, изящный паркет, по которому когда-то ходили Оноре де Бальзак и Мари Кюри, не обратила внимания на рукописные полотна неизвестных художников. Эстетика и вдохновение в этот момент не имели для неё никакой ценности.

Первый ряд уже заняла знакомая компания. Они обсуждали дорогой алкоголь, знакомых, переспавших на вечеринке, измены и сочувствовали Алексу, который не попал в это логово веселья и разврата.

Каролин и без того была младше, но сейчас — что на улице, что в этот миг — она будто снова стала ребёнком, случай-

но подслушавшим недозволенные разговоры взрослых. Их речь, манеры, одежда, жесты, походка слишком отличались от того мира, в котором она привыкла существовать. Поступая в столь элитный университет, она знала, что окажется во взрослом мире, но на деле этот мир оказался высшим, и к нему было невозможно подготовиться заранее.

Разумеется, помимо уже знакомой компании в аудитории находились и обычные студенты — возможно, такие же, как и она, — но это не имело значения.

Каролин мялась у дверей, всё так же поправляя свитер и натягивая его ниже, словно пыталась скрыть не столько разошедшийся шов, сколько болезненно ощутимый стыд.

— Привет. Почему не заходишь?

Ласкающий мужской голос прозвучал за её спиной. Обернувшись, она увидела парня, которого знала по телешоу, шедшему в детстве по пятничным вечерам, когда бабушка готовила сырную и фруктовую тарелки, ягодный пунш и булочки к просмотру.

Каролин хотелось провалиться под землю. Почему именно в таком положении она встретила знаменитость? Широко раскрыв глаза и рот от удивления, она машинально поправила свитер.

— А... ты же... Привет! Я Каролин Флёр.

Она протянула руку. Пульс участился, на лице появилась неловкая улыбка.

— Адриан Адлер-Вайс, — представился он, хотя нужды

в этом явно не было. Из своей чёрной сумки он вынул книгу «Опыты», найденную накануне в парке. — Кажется, это твоё.

Каролин не могла подобрать слов. Для неё этот поступок выглядел героическим и на мгновение затмил ощущение внутреннего позора. От смущения она даже не закрыла рот и, взяв книгу, крепко прижала её к груди.

— Это редкое издание... бабушка подарила. Вот... Я вчера очень расстроилась... Я уже сказала, что мне бабушка её подарила?

Адриан кивнул. На его лице не отразилось ни одной эмоции. Казалось, он даже не моргал. Его взгляд не проникал в глубину души, а словно проходил сквозь. Даже толстые линзы очков на переносице Каролин не служили защитой.

— Сегодня прохладно. Почему свитер сняла?

— Свитер? Эм... Я не могу сказать, — и без того напряжённые, сутулые плечи Каролин сжались ещё сильнее. — Спасибо за книгу, кстати. Совсем забыла.

Адриан, ничего не ответив, остановил мимо проходившую девушку в длинном чёрно-белом кардигане.

— Мадам, уделите минутку? — обратился он низким, томным голосом и открыл свою блестящую улыбку.

Каролин разбиралась во влюблённости ровно столько же, сколько в квантовой динамике, — иными словами, абсолютно в ней не смыслила. Но в тот момент, когда Адриан заговорил с другой девушкой, Каролин безумно захотелось, что-

бы он так же обратился к ней.

— Адлер-Вайс, да? Обожаю блог твоей мамы, — весело ответила девушка.

— Благодарю. У вас бесподобный кардиган.

— Спасибо, это «Dior».

— Вижу. Не одолжите его до обеда? Моей подруге он бы сейчас очень пригодился.

Девушка с долей пренебрежения осмотрела Каролин, затем снова перевела взгляд на Адриана:

— Пожалуй, могу помочь. Тогда вернёшь его мне в обед — за кофе и салат.

— Договорились, — Адриан подмигнул и поджентльменски помог снять кардиган.

У Каролин предательски ослабли колени. Всё тело реагировало так, будто происходило нечто куда более интимное, чем просто одолженный кардиган. Со стороны могло показаться, что она впервые взаимодействовала с мужчиной. Впрочем, в какой-то степени это предположение было верным.

Адриан надел кардиган на Каролин и помог развязать рукава свитера.

— Так лучше?

— А? Да... гораздо... — она вдохнула аромат ткани и уловила лёгкую ванильную ноту.

— Пойдём.

Адриан открыл дверь и пропустил новую знакомую впе-

рѣд. Она заняла место во втором ряду, кожей ощущая взгляды присутствующих. Адриан прошёл в конец аудитории, коротко кивнув Алексу и его компании.

В дверях появились профессор и Стеф. С гордо поднятой головой и прямой осанкой она прошла между перешёптывающимися однокурсниками и заняла место на последнем ряду — недалеко от Адриана.

Профессор закрыл дверь, притянув к себе все взгляды, и начал ознакомительную лекцию:

— Добрый день. Я — Самаэль Эреброс, — он обошёл преподавательский стол и легко коснулся его спинки, словно пианист, сначала пробуя клавишу, прежде чем извлечь звук. — Доктор философии.

Его голос, низкий и мягкий, напоминал скальпель, входящий в кожу без сопротивления. Он точно выдерживал паузы, и никто в аудитории не осмеливался нарушить образовавшуюся тишину.

Профессор Эреброс тонкой, ровной линией вывел на доске: *moralis natura* — «природа морали».

— Добро пожаловать на факультет психологии. Вы пришли изучать эту науку, чтобы понять человека — возможно, самих себя. И сам этот порыв... трогателен.

Мелани, сидевшая в первом ряду, игриво закусила губу, глядя на нового преподавателя с откровенным восхищением.

— Большинство из нас стремится дать своим ранам име-

на или, если позволите, диагнозы, — продолжил Эреброс, слегка опершись о стол. — Это создаёт иллюзию контроля. Но именно здесь я вижу проблему...

Алекс отметил в нём изысканный, выверенный вкус в одежде. Под серым клетчатым пиджаком виднелась рубашка винного оттенка и чёрный галстук с тонким узором.

— Задумывались ли вы о том, что добродетель не есть истина? Возможно, это всего лишь социальный костюм, который мы надеваем, когда на нас смотрят?

Редкие чёрные волосы он укладывал назад, фиксируя их несколькими слоями геля. На безымянном пальце левой руки поблёскивало тонкое кольцо с тёмным камнем.

— Позвольте рассказать вам историю, — он заложил руки за спину и бесшумно зашагал по аудитории. — В одном французском монастыре XIII века братья заметили: младший инок каждую ночь исчезал. Проследив за ним, они обнаружили, что юноша ходил в лес кормить волчицу и её детёнышей. Он отдавал ей свою скудную пищу и, истощаясь, продолжал это делать, — профессор остановился у окна. — Когда его нашли измождённым, он сказал: «Если Бог сделал её хищницей, почему я должен наказывать её за то, кем она создана?» Монастырь осудил его.

Он повернулся к студентам.

— Как вы думаете, за что?

Первым голос подал Алекс:

— Правила запрещали выходить из монастыря?

— Ещё мнения? — спокойно спросил Эреброс.

Каролин, собрав всю волю в кулак, неуверенно подняла руку и, получив одобрительный кивок профессора, едва слышно произнесла:

— За милосердие?

— Хороший ответ, но нет. Ещё?

Алекс нахмурился. Его охватило растущее чувство несправедливости. Почему ей дали слово — этой странной, безвкусно одетой ботаничке, — а его реплику оставили без внимания?

— За отсутствие страха перед волчицей, — тихо и уверенно сказал Адриан. Он сидел расслабленно, откинувшись на спинку стула, и смотрел на профессора исподлобья.

— Верно, — отозвался Эреброс. В эту секунду почти студенты все обернулись к Адриану. — Видите ли, общество боится не зла. Оно боится тех, кто не нуждается в его одобрении.

— Получается, опасен не хищник, а человек, который... — начал рассуждать Мишель.

— Который не боится наказания, — завершила Стеф, словно зловещий финальный аккорд.

Профессор окинул аудиторию сканирующим взглядом и заключил:

— На моих лекциях вы научитесь распознавать маски и, быть может, однажды снимете собственные.

Мышцы Адриана напряглись. В груди возникло сжатое,

холодное чувство: он встретил равного. Человека, способного дать ответы, которых у него самого не было.

Совсем недавно Адриан лишился прежнего наставника и был уверен, что больше никогда не найдёт нового. Однако жизнь редко оставляет пустоты надолго: круговорот людей в судьбе каждого — один из её странных даров. Потеряв одно, мы склонны верить, что приобретаем лучшее.

Самаэль зашёл за кафедру и открыл книгу. Звук перелистываемых страниц стал единственным в аудитории.

— Начнём.

Студенты слушали, затаив дыхание. Никто не тянулся ни к ручке, ни к планшету. Его лекции не предназначались для конспекта: он не выстраивал схем, не давал определений — он ломал привычное восприятие. Приводил клинические случаи, где идеальные семьи рушились не из-за трагедии, а потому, что однажды предпочли правду удобству. Говорил о чудовищах внутри каждого, которые растут незаметно, прикрываясь благовидным предлогом желания быть понятыми, любимыми и правыми.

— В моральных переломах мы никогда не услышим тихий хруст костей, но всегда различим оглушительный шёпот оправданий.

Он поднимал глубокие, тревожные вопросы: «Можно ли любить, не разрушая?», «Способен ли человек быть добрым, если это добро не приносит ему выгоды?» — и вовлекал аудиторию в обсуждение, сталкивая заинтересованные лица

друг с другом.

Когда лекция подошла к концу, студенты, не торопясь, собирали вещи и постепенно покидали аудиторию. Когда поток поредел, к преподавательскому столу подошёл Адриан.

— Профессор, я хотел бы обсудить дополнительные задания по вашему предмету.

Самаэль чуть сдвинул очки на переносице и с лёгким интересом посмотрел на студента. В этот момент к ним приблизилась Каролин и тихо произнесла:

— Я бы тоже хотела... для углублённого изучения курса.

— Вы уверены, что вам нужно больше работы, а не больше понимания? — даже среди общего гула студентов его голос доминировал.

Адриан кивнул. Каролин поспешила объясниться:

— Мне нужно больше баллов... Я учусь бесплатно и не хочу потерять возможность остаться здесь.

— Что ж, загляните ко мне в кабинет на перерыве. Обсудим.

— Спасибо большое, профессор Эреброс! Я вас не подведу, — Каролин выпрямилась по-солдатски, словно получила не задание, а государственную миссию. Её детской радости не было предела.

Первая за день хорошая новость обернулась для неё неожиданным ударом. Поддавшись эмоциям, она неуклюже шагнула назад и почувствовала спиной столкновение.

Это был Алекс. От резкого столкновения он выронил кан-

целярские принадлежности, и одна из ручек прочертила чернильную линию по его белой рубашке.

— *Merde!* — воскликнул Алекс, будто ручка оставила не след, а глубокий порез. — Смотри под ноги, выскочка! Меня дома прикончат за эту рубашку...

— Эй, ты, помойная мышь, — подошёл Шарль. — Его костюм стоит дороже, чем вся деревня, из которой ты вылезла. Да, бро?

— Да, — зло бросил Алекс, бесполезно пытаясь оттереть чернильный след.

— Мы тебя внизу ждём, — Шарль похлопал его по спине и вышел из аудитории.

Каролин ощутила нарастающий приступ тревоги и попыталась коснуться Алекса, чтобы помочь, но тот резко отмахнулся.

Стеф подошла сзади и ударила его учебником по затылку — скорее как грубое напоминание, чем акт агрессии.

— Ай! — Алекс возмущённо обернулся и встретился с её глазами, густо подведёнными чёрным. — За что?!

— Профилактическая прививка от мажорного вируса. Не трогай эту девочку. Вы и так её сегодня достаточно облили.

Погладив затылок, Алекс вспомнил, что именно её накануне случайно ударил дверью. Злость, подпитанная двойной болью — от удара Стеф и от предчувствия материнских ударов за испорченную рубашку, — хлынула наружу.

— Тебя вчера дверью не придавило? — процедил он, вы-

сокомерно ухмыльнулся и наклонился к её лицу. У Стеф едва заметно сбилось дыхание. — Сначала посмотри на себя и на своё поведение, а потом уже кидайся на других.

Адриан внимательно наблюдал за происходящим. Профессор без интереса слушал перепалку, делая записи в учебном журнале.

— За вчера и получил. Тебе-то я что сделала?

— Алекс, успокойся, я помогу с рубашкой, — отозвался Адриан, пытаясь сгладить ситуацию, которая уже начинала пахнуть дракой.

Ни Алекс, ни Стеф не обратили на него внимания и продолжили ругаться на повышенных тонах. Они видели друг друга второй раз, но ссорились так, будто успели прожить вместе не один год.

— Я не знаю твою фамилию, но уверена, что ты главный позор своей семьи. Это видно невооружённым глазом: типичный маменькин сынок. Только здесь нет мамочки, за чью юбку можно спрятаться, поэтому ты и бросаешься на слабых.

— А у тебя рядом нет папочки, поэтому ты...

— Закрой рот. Я не позволю говорить об отце в моём присутствии. Особенно такому напыщенному, мерзкому и наглomu индюку, как ты, — каждое её слово сопровождалось шагом вперёд.

Их лица оказались неприлично близко. Но теперь униженным выглядел уже Алекс. Воздух в аудитории накалился, словно вокруг профессора и четырёх оставшихся студентов

стянулись невидимые провода напряжения.

— Ребят, не надо... — попыталась вступиться Каролин.

— Я не веду беседы с бездомными, — сквозь зубы выплюнул Алекс и поспешно покинул аудиторию.

Стеф закатила глаза. Каролин осторожно подошла к ней.

— Спасибо...

— Это не делает нас подругами, — Стеф тут же отмахнулась от возможных прикосновений, — и не делает меня хорошим человеком. Если бы не моё положение, я вела бы себя хуже Мелани, — её суровый голос был похож на непробиваемую броню, которую она использовала и для защиты, и для ударов.

Стеф надела наушники и вышла. Каролин вышла следом, в расстроенных чувствах. Она обвиняла себя в неуклюжести, в том, что задела Алекса, и в том, что не сумела распознать злость Стеф. Бродя по коридорам с опущенной головой, Каролин вдруг поняла, что вовсе не была готова к реальному миру. Об этом не писали в книгах, не рассказывали в школе и не объясняли редкие друзья. В тот момент она почувствовала, как безвозвратно уходит невинность её детства и юности.

И пока Каролин пыталась разобраться в себе, Адриан остался наедине с профессором.

— Она вам сродни, — тише обычного сказал профессор Эреброс.

— О чём вы? — Адриан нахмурился и покосился на него.

— Вы знаете.

Адриан вздохнул без колебаний и коротко признался:

— Она слишком недоступна.

— И в этом её роскошь, не так ли? — профессор отложил записи, снял очки и поднял взгляд на студента. — Уайльд¹¹ ещё в девятнадцатом веке писал: «Если ты знаешь, что человек никогда не будет твоим, любить его можно бесконечно долго».

Адриан промолчал, глядя на выход из аудитории, словно в дверях всё ещё оставался её шлейф.

— Откуда вы это знаете?

— Примитивное наблюдение, не более того, — он выдержал паузу, не ожидая реакции. Он знал: Адриан её не покажет. — Вы бы давно получили ответ на свой главный вопрос — «как?» — если бы спросили. Но ведь вы питаетесь самим процессом поиска этого ответа. Не разочарует ли вас результат?

— Результат и станет продолжением процесса, профессор, — равнодушно ответил Адриан и покинул аудиторию.

Глава 3

Адриан

Многие культуры могли бы позавидовать французам — их искусству долгой паузы, возведённой из привычки в

¹¹ Оскар Уайльд – знаменитый ирландский писатель, поэт и драматург конца XIX века, прославившийся своим тонким остроумием, парадоксальным мышлением, ярким эстетизмом и культовым романом «Портрет Дориана Грея»

негласный закон. Французский перерыв — это не отдых, а точная настройка сознания: лишние мысли оседают, освобождая место для новых. И всё же решающее значение имеет компания. Именно за обеденной беседой во Франции истина впервые обретает голос.

В десяти минутах неспешной ходьбы от Сорбонны, ближе к набережной Сены, располагался ресторан с видом на Собор Парижской Богоматери — уцелевший сквозь века и пламя, словно в ответ на бессмертие, дарованное ему Виктором Гюго.

Алекс обедал с друзьями. Шарль заказал вино, которого не было в винной карте, и хороший стейк с гарниром; Мелани выбрала лёгкий, воздушный десерт с цельной вишней; Мишель механически заказал комплексный обед. Алекс нехотя ворошил зелёный салат с бальзамической заправкой, словно на тарелке лежало наказание, а не обед.

Мишель и Шарль обсуждали традиционную в их кругах вечеринку в честь начала учебного года, Мелани уткнулась в телефон, а Алекс пропускал разговор мимо ушей, всё ещё размышляя о лекции профессора Эреброса. Его окутывало беспокойство, и он даже не пытался это скрыть, однако присутствующим было на это совершенно наплевать.

Когда в ресторане мелькнула макушка Адриана — который успел провести короткое свидание в качестве своеобразной платы за кардиган, — ребята дружелюбно пригласили его присоединиться к трапезе.

— Мне не понравилось, как он со мной говорил. Точнее, вообще не говорил, — не выдержал Алекс.

— Ты о чём? — уточнил Мишель и сделал глоток сока.

— Он меня проигнорировал, — Алекс сложил руки на груди, как ребёнок, которого несправедливо оставили без десерта. — И его лекции вообще непонятные. Он не даёт знаний, потому что не использует учебные материалы, мне что делать теперь? Я готовился строго по ним...

— Брось, бро, — отмахнулся Шарль. — Не обращай внимания на сапожника без сапог.

— Точно! — вспомнила Мелани и убрала телефон. — Ты обещал его раскопать.

Все наострили уши, и даже у Адриана промелькнул интерес.

— Кароче, — весело начал Шарль, отодвинув свою тарелку. — Он бывший то ли психиатр, то ли психолог, не помню, — Шарль звонко тараторил. Его мысли всегда бежали быстрее сказанных слов. — Он сам с Канады, где вел частную практику. И он женат, а знаете, кто его жена?

— Кто? — уточнил Мишель.

— Его пациентка.

— А что такого? — спросил Алекс.

— В смысле, что такого? — удивилась Мелани. — Людям такой профессии нельзя заводить отношения с пациентами, это... Мишель, как это слово?..

— *C'est pas éthique*¹².

— Да!

— Да-да! Но самое интересное: этой пациентке было всего двадцать, ну, может, чуть больше, когда они обручились. А ему — вроде сорок... три? Не помню. Короче, ему было под полтинник. Когда всё это всплыло, от них все отвернулись, а у него отобрали лицензию. Но и это не всё! Он был подозреваемым — там какие-то сложные слова были, научные, я таких не знаю, — в проведении незаконных экспериментов над людьми. Но он выиграл дело и подал иск за клевету. Срубил халявного баблишка и уехал с женой в Европу, — он сделал длинный глоток вина и продолжил: — Я вот что думаю: раз он везде выиграл, значит, это и правда были только сплетни.

— Вау, — отреагировал Мишель.

— Как бы я ни был на него обижен, но он очень эксцентричный, — добавил Алекс. — Наверняка у него было много врагов. Может, это они и подали жалобу?

— Хорошая мысль, — поддержал Мишель.

Адриан запоминал каждое слово, но молчал.

— А мне он нравится, — разбавила обстановку Мелани.

— Ой, Мэл, тебе любое существо с членом нравится, — усмехнулся Шарль. — Бро, тебе бы стоило задуматься о сексуальной жизни со своей девчонкой.

— Обязательно, — дружелюбно усмехнулся Мишель.

¹² *C'est pas éthique* – неэтично (фр.)

— Если бы не он, я бы переспала со все-е-ем универом и начала бы с Алекса, — сказала Мелани и с театральной игривостью лизнула вишню, поскольку прекрасно понимала, какое впечатление это производит.

Алекс смущённо улыбнулся, витая в своих мыслях. Мелани, не получив должной реакции, продолжила:

— А закусила бы Адрианом. Что скажешь, красавчик? — кокетливо хихикнула она.

Адриан медленно нарезал тост с морепродуктами и поднял взгляд.

— От такой девушки приму это за комплимент, — ответил он с бархатной улыбкой.

— О-о-о, ты такой душка. И такой красавчик стал, когда подкачался. Мишель, бери пример!

— Ты отлично вписался в нашу компанию, бро, — заметил Шарль, допивая вино.

«Вписался в компанию — для компании. Но что насчёт меня?» — подумал Адриан.

Его одолевала скука бессмысленных разговоров. Слова за столом казались ему лишь шумом — бесконечным и лишённым всякого содержания. Он не понимал смысла флирта, пытался разгадать, зачем Шарль так кричал, рассказывая о профессоре, и искал ответ на вопрос, почему Алекс продолжал с ними общаться. Технически Адриан знал всё, но подлинного понимания так и не находил.

— Бро, кстати, придёшь на *soirée*¹³? — пригласил его Шарль.

— Подумаю.

— А вечером с нами у Мишеля не хочешь посидеть? — спросила Мелани. — У него новый повар из Испании! Такие блюда готовит — закачаешься.

— Увы, откажусь. Вечером запланированы съёмки.

— Точно! Я видел трейлер твоего фильма, — восхитился Мишель, вытирая губы салфеткой. — Аплодирую стоя, господин режиссёр. Всяко лучше того дерьма, которое снимают сейчас.

— Лучше похвалы и не придумать, — чуть загордился Адриан. Это он умел чувствовать. — Мне нужно перед семинаром забежать в магазин. Увидимся.

Адриан оплатил свой обед, коротко попрощался с однокурсниками и вышел из ресторана, где наткнулся на Каролин. Та прогуливалась возле достопримечательностей и остановилась у витрины ресторана.

— Оу, ты обедал с ними?

— Да. А что?

— А ты... Как бы аккуратнее спросить...

— Лучше говори как есть, я всё пойму. А пока говоришь, предлагаю зайти к профессору за заданием, — сказал он уже на ходу. — И пройдем через сквер.

— А? Да. Хорошо. Конечно... — Каролин нагнала его и

¹³ Soirée – вечеринка (фр.)

продолжила: — Вы компания... ну, как бы старых друзей?

— Проекты моей семьи спонсирует семья Алекса. Мы дружим с пятнадцати лет. А остальных я едва знаю.

Походка Адриана была ровной и чёткой — настолько, что казалось, будто он идёт по невидимой линии. Спина оставалась прямой, взгляд направлен исключительно вперёд, даже во время разговора. Одной рукой он придерживал лямку сумки, другую держал в кармане.

— Не хочу сказать ничего плохого. Просто я слышала, что друзья формируют нас, но ты... совсем не похож на них. Вот что я хочу сказать.

— Не беспокойся, Каролин. Это не мой случай.

Каролин говорила легко и без пауз, словно боялась, что тишина между ними станет неловкой.

Пока она продолжала рассуждать, Адриан отвёл взгляд вправо — к скверу. На скамье сидела Стеф с книгой по юридическому праву на коленях и половинкой сэндвича в руке. Она доедала его, не отрываясь от чтения. Затем Адриан снова направил взгляд вперёд — теперь уже с лёгким удовлетворением.

Во время свидания с девушкой, которой требовалось вернуть кардиган, он зашёл в несколько местных забегаловок и, выдав пару сотен евро, попросил устроить небольшую головоломку-розыгрыш с бесплатными сэндвичами.

— И поэтому я считаю, что очень важно подбирать себе правильных друзей. Вот так я считаю. Тебе, наверное, не ин-

тересно? — неловко уточнила Каролин.

Они остановились на светофоре напротив университета. Адриан перевёл взгляд на Каролин, улыбнулся и ответил:
— Очень интересно.

По окончании занятий Адриан ожидал водителя: в последнее время его машина часто подводила и давала сбои. В ожидании он обсуждал с Каролин дополнительное задание. Эреброс выдал им по папке с надписью «Project Persona: étude sur la plasticité du moi¹⁴» и сопровождал её словами:

«Мы часто говорим “я”, словно это некая константа. Но не задумывались ли вы, мои юные умы, что это всего лишь привычка? Ваша цель — доказать или опровергнуть эту теорию.

В течение недели вы должны создать и воплотить своё alter ego — новую личность. Не театрально, а психологически: новые мнения, одежду, вкусы, реакции, походку, манеру речи, выбор социума и так далее.

В папке вы найдёте всё необходимое».

Каролин шёпотом читала начальные инструкции из папки.

— Что думаешь? — спросил Адриан.

— Я не уверена, но, возможно... эм... вполне возможно, что сначала нам нужно составить список качеств этой новой личности, а уже от него отталкиваться и пытаться примерить

¹⁴ Project Persona: étude sur la plasticité du moi – проект «Персона»: исследование гибкости личности

их на себя.

— Отличная идея. Так и сделаем.

— Правда? — сияние её глаз не смогли затмить даже очки. — Спасибо...

Адриан ждал машину у дороги. Неподалёку толпились группы туристов, пришедшие воочию увидеть местную архитектуру — но отнюдь не ради катарсиса души, а ради снимков на зависть коллегам и друзьям.

— Только не знаю, что ты будешь делать. Зачем тебе меняться, если ты... — Каролин смущённо улыбнулась и опустила голову. — Такой идеальный... Не то что я...

— Разве суть проекта в изменении?

— Ну... Да? Или нет? А в чём же тогда? Альтер-эго мы создаём как идеальную версию себя. Поэтому я и сказала... Ну, имея в виду, что тебе уже и так нечего идеализировать...

Адриан положил папку в сумку, параллельно отвечая:

— Суть в примерке костюма нового человека. Он не обязательно должен быть идеальной версией внутреннего «я». Например, я могу надеть костюм серийного маньяка, а ты — продажной топ-модели. Оба эти костюма деструктивны, но хорошо передают суть. Идеальная версия нас — тоже костюм. Наша задача заключается лишь в выборе.

— А теперь у тебя отличная идея, — искренне, с ноткой наивности улыбнулась Каролин, будто услышала не философскую гипотезу, а обещание чуда. Она плотнее застегнула белое пальто, которое купила во время обеда, и обняла себя

за плечи. После слов Адриана она почувствовала себя глупо.
— Мы можем уточнить это у профессора.

— Я уже догадываюсь, что он ответит. Что-нибудь вроде: «Вы только что поняли суть телеологии Аристотеля. *Telos* — это цель на древнегреческом. И вы обнаружили подлинный телос проекта».

Каролин рассмеялась тому, как карикатурно Адриан изобразил профессора. Он ответил лишь натянутой улыбкой — безупречной по форме и абсолютно пустой по содержанию.

— Вы с ним два сапога пара, — весело заявила Каролин.
— Мне понравилось слушать ваши дискуссии на лекции.

В этот момент к тротуару подъехал чёрный Мерседес. Адриан, чуть расслабившись, поправил воротник её пальто и осторожным движением пальца приподнял её подбородок, заставив посмотреть на себя.

— И ты тоже идеальна, Каролин. Не стоит себя принимать, — он подмигнул и сел в машину.

Каролин застыла на месте, переваривая это волшебное мгновение. Неужели это намёк на симпатию? Неужели она так понравилась Адриану? Эмоции взяли верх, и она постучала в окно.

— Прости, я просто забыла спросить... — неуверенно начала она, поджимая губы, когда стекло опустилось. — Эм... В общем... У тебя есть кто-то на... ну, знаешь, на личном фронте? Или с той девушкой с кардиганом...

— Нет. Сейчас я не состою в отношениях.

— Вау, это очень круто! В смысле... я не имею в виду, что круто, что у тебя никого нет, а в смысле... вау! У тебя никого нет! Так удивительно, что у тебя никого нет... Я разболталась, да? Прости, пожалуйста. Увидимся!

Адриан не успел ничего ответить — Каролин убежала с чересчур очевидным смущением. Он лишь слегка поднял бровь, словно отмечая важную деталь.

Девушек подобного типажа Адриан воспринимал как лёгкую закуску с красной рыбой перед основной трапезой. За это короткое время он уже составил её психологический портрет: наверняка росла без отца; родительская фигура — холодная или безразличная; чётких интересов и жизненных целей не наблюдается; всё время занимает учёба, как способ закрыть внутренние пробелы; влюбляется легко; нетребовательная, лёгкая и удобная.

Могла ли она послужить его личным целям? Вполне. В ближайшее время Каролин окажется в своеобразном круге изгоев группы, куда входила и Стеф. Однако с Каролин придётся поработать — иначе Стеф станет с ней слишком скучно.

Стоило ему подумать о Стеф, как она тут же появилась в его поле зрения, выходя из дверей университета.

«Каролин может стать отличным инструментом», — подумал он, закрыл окно и сделал небольшой эскиз в блокноте.

Дом семьи Адлер-Вайсов находился в пригороде Парижа, на Авеню де Пасаж, и представлял собой двухэтажное здание из светлого камня — правильных линий и крупных окон без витражной вычурности. Перед входной дверью из тёмного дерева расстился гладкий газон и аккуратно выложенная дорожка.

Адриан вошёл и начал снимать обувь. В коридоре витал запах пачули, а с кухни доносились нотки корицы и чего-то слегка подгоревшего.

Просторная кухня с островом из холодного мрамора и современной встроенной техникой была первым, что бросалось в глаза.

— Я дома, — сухо сказал Адриан.

Он положил сумку на резной винтажный стол, снял обувь и поправил её положение, чтобы та стояла строго по линии.

Адриан мельком заглянул в гостиную. Там царила тишина и дизайнерская роскошь: величественная люстра по вечерам освещала белую обивку дивана и кресел, бежевые ковры с пушистым ворсом, вазы с увядшими цветами на высоких подставках и различные развлечения — огромный телевизор, шахматный стол, книжный шкаф и многое другое.

Не увидев ни отца, ни гостей, Адриан прошёл на кухню мимо лестницы, ведущей на второй этаж.

— Привет, дорогой мой, поцелуй чуть позже... У меня пирог не получился, — раздосадованно доложила Маргарет, заметив сына.

Она стояла в розовой футболке и фартуке; красные пряди коротких волос хаотично торчали из светлого пучка, словно змеи на золотом полотне. Её худощавые пальцы наливали ликёр в стопку.

Адриан подошёл к ней и скользнул взглядом по экрану планшета с рецептом.

— Мам, ты перепутала. Сюда нужно добавить разрыхлитель, а не смесь соды с уксусом.

На кухне царил кулинарный хаос, который Адриан тут же принялся приводить в порядок.

— Точно! Значит, переделаю, — она выпила рюмку и налила новую. — Обожаю делать ошибки. У меня, знаешь, благодаря им высокие рейтинги!

Её театральная манера речи была главной отличительной чертой. Она всегда говорила так, будто находилась перед камерой. Маргарет слишком давно стёрла грань между образом на экране и реальной жизнью.

«Видимо, я был одним из них», — подумал Адриан.

— По правде говоря, я думаю, из-за этих ошибок и упали рейтинги у шоу... — она выпила рюмку залпом. — Прорвёмся. Просто в блог или шоу нужен новый элемент, — забыв о пироге и кухонных хлопотах, она принялась рассуждать вслух. — Скандал, или взрыв, или вау, или нового человека. Только яркий кто-то нужен... Хм, может, друга твоего отца? Или... Ой! Плевать! потом подумаю.

Адриан молча налил себе горячий кофе без сахара и сел

за стол, поставив кружку ровно в центр подставки.

— Последнее время ты очень редко приходишь к нам. Мы с папой очень скучаем, — Маргарет села напротив. — Взрослая жизнь совсем затянула, да? — она старалась разбавить холодность сына невинными усмешками.

— В августе и сентябре я готовился к поступлению и заканчивал короткий метр. А вы приезжали в Париж всего на восемь дней — и то не подряд.

— Да, это моё упущение. Но ты уже взрослый и понимаешь: закрытие сезона, сметы... Зато мы дома до следующего лета. Я, по крайней мере.

Адриан кивнул, не поднимая взгляда, выслушивая очередные оправдания.

— Так как идут твои дела? — наконец спросила она.

— Всё хорошо, — улыбнулся Адриан.

Маргарет подозрительно выгнула бровь.

— Мой доктор уехал из Парижа.

— Правда? Почему? — Маргарет налила полный бокал вина, словно воду. Она улыбалась слишком легко, как человек, который боится серьёзного разговора.

— У него не было причин отказываться от меня или передавать меня другому психиатру. Судя по всему, я его утомял. Или довёл, — он пожал плечами. — Как и других.

Маргарет накрыла своими руками его запястья и чуть сжала их.

— Ты поэтому решил поступить на психологический?

Разобраться в себе?

— Я давно разобрался в себе. Ещё в детстве, когда вы заперли меня в психушке.

— Это была элитная больница, а не психушка.

— Всё равно. Знание причин происходящего не даёт результата. Я всё ещё не знаю, что мне делать с этой бесконечной скукой.

Маргарет выдержала паузу, словно собираясь с мыслями, и вернулась замешивать новое тесто.

— Любой родитель всегда хочет гениального ребёнка. Но ни один родитель не догадывается, насколько высока цена этой гениальности.

— Но почему плачу я? Как будто это бесконечный долг по кредиту, который я не брал.

— Сынок, я плачу не меньше. Но если... если нельзя вылечить, можно научиться жить. Так ведь? — Маргарет всегда старалась мыслить в направлении оптимизма.

— Попробуй сказать это, побывав на моём месте. Хорошо?

Она тяжело выдохнула, но это не сняло груз вины и ответственности, который она носила с детства Адриана. Маргарет обняла его со спины, как будто пыталась защитить от мира, который сама же ему и подарила. Прижала его голову к груди и мягко поцеловала в макушку.

— Я люблю тебя. И как мать я точно знаю: ты справишься. Ты только посмотри на себя со стороны! Ты уже успешен.

Я уверена, девчонки от тебя просто падают. У тебя будет отличная девушка и семья...

— Моя последняя девушка покончила с собой.

Маргарет выдержала долгую паузу после столь рокового напоминания. Она не любила вспоминать тот период жизни, когда плакала на судебных разбирательствах и молилась на хорошие связи и щедрые гонорары адвокатам.

— Наплюй на это. Я их помню, твоих девушек, и они тебе не ровня, — Маргарет вернулась к плите. — Одна избалованная американка, а вторая наркоманка. Пф. Нашёл из-за кого переживать. Да и, знаешь, плевать на диагнозы! Если ты таким родился, никто не виноват. Я уверена, из восьми миллиардов людей найдётся девушка — если не сотни — кто примет тебя таким, какой ты есть.

— Довольно странный аргумент. Учёные доказали его несостоятельность. Из этих восьми миллиардов нужно убрать стариков и детей, затем женатых, затем...

— Стоп! — Маргарет не выдержала. — Я поняла, не продолжай. С таким подходом побегии твоих психиатров совсем не удивитель... — она тут же осеклась и исправилась: — Извини. Не хотела. Я много выпила и...

На пороге кухни появился Поул — низкий и полноватый мужчина с усами.

— О-о-о! Какой у нас сегодня почётный гость.

— *Hallo, papa*¹⁵, — Адриан встал, и они расцеловались в

¹⁵ Hallo, papa – привет, папа (нем.)

обе щеки.

— *Hallo*, — он говорил с ярко выраженным немецким акцентом. — Как первый день в универе?

— Отлично.

Отец с гордой улыбкой обнял его за плечи.

— Сразу видно мо-о-ой сын! Я всем хвастаюсь, а мне, представляешь, никто не верит! Ха-ха. Я ж совсем оболтусом был в твои годы.

Он заметил, как Маргарет прячет пустые бутылки вина, и тут же сменил тон.

— Сынок, дашь нам с мамой поговорить?

— Я как раз собирался на съёмки. Заеду в следующий раз.

Он не успел выйти из дома, как семейный очаг кухни наполнился треском бокалов, криками и взаимными обвинениями. Адриан не вслушивался. Родители до бесконечности спорили об одном и том же разными словами: взаимные измены, финансовое состояние, карьера, положение в обществе, старые обиды и прочее.

Никаких съёмок в тот день не планировалось. Адриан просто вернулся в свою квартиру в центре, когда за окном уже опустились сумерки. Квартира встретила его привычной тишиной.

Сделав рутинные дела, он приступил к проекту и последовал совету Каролин — составить список. Он открыл ноутбук, создал новую заметку и вдруг понял, что совсем не знает, что написать. Слово «нормальный» мигало в голове, как

курсор на пустой странице.

Цепочка размышлений о собственном поведении привела его к единственной точке, в которой последние годы неизменно сходились его мысли. Он закрыл ноутбук и решил перейти к действиям — вручить Стеф подарок лично или подписать его.

На другом конце города, в маленькой студии, Каролин ломала голову над тем же списком. Слова Адриана о продажной топ-модели частично вдохновили её. Как и положено отличнице, она изучила весь материал о модельной сфере и теперь записывала пункты, приговаривая их вслух:

— Модели ходят с прямой спиной... Чёрт, я слишком сутулая! Что дальше? Модельная походка — с поднятой головой... Далее: модели сидят на диетах... Так это что, мне теперь не есть сладкое? Блин... Ладно, неделю потерплю. Так... модели... модели уверенные... — она вздохнула, — уверенные в себе...

Она закрыла ноутбук и плюхнулась на кровать. Обняв подушку, Каролин почти сдалась. Не проще ли было выбрать другой костюм? Мысли о собственной никчёмности поглощали её без остатка.

Каролин подошла к окну, где Париж жил своим обычным ритмом, и гадала, сумеет ли она в него вписаться. От мыслей её отвлек звонок бабушки.

— Мой цветочек¹⁶, ты уже вернулась с учёбы? Не томи меня и рассказывай всё-всё!

Каролин обожала бабушку всем сердцем. Только с ней мир становился простым и тёплым — словно в нём не существовало ни чужих взглядов, ни скрытых правил. Как же её не хватало здесь...

Она рассказала о Мелани и компании, о Стеф, которая за неё заступилась, об Адриане — общением с которым она больше хвасталась, чем действительно делилась, — и о каждом впечатлении, стараясь придать им чуть больше значимости, чем они имели на самом деле.

— Не самый удачный день... — вздохнула бабушка.

— Да, но я думаю, что новый проект поможет мне... Как это сказать? Раскрепоститься, что ли. А ещё я бы хотела стать как они. Как думаешь, можно ли дружить с богатыми, если у тебя нет столько денег?

— Конечно, можно, — мягко ответила бабушка. — Люди ведь не только кошельками живут. Изабель ведь как-то вращается среди них, иначе тебе бы не смогли оплачивать жизнь в городе, мой цветочек. Тем более у тебя уже появился богатый кавалер.

Имя матери прозвучало как неуместный аккорд. Каролин едва заметно поникла, но, даже по телефону, не позволила себе этой слабости.

¹⁶ Здесь игра слов: у Каролин фамилия Флёр (Fleur), что переводится как «цветок».

— Ну, не кавалер он... А думаешь, встречался бы со мной?

— Как с тобой можно не встречаться? — бабушка усмехнулась. — Мне пора бежать на обследование, вечером перезвоню.

— Обследование? Что-то серьёзное? — Каролин чуть взволновалась.

— Да обычное ежегодное... — ответ прозвучал слишком легко и поспешно. — Всё, мне пора. Целую тебя, мой цветочек.

Каролин ещё долго держала телефон в руке, вслушиваясь в уже исчезнувший голос. Где-то внутри, под всеми её надеждами и попытками «стать кем-то другим», жило ощущение ограниченности — не только деньгами, но и чем-то более неуловимым, словно у её возможностей был невидимый потолок.

И всё же Каролин даже не подозревала, насколько близко уже находилась к человеку, для которого её положение — её наивность, её уязвимость, её стремление быть принятой — было бы не слабостью, а желанным даром.

Глава 4

Алекс

Осень в тот день была обманчиво щедрой. Солнце стояло низко и золотило холмы Рамбуйе, словно художник, не пожалевший краски для последнего мазка перед зимой.

Шато знатной семьи де Труа стояло на границе леса Рам-

буйе, среди старых охотничьих угодий, и всего в нескольких километрах от старой дороги на Монфор-л'Амори — той, по которой некогда ехали кареты парижской знати, скрывавшейся от городского шума в глубине королевских лесов.

Солнечный свет ласкал фасад огромного дома, подсвечивал каждый карниз и балкон, словно стараясь подчеркнуть его величие. Однако внутри дома стояла иная погода.

Там нависала та самая тишина, которая не имела ничего общего с покоем. Золото зеркал, дорогой паркет и старинные гобелены отражали свет, но не могли разогнать тьму — особенно ту, что поселилась в душе Алекса.

Его тело было пропитано горячим потом после изнурительной тренировки в зале на нижнем этаже. Тренировки служили ему надёжным способом побега от реальности.

В 7:45 прозвенел таймер, и Алекс, выпив на ходу протеиновый коктейль, направился в душ.

Его окружало собственное отражение в сплошных зеркалах. Роскошный рельеф мускулов, устрашающие шрамы от розог во всю спину — некоторые из них ещё не зажившие, — загорелая кожа без единого светлого пятна. Всё это выглядело как идеально отточенная скульптура, но отнюдь не как человек.

В его случае это была скульптура без головы — набрать мышечную массу оказалось куда легче, чем попытаться привыкнуть к собственной внешности. Поэтому на своё лицо он предпочитал смотреть лишь через запотевшее стекло душе-

вой, чтобы уродливые, как утверждали его тётушки и кузены, черты не мозолили глаза.

У Алекса было лицо, в котором мягкость юности сочеталась с доброй серьёзностью: высокий лоб, тонкий прямой нос, густые ухоженные брови и карие глаза, в которых ещё сохранялась надежда на что-то светлое.

После тренировки он поднялся по мраморной лестнице в своё крыло шато. Сшитый по индивидуальным меркам костюм, подготовленный домашним персоналом, уже ждал его в комнате на привычном месте.

Почти каждое утро Алекс надевал не только тканевый костюм, но и другой — ментальный, словно сшитый его матерью из навязанных стереотипов, правил этикета и наказаний.

Алекс привёл себя в порядок: уложил каштановые волосы, иногда выдёргивая выбившиеся пряди, проверил часы на запястье и внимательно осмотрел одежду — одна складка могла стоить слуге работы, а ему самого очередного удара. К восьми тридцати он направился в столовую на завтрак.

По пути он получил сообщение от Шарля:

«Хей, бро! Тусим в коттедже Мишеля. Адрес кину. Ты будешь?»

«Я же просил не писать так прямо!»

Алекс остановился прямо на лестнице и, зажмурив глаза, обречённо вздохнул, прежде чем продолжить путь. Теперь он шёл медленнее.

Потолки обеденной залы были настолько высоки, что лю-

бой голос гулко поднимался вверх и гаснул под сводами. Под такими потолками непозволительно быть никем — и Алекс ежедневно в этом убеждался.

Отец уже сидел во главе обеденного стола, читал свежую газету и пил кофе, над которым поднимался лёгкий пар.

— *Bonjour*, — сказал Алекс и сел на своё место, где его уже ждали фарфоровые чашки, идеально натёртые столовые приборы и тканевые салфетки молочного оттенка.

— *Bonjour*, — ответил отец и отложил газету. — Я пропустил вчерашний ужин. Есть новости? — он улыбнулся той осторожной улыбкой, которой пользуются люди, привыкшие поддерживать мир в доме.

— Особо никаких.

Не будь он так взволнован из-за сообщения, которое, наверняка, уже попало под соколиное внимание матери, Алекс бы рассказал о компании, в которой не желал находиться, о ссоре с опустившейся на дно аристократкой, о профессоре и прочем. Глядя на отца, Алекс надеялся, что с возрастом его собственные черты лица станут более выразительными, а он сам обретёт ту спокойную уверенность зрелости.

Мартин хотел продолжить разговор, но в дверях уже появилась главная хозяйка этого дома. С её появлением воздух в комнате словно похолодел.

— *Bonjour*, дорогая. Как ты себя чувствуешь?

В дверях появилась Жозефин. Болезненная бледность её кожи резко контрастировала с пурпурным шёлком халата.

Она села во главе стола, напротив Мартина, и сухо кашлянула в платок.

— Лучше, — холодно ответила она.

Алекс ненавидел её хриплый голос. От этих мерзких нот он не мог избавиться ни в жизни, ни в кошмарах.

Персонал начал подавать завтрак. Алексу приготовили яйцо пашот, порцию салата из свежей зелени и апельсиновый сок. Он всё размышлял, когда ему, наконец, пригодится умение давиться безвкусной едой и не подавать виду.

— Александр, хочу поговорить о твоей учёбе, — без всякой мягкости начала Жозефин, хотя слова «мягкость» и «Жозефин» едва ли могли стоять в одном предложении.

Алекс выпрямился, словно солдат на проверке, скрыл напряжение в мышцах, незаметно втянул как можно больше воздуха и задержал его — старый трюк, позволявший удерживать лицо неподвижным.

— У меня всё хорошо, — что в голосе, что во взгляде исчезла жизнь: их покрывало сплошное подчинение.

— Хорошо? — переспросила она с явной претензией. — Твой дядя — выпускник Гарварда, вот это *хорошо*. Его сын, самостоятельно поступивший туда же, трехкратный чемпион Франции по горным лыжам и ассистент кафедры с высшими баллами — это *хорошо*. Даже твоя кухня в прошлом году поступила в пресловутый Оксфорд — это *хорошо*.

Веки Алекса дрогнули.

— А поступить в жалкую Сорбонну через своего друга,

— продолжила Жозефин после паузы, — это *нехорошо*.

— Мои баллы выше среднего.

— А какими они должны быть?

— Высшими, мама. Я... — Алекс сжал кулаки под столом.

— Я буду работать усерднее.

— Хватит мямлить. Я воспитывала тебя мужчиной, а не хлюпиком. Будь добр доказать свои старания делом. В противном случае я верну тебя на домашнее обучение.

Мартин осторожно вмешался в их разговор:

— Любовь моя, позволь поправить: все перечисленные тобой поступили туда далеко не благодаря большому уму. Александр, в свою очередь, ни разу не попросил нас о помощи при поступлении. Я имею в виду, что его самостоятельный выбор направления и вполне пристойные коммуникативные навыки заслуживают похвалы. Ты не согласна со мной?

— Я соглашусь с тобой и обязательно похвалю его, когда его имя в высших кругах затмит твоё, Мартин. К тому же я достаточно увидела, к чему привели его «свободные решения» три года назад.

На семейный завтрак опустилась гнетущая тишина, которую нарушал лишь тихий звон приборов. Напряжение Алекса немного отступило, когда он понял, что вовремя удалил сообщение. Но стоило ему об этом подумать, как Жозефин спросила:

— Твоя учёба — прикрытие для очередных притонов?

— Нет, — на виске Алекса выступила тяжёлая капля пота.

— Шарль номером ошибся.

— Ещё и гнусная ложь... В четверг у меня тяжёлая операция, и не дай бог я узнаю, что ты воспользуешься моим отсутствием. Мартин, тебя это тоже касается.

— Я прослежу, — кивнул тот.

— Александр, если ты закончил завтрак, отправляйся в *комнату*.

Мысленно послав Шарля ко всем чертям, Алекс исполнил очередной приказ. Пока он шёл в *комнату*, каждый его мускул дрожал, а ноги будто превратились в вату. Алекс ощущал себя в кандалах каторжника. А если учитывать, как коротко он переставлял ноги и как сжимал руки перед собой, — кандалы действительно присутствовали, только невидимые.

Комната наказаний — полупустая, с тяжёлыми шторами и старым письменным столом — находилась в дальнем крыле дома. Алекс остановился у стола на секунду, затем, уняв дрожь, снял пиджак и аккуратно сложил его на стул. Это действие было настолько же привычным, как и утренний душ.

Ротанговая трость несколько раз рассекла воздух.

Алекс сжал зубы и смотрел в тёмную поверхность стола, считая удары.

И во время мучительных ударов он уже грезил о предстоящей вечеринке. Частые наказания со временем теряют свою эффективность и даже имеют свои светлые стороны. Алекс,

пусть и боялся их, знал, что получит их в любом случае. За вечеринку он уже получил, а значит, не осталось причин её пропускать. А если судьба пошлёт ему немного удачи и после вечеринки он вовремя вернётся, то, возможно, избежит новых шрамов.

Закончив с воспитанием, Жозефин внезапно закашлялась. Кашель был долгим и сухим, словно тело пыталось напомнить ей о слабости. Алекс молча слушал душераздирающие звуки, совсем неэтично благодаря вселенское правосудие за этот внезапный приступ.

В комнату постучала обеспокоенная горничная и вошла.
— Мадам де Труа, вам лучше пойти прилечь. Я вам помогу.

— Я сама дойду.

Во время занятий Алекс старался не прислоняться к спинке стула и двигаться осторожнее — ткань болезненно натирала свежие следы.

Закончив обед с Мелани и Мишелем пораньше, он отправился в библиотеку, чтобы подготовиться к семинару.

В библиотеке царила густая тишина, словно церковная, которую нарушали лишь перелистывание страниц и тихие щелчки клавиш ноутбуков. Тёмные дубовые стеллажи уходили под потолок, будто стремились к своду, где мифы, математика, философия и медицина переплетались в единую вечную мысль.

В поисках свободного стола Алекс мельком заметил красивую девушку, решавшую уравнения. Её нежные кудри рассыпались по тонким плечам, сосредоточенные зелёные глаза скрывали длинные ресницы, а на симметричных губах сиял розовый блеск.

Очаровательные девушки всегда обладали удивительной способностью сглаживать переживания Алекса. Поэтому он, призвав всю свою мужскую харизму, подошёл к ней, с обворожительной улыбкой опёрся на стол и пленительно произнёс:

— Я так полагаю, сам ангел решил спуститься к бранным земным душам, чтобы грешники слепли от столь божественной красоты?

Она подняла голову, и её манящие глаза растерянно пробежали по сторонам, словно пытаясь найти девушку, к которой Алекс обращался.

— Погоди... Ты со мной говоришь?

— А разве ты видишь здесь девушку красивее? — Алекс игриво выгнул бровь. — Познакомимся?

— Но, Алекс... Мы знакомы...

Алекс потерял дар речи, когда увидел имя на её блокноте — и наконец узнал её. На плечо Алекса легла рука Адриана.

— Это Каролин, — сказал он с лёгкой гордостью.

В памяти Каролин этот момент словно выжгли клеймом — чтобы она никогда не забыла шокированного выражения лица Алекса.

— Ты её приодел? — Алекс повернулся к нему.

Адриан почтительно кивнул; улыбка не сходила с его лица.

— Что могу сказать... — вздохнул Алекс и позволил себе ещё несколько секунд, чтобы разглядеть Каролин. — Хороший выбор, бро. Я завидую, — последние слова он прошептал только Адриану.

После этого Алекс нашёл свободный стол и принялся за учебную работу.

Адриан поставил на стол два бумажных стакана с кофе и сел рядом с Каролин. Той уже не терпелось задать целую кучу вопросов, и она по-детски потормошила его за плечо.

— Погоди-погоди-погоди! Это он... он ко мне сейчас подкатывал? Флиртовал со мной? Я ему понравилась?

— По всем признакам — да.

— Вау... — она отнюдь не скрывала своего пламенного восторга, но всё же понизила голос. — Я понравилась Алексу... Я хоть кому-то понравилась... Я правда такая красивая?

— Правда.

— Ты лучший, — она приобняла его за плечо.

Пока Адриан уткнулся в тетради и планшет, Каролин развернулась на стуле и посмотрела на Алекса. Его слова про ангела показались ей неожиданно романтичными и сумели сгладить недавний инцидент с рубашкой. Каролин немного пристыдила себя за эти мысли, но всё же искренне считала

Алекса красивее Адриана — возможно потому, что он отдалённо напоминал американского актёра Джима Керри.

Когда их взгляды пересеклись — Алекс как раз поднял голову, — Каролин тут же отвернулась, будто её поймали на чём-то запретном.

«Новая личность» для проекта не подразумевала скромности, но Каролин пока только училась надевать этот костюм — и мысленно простила себе эту слабость.

Тишину и гармонию библиотеки нарушила Стеф, влетевшая, словно ураган, и с устрашающим грохотом шагов подошедшая к Алексу. Несколько студентов вздрогнули и подняли взгляды.

— Де Труа! Это уже слишком даже для тебя! — она бросила на стол небольшую чёрную коробочку с бордовой лентой. Оттуда на стол выпали круглые пирожные и карамельная буква «S». Следом Стеф швырнула ему в лицо записку с надписью: «Твой А.»

Алекс ничего не понимал и в качестве защиты бросил грубое:

— У тебя совсем крыша поехала? Съешь свои кексы и оставь меня.

— Ты издеваешься?! — её голос, полный горечи и агрессии, начал дрожать. — Шарль знал, что я ела их с отцом, и вы решили так поиздеваться? Это отвратительно!

Алекс вздохнул, пытаясь отогнать нарастающее раздраже-

ние. Адриан наблюдал за происходящим со стороны и понял, что вмешиваться бесполезно: на такой исход событий он не рассчитывал.

— Стеф, клянусь, я ничего не передавал. И записка эта не моя!

— А чья? Только такой самовлюблённый хлюпик, как ты, мог так подписаться!

— Ты мне надоела, — Алекс взял одно пирожное и откусил. Несмотря на витающую в воздухе враждебность, вкус десерта оказался превосходным.

Стеф же ощущала только вкус унижения. Она напоминала ручную гранату, у которой уже выдернули чеку и оставалось лишь бросить.

— Шикарные пирожные, спасибо, — довольно ухмыльнулся Алекс и дожевал, как ни в чём не бывало.

Нахальное «спасибо» стало тем самым броском гранаты. Часть студентов, предчувствуя неладное, на всякий случай покинула помещение. Адриан и Каролин подорвались с места и направились к эпицентру трагедии.

— Тебе конец, — коротко бросила Стеф и схватила Алекса за шею, ударив его лицом о стол.

Оставшиеся студенты выбежали уже с воплями.

Из обеих ноздрей Алекса начала сочиться кровь, когда он с трудом поднялся, издав болезненное мычание.

— Ты что творишь?!

Стеф, уже не видя и не чувствуя границ, попыталась на-

броситься на него снова, но Адриан подоспел и схватил её со спины. Стеф продолжала брыкаться даже тогда, когда Адриан поднял её над полом.

— Спокойно, — сказал он и вдруг понял, где оказались его ладони в этой экстренной ситуации.

Каролин шокированно раскрыла глаза и прикрыла рот ладонью. Алекс запрокинул голову назад и мычал что-то невнятное, пока возмущение Стеф росло до размеров Эйфелевой башни.

Выйдя из секундного паралича от негодования, она медленно повернула голову и процедила через плечо:

— Может, ты уже уберёшь свои руки с моей груди?..

В кабинете профессора Эреброса тишина была частью интерьера, которую разрезало тиканье часов — спокойное и неестественно ровное.

На носу Алекса был пластырь. Боль уже отступила, но несколько ссадин на подбородке и лбу оставались напоминанием о произошедшем. Стеф сидела на соседнем стуле с недовольным выражением лица и сложенными на груди руками.

Профессор Эреброс молча ждал их оправданий — долго и садистски вежливо.

— Вы осознаёте ответственность за свои действия?

Они не ответили.

— В таком случае позвольте объяснить: вы подорвали

устоявшуюся репутацию университета, создали проблемы невинным студентам, директору и мне.

— Я ни о чём не жалею, — тут же выдала Стеф. — Если университет принимает студентов вроде Алекса, то не моя вина в том, что я заступилась за свою честь.

— Что значит «вроде Алекса»? — возмутился он.

— Опустим подробности, — вмешался Эреброс.

— Профессор, я чем угодно готов поклясться, что никак не замешан в этой истории с пирожными. Я был в библиотеке, готовился к семинару, и она ни с того ни с сего набросилась на меня.

— Александр, вас никто не обвиняет. Вы сделали это сами.

В кабинете вновь воцарилась священная тишина.

— Вы оба так отчаянно хотите казаться сильными, что совсем позабыли быть взрослыми. Скажу честно: со стороны это выглядит крайне жалко.

Он владел своим голосом и словами изящнее хирурга со скальпелем. Его реплика подтолкнула Стеф к объяснению своих действий:

— Ещё в первый день «золотая компания» нашей группы набросилась на меня всей толпой, будто банда из гетто, и в тот же день я ударила де Труа книгой. Мелани пообещала, что спокойной жизни мне не видать, и тогда они придумали этот мерзкий и неэтичный план, чтобы меня извести.

— Я тебе ещё раз повторяю: это не я, — раздражённо,

сквозь зубы сказал Алекс.

— Достаточно, — приказал профессор и сложил ладони вместе. — Вас могли исключить.

В ту же секунду у Алекса, казалось, подскочило давление, и из носа вновь начала сочиться кровь. Он приложил платок к носу и гнусаво сказал:

— Только не это...

— Мадемуазель Вирель? — он обратился к девушке, у которой столь серьёзные слова не вызвали ни малейшей эмоции.

— Мне всё равно.

— Я располагаю внушительной информацией и осведомлён, что ваш отец зарезервировал вам место более двух лет назад. Я всё правильно понимаю?

— Да...

Этих слов оказалось достаточно, чтобы окатить её ледяной водой и усмирить пылкий характер. Хотя Стеф всё ещё не жалела о содеянном и слишком хорошо знала отца, который, несомненно, встал бы на её сторону.

— Профессор, пожалуйста, я сделаю что угодно, только не надо исключать, — взмолился Алекс, когда остановил кровь.

— Об исключении и речи быть не может, пока я ваш преподаватель. Вы — одни из выдающихся студентов на факультете, вот почему я, узнав о произошедшем, решил вам помочь. Я не желаю начинать свою преподавательскую деятельность с радикальных мер, — спокойно ответил профессор.

— Поэтому уже доложил директору необходимую версию.

Алекс облегчённо вздохнул и расслабился — до тех пор, пока не прижался к спинке стула. Стеф заметила, как его глаза на секунду сощурились и как он машинально потянулся рукой к спине. Но ведь их недавняя стычка задела только лицо — причём здесь спина?

— Но, — подчеркнул Эреброс, — это отнюдь не означает, что вы останетесь безнаказанными. Со следующей недели после занятий вы будете оставаться ещё на два часа и помогать клининговой службе университета — проводить генеральную уборку аудиторий.

— Я... уборщик? — удивился Алекс.

— Насколько мне известно, Александр, некоторые члены вашей семьи поднимались до своего положения с самых низов. Вполне вероятно, что они одобряют ваш благородный порыв помочь уборщикам в их нелёгком труде.

— Вы скажете родителям о случившемся, профессор? — тихо спросил он, стыдливо склонив голову.

— Я уважаю тайны, Александр. Но лишь в том случае, когда они оплачены характером и стойкостью. Пока что я вынужден выдать вам кредит.

Чувство благодарности и бесконечного долга охватило Алекса, и он поднялся, протягивая руку над столом.

— Спасибо вам огромное, что выгородили меня. Вы самый лучший куратор...

Профессор почтительно кивнул после рукопожатия, а за-

тем снова обратился к Стеф.

— Мадемуазель Вирель, у вас есть трудности с благодарностью?

— Я не благодарю за помощь, о которой не просила.

— Я ценю ваши принципы. Они честны.

— У вас такие же?

— У моего близкого человека, — профессор поднялся со своего места и направился к двери. — Хочу вас обрадовать и сообщить, что к вам на помощь вызвались несколько добровольцев. Они будут помогать с уборкой и следить за вашим поведением. В случае возникновения угроз друг для друга они сообщат мне. Можете войти, — чуть громче сказал он.

В кабинет вошли Адриан и Каролин.

— Ещё и надзиратели, — прошептал Алекс.

Стеф тихо усмехнулась.

Новая версия Каролин действовала смело и решительно, поэтому она первой решила объясниться:

— Всем привет! Я решила помочь, потому что в первый день ты помогла мне, а Адриан...

— Я сам, — он остановил её жестом и сел рядом со Стеф.

Та холодно смерила его взглядом и с сарказмом бросила:

— Не налапался?

На секунду Адриан позволил себе вспомнить тот волшебный миг в библиотеке, когда он забылся в резких действиях, в запахе её волос и кожи, которые заполнили без остатка всё его пространство и, казалось, всю жизнь.

— Прости меня. Мне действительно нет оправданий, и следовало быть внимательнее в своих действиях. Я лишь хотел защитить тебя и никак не намеревался задеть твою честь. Но если это всё же произошло, пусть даже по столь нелепому стечению обстоятельств, я приношу свои извинения.

— Как романтично ты говоришь... — случайно вслух сказала Каролин и тут же поймала на себе взгляды. — Простите...

— Я впервые слышу такие неискренние извинения, — ответила Стеф. — Но я в здравом рассудке — надеюсь — и понимаю, что ты не виноват.

Профессор начал складывать учебные материалы в дипломат и подвёл итог:

— Полагаю, конфликт исчерпан?

— Да, — ответила Стеф.

Алекс ненавидел этот странный день, в котором оказался втянут в нелепый водоворот событий. Ситуация с пирожными так и осталась для него загадкой. Но это странное обстоятельство, сложившееся из кирпичей враждебности Стеф и невезучести Алекса, служило вовсе не для эмоциональных жизненных качелей, а для чего-то более масштабного. Ведь, как известно, всё великое начинается с малого.

— В таком случае на сегодня все свободны, — заключил профессор.

Алекс бегом покинул кабинет, будто стремился как можно быстрее вырваться из этого бесконечного, нелепого дня.

Стеф молча вышла следом. Каролин вежливо попрощалась и ждала за дверью Адриана, которого профессор попросил задержаться.

— Я не буду спрашивать вас о произошедшем. И всё же меня одолевает любопытство. Доставьте мне удовольствие и ответьте: когда вы составляете план с двумя параллельными линиями, вы рассчитываете каждый шаг или полагаетесь на волю случая?

— Второе. Но если вы про сегодняшний случай — это полный провал. Как и дополнительный проект.

— Разве можно считать провалом ежедневные два часа в условиях замкнутого пространства?

Адриан молниеносно поразмыслил и признал правоту профессора.

Профессор Эреброс, как и Адриан, почти не выражал эмоций и не позволял себя читать. Оставалось лишь догадываться, какими намерениями он руководствовался, но одно было ясно наверняка: между ними с первого дня возникла удивительная связь, приносившая одному интеллектуальное удовольствие, а другому — необходимые наставления.

— Окажете честь составить нам с женой компанию за ужином в следующем месяце? — спросил профессор.

— С удовольствием.

Глава 5

Вечеринка

Тёплая осенняя ночь опустилась на Париж медленно и торжественно; небо окрасилось в глубокий цвет сапфира, а луна — бледная и равнодушная — возвышалась над крышами так спокойно, будто наблюдала за очередным человеческим спектаклем уже сотни лет. В ту ночь она особенно ярко освещала один из таких спектаклей.

Парижские вечеринки золотой молодёжи — это история не про хаотичный шум. Это утончённая агония молодых богов, которые упиваются литрами редкого, коллекционного алкоголя в попытках забыть — или, напротив, напомнить себе, — что они всего лишь смертные, которым доступна любая роскошь, кроме самой желанной: вечности.

Вечера юношеско-светского веселья, которые устраивали Шарль и Мишель, как правило, собирали больше всего гостей. Их приёмы напоминали работы старых художников: очаровательные издалека, но при ближайшем рассмотрении в глаза неизбежно бросались кракелюры¹⁷.

Каролин и Адриан ехали на заднем сиденье такси и обсуждали домашние задания, пока Каролин усердно поправляла макияж, всё никак не понимая, что именно её в нём раздражало. В конце концов она разочарованно сложила зеркало и блестящие тени в косметичку. Уже который день её мысли всё чаще возвращались к одному и тому же: макияжем или «новым костюмом» невозможно исправить собственную

¹⁷ Кракелюры – трещины красочного слоя или лака в живописи и на керамике, образующиеся со временем или создаваемые искусственно для эффекта старины

суть.

Машина притормозила на гравийной подъездной дорожке, и Каролин внезапно захотелось сбежать.

Сквозь тонированное стекло она увидела коттедж из светлого известняка. В груди возникло волнение, которое она в последний раз испытывала в первый учебный день, когда увидела университет. Подобные дома ей прежде доводилось видеть лишь в кино о богатой жизни. На крыльце висел старинный кованый фонарь, мерцавший в темноте, как огонёк зажигалки.

— Я точно хорошо выгляжу? — спросила Каролин.

Её волосы были собраны в утончённый пучок; несколько прядей спадали на виски с продуманной небрежностью. Матовый тон лица казался делом рук профессионала, общий контур был безупречен, а завершал образ ровный смоки-айс на базе бежевых оттенков.

Адриан не зря однажды привёл в пример «продажную модель»: ещё одну такую он сейчас видел перед собой. Её универсальное лицо отлично смотрелось бы на гляцевых обложках, а фигура, несмотря на худощавость, вполне соответствовала модельным стандартам.

Он взял из её косметички ватную палочку и аккуратно стёр едва заметное пятнышко у контура губ, а затем другой стороной палочки поправил стрелки.

— Твоей девушке очень повезёт с тобой... — осторожно сказала Каролин, подняв глаза и стараясь не сбить руку сво-

его «мастера».

Когда он закончил, Каролин ещё раз взглянула в косметическое зеркальце, пытаясь отыскать недочёты. Затем повернулась и посмотрела на коттедж через окно, но выходить не торопилась.

— Я боюсь, — призналась она, сглатывая ком в горле. — Мне и в университете тяжело с ними, а здесь придётся... Я не знаю. Я не уверена. Они будут вести себя ещё хуже?

Адриан на мгновение задумался и ответил:

— Вовсе нет. Наследство и статус не определяют характер человека, который родился и вырос среди них. Они не плохие, они... другие. Ты привыкнешь, если действительно хочешь принадлежать этому миру.

— А что насчёт тебя? Ты согласился пойти, чтобы поддержать меня?

— Я продолжаю проект. И, как ты говоришь, эта новая личность пошла бы на вечеринку.

Каролин кивнула, поджав губы, и наконец решилась в очередной раз переступить через себя.

Дверь им открыла Мелани — сияющая и обворожительная, как всегда. В руке у неё был бокал клубничного мартина.

— *Mon Dieu*¹⁸! Вы вместе? — она поцеловала Каролин в обе щёки, улыбаясь во весь рот, и с той же любезностью расцеловала Адриана.

¹⁸ *Mon Dieu* – мой бог / господи (фр.)

— Мы пришли вместе, — поправил Адриан, чуть приподняв голову, чтобы избежать ненужного контакта.

Они прошли в основной зал с высокими потолками. Стены украшали портреты охотников, а антикварную мебель покрывал лиловый велюр. Единственное окно в комнате почти полностью закрывал огромный телевизор размером с полстены.

Каролин никогда прежде не видела столько людей в одном помещении — даже при полной явке студентов на семинарах. Большинство разбрелись по небольшим компаниям и вели оживлённые беседы. Лишь некоторые выделялись своим одиночеством, уткнувшись в смартфоны. Из колонок доносилась негромкая электронная музыка.

— Ну-ну, — заметила Мелани с игривым прищуром. — Я часто вижу вас вместе. Хороший выбор, Каролин: моя давняя знакомая Джесси очень его нахваливала, — она подмигнула и облизнула уголок верхней губы. — Что будете пить?

— Мы... — Каролин отметила свой неуверенный тон, выпрямилась и поправилась, чётко и нарочито смело: — Мы друзья. И я не пью.

— Чистый джин, без льда и тоника, — ответил Адриан.

К Мелани подошёл Мишель. Он довольно страстно притянул её к себе и поцеловал. Та, не отвлекаясь, передала свой бокал Каролин, а затем с нежностью вплела пальцы в волосы Мишеля. Каролин удивлённо подняла брови и поспешила отвести взгляд, словно стала свидетелем чего-то запрет-

ного. Неловкость разлилась тёплым, бурлящим чувством в животе.

— Я схожу к паре знакомых, — предупредил Адриан и сразу исчез в толпе.

Каролин почувствовала нарастающую панику и не успела ничего возразить, как потеряла свою единственную опору в веселящейся толпе.

— Ты как, малышка моя, не слишком напилась? — соблазнительно спросил Мишель, едва их губы разомкнулись.

— Я совсем трезвая, просто Каролин попросила подержать её бокал. Да, Каролин? — ласково произнесла Мелани и отправила ей лёгкий взгляд-сигнал о помощи.

— А? Да, да-да. Это мой. Очень вкусный.

Слегка покручивая бокал, Каролин смотрела на розовую жидкость, которая мягкими волнами обволакивала стекло. Она сделала небольшой глоток, чтобы превратить свою маленькую ложь в правду. Мелани горделиво улыбнулась.

— Ясно, — добродушно усмехнулся Мишель. — Там Алекс пришёл.

— Всё-таки отпросился? И отлично, не пропустит шоу, которое Шарль приготовил для нашей мадемуазель бездомной.

Любвеобильная пара покинула Каролин.

Она ощутила приятное расслабление и решила усилить его ещё одним глотком, пока размышляла об увиденном. В первые дни Каролин завидовала Мелани, ведь считала, что

никогда не сможет приблизиться к её недостижимой женственности. Теперь же зависть ощущалась иначе: ей хотелось того трепета, который, должно быть, чувствовала Мелани во время столь нежного и страстного проявления любви.

Через час Мелани собрала компанию для развлекательной игры. К ней присоединились Шарль, Алекс, Адриан и прилично опьянённая Каролин, выпившая от силы два коктейля.

Гул многочисленных бесед неожиданно стих, когда в зале появилась Стеф — словно Малефисента, входящая в тронный зал. На мгновение даже музыка из колонок показалась тише, будто само пространство пыталось понять, зачем она здесь. Чёрные ткани облегали её силуэт: джинсы, футболка, кожаная куртка и массивные ботинки.

— А ты как тут оказалась? — с презрением спросил Алекс.

— Это я её пригласила, — тут же вступилась Мелани, обняв Стеф за плечо. — Мы помирились, и я хочу извиниться.

— Мэл, благотворительностью нужно заниматься в других местах, — усмехнулся Шарль.

— Тогда пусть Эреброс отшлёпает меня за извращённую мораль его трактатов! Ха-ха! — ответила Мелани и рассмеялась; компания тут же подхватила её смех.

Каролин пыталась собрать пьяные мысли воедино, чтобы понять, почему Мелани называла Стеф бездомной, а теперь вдруг заговорила о перемирии.

В этот момент Стеф прошла мимо Шарля и по-хозяйски выхватила бокал вина из его рук.

— Э-э-эй! — возмутился он.

Не оборачиваясь, Стеф устроилась в свободном кресле, закинув ногу на ногу. Медленно, с ленивой рассеянностью оглядела присутствующих и на мгновение зацепилась взглядом за Адриана. Без интереса она втянула аромат красного полусухого — и перевела внимание на Мелани.

— Давайте начнём с классики: *Action ou vérité*¹⁹, — предложила Мелани и села на колени к Мишелю напротив Адриана и Каролин.

Пустая бутылка *Dom Pérignon* сделала несколько оборотов, и её горлышко указало на Шарля.

— Правда, — сразу ответил он.

— М-м-м... правда ли, что у тебя больше пятнадцати сантиметров? — с ноткой яда в голосе спросила Мэл.

Шарль брутально улыбнулся и приподнял бровь, кивнув вниз, словно этим всё и объяснялось. Но его самолюбие тут же разбила Стеф:

— Это ложь.

— Не помню, чтобы в нашей с тобой постели была линейка.

— Мне не нужна линейка, чтобы измерить свой палец,

— Стеф усмехнулась себе под нос и сделала глоток, после которого поморщилась.

¹⁹ *Action ou vérité* – правда или действие (фр.)

Все поддержали её тонкий сарказм смехом и возгласами, кроме Шарля, чьё униженное эго взяло верх:

— А миллион просмотров на сливах говорит другое.

Стеф закатила глаза и вылила содержимое бокала на пол.

— Мой вкус на парней такой же отвратительный, как твой на вино, — отрезала она и направилась на улицу перекурить.

Шарль хмыкнул ей вслед и раскрутил бутылку. На этот раз горлышко указало на Каролин.

— О, я? Эм... Знаете что? Действие! Да, действие.

— Вау, как смело, — восхитилась Мелани, и с её винных губ сорвался слегка злодейский смешок.

— Мышка Каролин по ночам обращается в кошку? — сказал Алекс, поддерживая свой привычный статус, хотя сам явно блуждал в лесу собственных мыслей.

— *Je te mets au défi, Caroline*²⁰: поцелуй Адриана, — выдала Мелани.

У Каролин зазвенело в ушах; внутри что-то сжалось в тугой узел. Она взглянула на Адриана, надеясь, что он как-нибудь разрешит эту ситуацию, но тот лишь молча сидел.

— Я схожу вниз за ещё одной бутылкой, — сказал Алекс, поднимаясь, когда в кармане его брюк завибрировал телефон.

На него никто не обратил внимания. Для Алекса это стало очередным подтверждением его мантии-невидимки, которую на него надело общество.

²⁰ *Je te mets au défi, Caroline* – я бросаю тебе вызов, Каролин (фр.)

Адриан повернулся к Каролин.

— Ты можешь отказаться, если не хочешь.

— Чт... Нет! Я хочу! — произнесла она так, будто отдала приказ самой себе. — Да, я точно хо...

Адриан тут же накрыл её губы своими.

Каролин даже вздохнуть не успела, как закрыла удивлённые глаза и растворилась во вкусе прохладных губ, пропитанных джином.

— Эй, я имела в виду с языком! — смеясь, уточнила Мелани.

— Совсем как школьники, — подхватил Шарль.

В ту же секунду Каролин почувствовала на губах влажный язык и начала неумело повторять его движения. Однако неловкость совсем не мешала наслаждаться коротким мгновением. Когда Адриан отстранился, Каролин слегка задрожала и попыталась перевести дыхание.

Мелани поаплодировала.

— Ой, это что, был твой первый поцелуй? Как же романтично.

В груди Каролин что-то щёлкнуло — как щёлкает розетка перед тем, как заискриться. Она вдруг поняла, что Мелани вовсе не тот идеал, на который когда-то хотела равняться.

— Ты специально это сделала? — разочарованно спросила Каролин.

— Ты чего, я правда не знала, — мягко ответила Мелани и качнула головой. — Ты следующая крутишь.

Раздосадованная Каролин не сразу поняла, чего от неё хотят. Эмоции обострились, вместе с ними и чувствительность: линзы в глазах создавали давящее ощущение, тело приятно размякло, а трепет от поцелуя, о котором она могла только мечтать час назад, теперь не утихал.

Каролин посмотрела на Адриана и вдруг окончательно поняла: она безнадежно влюблена.

Спустя пару выкриков из толпы — «Крути уже!» — которые вернули её из тумана, она раскрутила бутылку.

Неуклюжее движение спровоцировало падение бутылки на пол, но та не разбилась. Её горлышко оказалось направлено в своеобразный коридор из людей, где в этот момент никого не было.

— И кто следующий? — спросил кто-то из толпы.

В коридоре появилась Стеф.

— Как удачно! — воскликнула Мелани, соскользнула с колен Мишеля и подошла к Стеф. — Бутылка выбрала тебя.

— Я не участвую в детских играх.

— Да брось. Хочешь, я загадаю тебе танец? Помнишь, как мы соревновались за звание королевы танцпола?

Сомнение одолело Стеф всего на секунду, и она нехотя подписала себе приговор:

— Действие. Танцуем?

— М-м-м... пожалуй, я загадаю другое, — довольная ухмылка казалась уже неотъемлемой частью лица Мелани.

Адриан заметил, как Шарль включил телевизор, и при-

мерно догадался, что должно было произойти. Впрочем, Стеф тоже всё поняла.

— Покажи нам свой главный позор, — загадала Мелани.

— Ты для этого меня пригласила? Могла бы догадаться.

Некоторые парни из толпы принялись аплодировать и свистеть под проклятые для Стеф звуки, доносившиеся из телевизора:

— *Ша-а-арль, не надо...*

— *Брось, пусть знают...*

— И у кого меньше пятнадцати? — гордо выкрикнул Шарль.

Каролин шокированно смотрела на экран с откровенным видео и даже не сразу узнала в нём Стеф. Кто-то из присутствующих смеялся, кто-то вышел, а кто-то начал бросать сторону Стеф грязные намёки. Для Каролин всё это казалось верхом унижения, и её робкий поцелуй померк на этом фоне.

Стеф на секунду пожалела о том, что её не исключили. У неё уже не было ни статуса, ни денег, ни ресурсов, ни парня-спортсмена, ни услужливой подруги — вообще ничего, что могло бы спасти положение.

И в ту минуту, когда её обнажённое тело извивалось на экране во всех позах, Стеф почувствовала себя в камере пыток, где её заставляли глотать осколки прошлого. Потеряв последние крупницы чести, она протиснулась через толпу и словно растворилась в другой части дома.

В этот момент в экран прилетел стакан, который мгновенно разбил плазму. По чёрной поверхности расплзлись разноцветные трещины.

От неожиданности присутствующие стихли. Осколки осыпались на пол. Общую тишину нарушил вернувшийся Алекс. Оценив обстановку, он удивлённо спросил:

— А что случилось?

— Ты, как всегда, всё пропустил, — недовольно ответила Мелани.

— *Adrien, pourquoi t'as fait ça, putain²¹?* — подскочил Шарль и подошёл к Адриану.

— Грубость подобна эпидемии, Шарль. Если ты не способен держать в узде своё эго, это не повод так низко опускаться.

— Да что ты несёшь? Я всего лишь невинную порнушку записал, а не довёл её до того, чтобы она себя прикончила, как ты свою! Ты телек мне теперь должен!

Каролин пыталась понять, действительно ли она услышала слова Шарля о суициде бывшей девушки Адриана — или это были пьяные галлюцинации.

— Отправь мне счёт, — спокойно сказал Адриан, когда Шарль подошёл слишком близко, явно готовый к драке.

— Да что произошло? — переспросил Алекс.

— О, бро... — отвлёкся Шарль.

Воспользовавшись моментом, Адриан покинул зал. Каро-

²¹ *Adrien, pourquoi t'as fait ça, putain* – Адриан, что за хрень ты творишь (фр.)

лин поспешила за ним.

— А ты за другим вином не стоняешь? — попросил Шарль Алекса.

— Я такое же принёс.

— Бро, тащи другое. Я эту тухлятину больше не пью.

Вечеринки, помимо очевидного веселья, обладают ещё одной интересной чертой — забвением. После публичных унижений все продолжили играть с прежним азартом и энтузиазмом, будто ничего не произошло. На подобных мероприятиях в забвение уходит всё, но в памяти оскорблённых момент, когда тебя превращают из человека в мишень, остаётся надолго — если не до конца жизни.

Алекс спустился в винный погреб и вновь изучил бутылки на дубовых стеллажах. Мир вина сродни подлинной магии и содержит собственную философию. Каждая бутылка уникальна и обладает индивидуальным букетом вкусов и ароматов. С людьми — то же самое.

Шум веселья не смел проникать в этот храм алхимии, и Алекс позволил себе сбросить многослойные маски. Его телефон беспощадно вибрировал; на экране высвечивалось опасное слово: «отец». Жозефин вернётся с операции только к утру, а значит, у него ещё было время подышать воздухом воли.

Когда звонки прекратились, Алекс услышал в тишине звучный всхлип. Среди лабиринтов стеллажей он заметил

сидящую в углу Стеф — по её щекам текли серые ручьи туши.

— Уйди, — сразу предостерегла она и начала вытирать лицо.

Если бы не всепоглощающее давление компании и странный поступок Стеф с пирожными, Алекс наверняка восхищался бы и завидовал её силе и тяге к жизни. Окажись любой из их компании на её месте — никто бы не выдержал. По крайней мере Алекс убедил себя в этом, видя раздробленную броню несчастной девушки.

Стеф притягивала его не внешностью, к которой обычно тяготел Алекс, а своей внутренней и внешней борьбой — словно древнегреческая богиня войны Энио. И как жаль, что его второе имя было Аполлон, а не Арес.

— Похоже, мы нашли одно место, где можно спрятаться.

— А тебе от кого прятаться? — Стеф спрятала лицо в ладони.

— От тех, из-за кого я не знаю, кто я...

Стеф убрала ладони от лица и окинула его подозрительным взглядом. Алекс сел рядом, поджав ноги к груди, как и она, и молча протянул открытую бутылку вина.

— «Château Margaux», — сказала Стеф, едва ароматный шлейф коснулся её носа. — Две тысячи девятого. Пить его из горла — равно преступлению.

— Думаю, по сравнению с твоим списком обвинений, распитие этой бутылки из горла приравняют к *contravention* пер-

вой категории²².

Стеф рассмеялась и сделала аккуратный глоток. Алекс смотрел в пол, и они оба погрузились в успокаивающую тишину, передавая друг другу бутылку.

— Почему они так тебя ненавидят? — спросил Алекс.

— Да есть за что, — Стеф смахнула последнюю слезу. — Мне не стоило здесь появляться. И я не про вечеринку.

— А почему тогда продолжаешь?

— Потому что... — Стеф шмыгнула носом. — Это образование — единственное, что спасёт меня от жизни, где я буду официанткой в захудалом кафе в какой-нибудь глуши. Влюблюсь в такого же официанта, который будет каждый вечер отрачивать пивное пузо, а я тем временем до конца своих дней буду ненавидеть эту жизнь. Да я и сейчас не особо радуюсь...

— А мне нравится такая жизнь. Наверное. Я, кроме своей, другой не знаю.

Алекс поёрзал на месте, устраиваясь удобнее, чтобы меньше прислоняться к стене.

— Дома проблемы? — догадалась Стеф.

— Так точно, мадемуазель психолог, ха-ха.

— Я права?

— Я принцесса, запертая в башне, в ожидании рыцаря на

²² contravention первой категории – незначительные административно-уголовные правонарушения, за которые предусмотрен фиксированный штраф в размере 11–38 евро.

белом коне.

— Как наивно в твои годы полагать, что однажды кто-то придёт и решит твои проблемы. Не загоняй себя в эту ловушку, иначе ты никогда не станешь самостоятельным.

— Самостоятельные обычно одиночки или изгои.

— Хм... плевать. Но все же предпочту одиночество, чем общаться с теми придурками наверху.

— И не страшно так? Быть одной?

— Поначалу непривычно, но потом ты понимаешь — это лучшее время в твоей жизни. И находишь в этом... Свободу? Думаю так.

— Свободу? — у Алекса шелохнулось ухо, когда он услышал свое любимое и недостижимое слово.

Алекс замер, внимательно прислушиваясь к каждому слову. Речи Стеф словно раскопали замерший грунт в сердце, где нашли полуживого человека.

— А ты хорошо слушаешь, — заметила Стеф и сделала ещё глоток из бутылки.

— А мне с тобой спокойно... Очень. И я должен это сказать, прости, если что, но поверь мне, я не издевался над тобой с теми кексами или что там лежало. Я правда не знаю от кого эта коробка.

— Я ещё в тот день это поняла. Предполагаю, Мелани или Шарль подбросили её от твоего имени. Вот и рассуди, какие у тебя друзья.

Алекс примерил её слова на себя, и в голове раскрути-

лась киноплёнка, кадры которой показывали: если он продолжит попытки удержаться в компании золотой молодёжи, ежедневная гипсовая маска его личности рано или поздно затвердеет и сольётся с кожей. Снять её станет возможно лишь при помощи хирургической ампутации собственной сути.

— А если это не они? — предположил он.

— А кто ещё мог подписаться этой буквой?

— Может, Адриан?

— Адриан? Мы едва знакомы, и он увлечён Каролин, зачем ему это?

Алекс закусил губы, словно заставлял себя молчать и не наговаривать лишнего без необходимости.

— Хорошее вино, да? — он сменил тему. — Ты только вдохнула — и сразу узнала. Я в шоке. Я, кстати, не любитель вин, но вот это хорошее. Люблю хорошее сухое.

— Любое вино становится хорошим в правильной компании.

Стеф повернула голову к Алексу, и их взгляды встретились — с той тихой нежностью, которая присуща разбитым душам.

— Я хочу тебя узнать, — тихо сказала Стеф. — Ты кажешься очень светлым.

— Это взаимно. Хотелось бы сейчас сбежать куда-нибудь... с тобой.

Перед Стеф больше не сидел избалованный мальчик. Этот

приятный юноша с большой душой оказался сломлен не меньше её. Увидев его подлинную и уязвимую натуру, Стеф смягчилась и впервые позволила себе приблизиться к нему.

— Есть идея, — с энтузиазмом сказала она.

Адриан и Каролин заняли свободную спальню на третьем этаже. Каролин сидела на кровати и разглядывала свои руки — без слёз и истерик, но с каким-то колючим льдом во взгляде. Адриан стоял у окна.

— Теперь на учёбе они загнобят меня ещё сильнее? — тоскливо спросила Каролин.

— Завтра все об этом забудут.

— Надеюсь, ты прав. *Merde...* — она тяжело вздохнула и приложила ладонь к горячему лбу. — Я просто... я... я устала... Я устала быть вечно хорошей. Почему я вообще обязана постоянно поступать правильно? Но каждый раз, когда я хотя бы пытаюсь поступить не так, как «правильно», а так, как мне хочется, происходит то, что произошло там, внизу...

Адриан не понимал её — и далеко не из-за несвязной речи. Он просто не видел проблемы, ведь чувство стыда было ему несвойственно.

— Каждое наше действие, вне зависимости от намерений, несёт последствия. Но они, в свою очередь, являются лишь субъективным опытом восприятия.

Это оказалось слишком сложной истиной для той, кто только шагнул на путь изучения философии, и для той, чей

разум был залит алкоголем.

Адриан среди курящей толпы на улице заметил уходящих Стеф и Алекса. Они шли рядом и смеялись.

«Ты и в этом оказалась права. У тебя омерзительный вкус на парней», — подумал Адриан и обернулся к Каролин.

— Адриан?

— Да? — он сел рядом.

— А ты... ты не хотел меня целовать? В смысле... ты сделал это потому что я тебе... Не верю, что спрашиваю это, прости, я так пьяна... Я тебе нравлюсь или это просто игра?

Адриан завёл её прядь за ухо, заворачивающе провёл указательным пальцем по линии шеи к подбородку и наклонился к её губам.

— Но ты не выполнила действие.

— В каком смысле? — её зрачки расширились, а пульс ускорился.

— Ты должна была меня поцеловать.

Каролин выдохнула в его губы. Кончики её пальцев задрожали. Она неуклюже сократила короткое расстояние между ними и наконец поцеловала его по-настоящему.

Пальцы Адриана вынули шпильки из её пучка, и пряди с лёгкой небрежностью рассыпались по плечам. Осмелев, Каролин положила ладони на его затылок и потянула к себе, увлекая за собой на кровать. Адриан механически склонился к её ключицам и плечам, оставляя поцелуи, словно играл на клавишных без чувств — где такт и техника есть, но душа

отсутствует.

Тело Каролин слишком чувствительно реагировало на каждое прикосновение и невольно расслабилось, когда умелые пальцы коснулись её бедра.

Глава 6

Отношения

В окна аудитории стучались солнечные лучи — возможно, последние тёплые гости этой осени, которая в этом году обещала быть суровой. Однако хмурых учеников после вечеринки солнце отнюдь не спасало.

Каролин дремала, склонившись над раскрытым учебником. Отёкшие веки придавали ей болезненный вид, хотя за всегдатаи вечеринок сочли бы это скорее приятным последствием, будто шепчущим: «Вечер удался на славу».

Похмельный синдром, помимо зудящей головной боли и слабости во всём теле, вызывал ещё и жалкое самоистязание.

— Я умираю... Я больше ни-ког-да не буду... пить... — вяло протянула Каролин и, закончив, бессильно промычала.

— Держи, — Адриан поставил рядом с ней бутылку минеральной воды.

— Ты мой спаситель... Только ни таблетки, ни минералка не помогают.

В аудитории появилась Мелани в белой юбке и вязаном топе с узором. Она вошла легко, будто продолжала вчерашний вечер.

— *Salut*, — игриво протянула Мелани, обращаясь к Каролин. — Поздравляю с посвящением и первыми сплетнями: вас уже обсуждают.

Она прикусила ноготок, не скрывая удовольствия от принесённых новостей.

Адриан холодно поднял глаза от учебника, а Каролин разочарованно сморщилась и спросила:

— Вы это ещё и выложили?..

— Не то чтобы прямо мы... — улыбнулась Мелани и, устроившись на своём месте, присоединилась к беседе Шарля и Мишеля.

На вечеринке из башни идеального мира Каролин выпало лишь несколько кирпичей, но с этими новостями она будто отчётливо услышала, как рушится всё сооружение. Первый поцелуй, которому в любовных романах приписывали божественную силу, здесь был грязно осквернён и превращён в дешёвое шутовство — по крайней мере, так она воспринимала свою личную трагедию.

Стеф сидела на последнем ряду и проверяла домашнюю работу без привычной внимательности. Буквы доклада то и дело складывались в образ Алекса. И пусть его внешность, окутанная лунным светом прошлой ночи, имела своё притяжение, Стеф куда больше интересовала его израненная душа, которая без точного, хирургического вмешательства вскоре начала бы гнить.

Алекс вошёл в аудиторию в белой рубашке без пиджака.

Шарль отодвинулся, освобождая другу место, но тот сел рядом со Стеф. Большинство присутствующих отложили свои дела, обернулись и устремили взгляды на Алекса. На секунду даже похмелье Каролин отступило, растворившись в резко наступившей тишине.

Ранее никто не замечал, насколько большими могут быть глаза Стеф: поведение Алекса поразило её не меньше остальных.

— Не поняла... — первой подала голос Мелани, чуть шепечущий от удивления. — Алекс?

— Бро... *putain*²³... Ты что, решил примкнуть к компашке одиноких лузеров? — поразился Шарль.

— С чего вы так удивляетесь? — наконец ответил Алекс. — Насколько мне помнится, Стеф — твоя бывшая, — он перевёл взгляд на Шарля. — А тебе, Мэл, она была подружкой. Но после разорения вы все отвернулись. И если наша дружба строится только на связях наших родителей, то она мне больше не нужна. Токсичных сплетников мне и среди родственников хватает, — твёрдо закончил он.

Каролин с Адрианом переглянулись. Мелани, на лице которой вспыхнуло возмущение, ответила:

— Только потом не жалуйся, когда она превратит тебя в ручного зверька.

²³ *Putain* – (мат) чёрт. Самое распространенное французское бранное слово используемое для выражения широкого спектра сильных эмоций: от злости и раздражения до крайнего удивления или восторга (фр.)

— И в мальчика на побегушках, — добавил Мишель.

— И ко мне не приходи с нытьём, когда эта сука разобьёт тебе сердце, — фыркнул Шарль и демонстративно поставил свою сумку на то место, на котором прежде сидел Алекс.

Стеф враждебно прищурилась, выслушивая предостережения.

— Не стоит жертвовать выгодной компанией ради меня, — прошептала она и вернулась к докладу.

— Я не жертвовал — я очистил, — ответил Алекс. — Вчерашний вечер многое изменил. По крайней мере, мне так показалось. Ну... между нами... Ты так не считаешь?

Стеф посмотрела ему в глаза и погрузилась в искажённые алкоголем воспоминания.

Алекс отказывался ехать домой, несмотря на многочисленные звонки отца: его опьянённому телу и душе требовалась компания очаровательной дамы, поэтому он без колебаний принял приглашение Стеф в её дом-мастерскую.

Когда они вошли внутрь, он осмотрелся — и ни тени осуждения или жалости не промелькнуло на его лице. Он, словно познавший жизнь архитектор, спокойно заключил:

— У тебя уютно, — взгляд Алекса скользил по ещё прочному потолку и едва живому полу. — Здесь ничто не отвлекает от бесконечного потока размышлений, да?

— Именно так, — согласилась Стеф.

Поначалу она немного мялась в неловкости, но вскоре ал-

коголь избавил её от бесполезных правил приличия.

— Ты завидуешь мне? Только честно ответь, — вдруг спросил Алекс, и Стеф оскорбилась.

— Это довольно грубо...

— Ой, нет, ты меня не так поняла. Я хотел сказать, что завидую тебе больше, чем ты мне.

Стеф вопросительно взглянула на него.

— Ты свободна, понимаешь? Ты получила уникальный шанс выбраться из клетки, который я пытаюсь получить уже двадцать лет...

— Ты не представляешь, каково это — на воле птице, которая даже не знала, что она в клетке. Но мир за её пределами вовсе не является свободой: ты просто попадаешь в более просторную тюрьму.

Она вздохнула с тяжестью свинца, явно не радуясь собственным философским выводам. Алекс, словно замедлив всё вокруг, сосредоточился на её горячем, плотном дыхании.

— Значит, свободы не существует?

— Почитай Жан-Поль Сартра²⁴, если тебе нужен интересный взгляд на это. Но твоя зависть мне вполне понятна, позволь я её перефразирую, — она опёрлась на ветхий подоконник, — я вольна выбирать клетки, а ты — нет.

Алекс задумчиво хмыкнул и позволил себе приглушить свет. Пьянящие волны лунного света мягко разлились по

²⁴ Жан-Поль Сартр — французский философ, писатель и драматург XX века, один из главных представителей экзистенциализма

спальному месту на полу, куда он опустился и приглашающим жестом позвал Стеф.

— Какой банальный ход, де Труа, — она скрестила руки на груди, усмехнулась и закатила глаза. — Одна «кровать» на двоих. Не хватает только бездонной тумбочки с лубрикантами и игрушками — и вуаля, мы в самом банальном любовном романе.

— Ха-ха... Это было бы неплохо и весьма кстати, но нет. Что-то мне подсказывает, что к своему телу ты меня под страхом смерти не допустишь.

Она добродушно хмыкнула. Ватные ноги и разлившееся в груди доверие заставили её лечь рядом.

— Почему ты так думаешь? Мы одни, на многие мили вокруг ни души, неприлично пьяны и ступаем по классическому пути «от врагов до...» — до кого угодно.

— Значит... — осторожно нащупывал Алекс, — ты хочешь?

— Этого я не говорила.

На Алекса накатила неловкость, и ему не хватило трезвого рассудка, чтобы заметить удовлетворённое выражение на лице подруги.

— Мои предпочтения тебе не понравятся, — продолжила она.

Алекс прищурился и начал смеяться в подушку.

— Что смешного?

— *My tastes are very singular, you wouldn't understand*²⁵, — нахмурился Алекс, театрально придав лицу серьёзное выражение.

Стеф не сразу поняла шутку, но затем вспомнила, что эта фраза принадлежала персонажу Кристиану Грею²⁶, и залилась тихим смехом вместе с Алексом.

— Да, вроде того, — сквозь смех подтвердила Стеф.

Они повернулись друг к другу и затихли, словно пытаешься проникнуть взглядом куда-то глубже. Алекс осторожно коснулся её пальцев, перебирая их, словно струны редкой скрипки, в лучах, наполненных световой пылью.

— Тебе нравится здесь? — полушёпотом спросил он.

— Жить? Нет. Выживать? Вполне.

— Если бы я дал тебе возможность немного подняться с твоего нынешнего положения, ты бы...

— Нет, — тут же ответила Стеф. Их пальцы продолжали свой медленный танец. — И если тебе нужны объяснения, то причина проста: я во всём виновата.

— Но ведь это не так, — он слегка возмущился, — ты ни в чём не виновата. Если бы не мадам де Верже и...

— Пф... Алекс, это всё детали, и к тому же поверхностные. Смотри глубже: это я не сумела сохранить активы отца;

²⁵ *My tastes are very singular, you wouldn't understand* – мои вкусы очень необычные, ты не поймешь (англ.)

²⁶ Кристиан Грей – главный герой эротического романа Э. Л. Джеймс «Пятьдесят оттенков серого», молодой миллиардер с травматичным прошлым и специфическими BDSM-предпочтениями.

это я вовремя не распознала, что адвоката подкупили; это я не привела должных аргументов в суде... Все эти события, бесспорно, несправедливы, но объединяю их я. Именно поэтому я считаю подачки и жалость в свою сторону оскорблением. Хотя, признаюсь, в первые дни я винила всех вокруг, но теперь должна справиться со всем сама.

Алекс даже не стал рассуждать, как обычно делал, когда слышал новое и спорное мнение — он молча согласился. Уверенность, с которой Стеф объяснилась, оказалась сильнее любых аргументов. Он взял её ладонь и прижал к своей щеке. Стеф придвинулась ближе.

— Я хочу твой стержень, — прошептал Алекс, будто произнеся и признание, и клятву одновременно.

— Тебе нужен свой. И когда он появится, я внесу тебя в список самых красивых людей, которыми я восхищаюсь...

— Красивых? Ты считаешь меня красивым? — с щенячьей надеждой уточнил Алекс.

— Да.

— То, что было вчера, это... — ответила Стеф, вынырнув из ночных воспоминаний.

— Это лучшее, что со мной было, — перебил Алекс и сжал её ладонь в своей. — И, как видишь, я приступил к действиям, чтобы заполучить свой стержень.

Стеф коротко улыбнулась, и в ней родилась едва заметная искра, если не восхищения, то, по крайней мере, одобрения.

В аудитории появился профессор Эреброс, и разговоры тут же стихли.

— Добрый день. Перед началом лекции я бы хотел про-
честь содержание ваших докладов, положите их перед собой.

Профессор начал с первых столов. Каролин ахнула и представила, как в её кармане материализуется пистолет, которым она в ту же секунду воспользовалась бы. Её дрожащие пальцы и учащённое, слишком громкое дыхание невозможно было оставить без внимания.

— Что случилось? — непонимающе спросил Адриан.

— Я... Я не сделала доклад... Я хотела сделать его после вечеринки, но забыла...

— Ты не забыла, ты, вероятно, сразу уснула, когда пришла домой.

— А разве это не одно и то же? Доклада всё равно нет...

Адриан задумчиво вздохнул. Тяжёлые постукивания каб-
луков профессора казались Каролин мучительной пыткой,
и она уже готовилась упасть в драматичный обморок. Когда
профессор Эреброс подошёл к их столу, Адриан незаметно
мизинцем пододвинул свой доклад к Каролин.

— Профессор, прошу прощения, я забыл свой доклад в
машине. Позвольте занести его после лекции?

Эреброс промолчал и перевёл взгляд на Каролин. Она
хлопала невинными глазами, уставившись на профессора,
и громко сглотнула. Профессор взял доклад и внимательно
прочитал его.

— Превосходная работа. Я бы даже выразился иначе: этот доклад — отличный пример для всей группы. Хорошая работа, *Каролин*, — произнёс профессор Эреброс, на мгновение задержав взгляд на Адриане.

Профессор отправился проверять других студентов. Каролин, переполненная облегчением и благодарностью, крепко сжала ладонь своего спасителя под столом и радостно улыбнулась.

— Спасибо...

— *De rien*²⁷.

Профессор Эреброс написал на доске тему лекции: «*L'aide. La vertu*»²⁸, затем обернулся к студентам:

— Кто знаком с этимологией этих слов?

Руки подняли Адриан, Алекс и студентка с первого ряда. Профессор сухо выгнул бровь и кивнул в сторону Алекса.

— *L'aide* произошло от латинского *adiutare*. *A la vertu*...

Как это часто бывает, мысль предательски ускользнула в самый неподходящий момент.

— Адриан? — обратился профессор, холодно пресекая попытку Алекса завершить ответ.

— Это от латинского *virtus* — нравственное совершенство. На этом понятии во многом строятся работы Макиавелли²⁹.

²⁷ *De rien* – не за что (фр.)

²⁸ *L'aide. La vertu* – помощь. Добродетель (фр.)

²⁹ Никколо Макиавелли - итальянский мыслитель, философ и государственный

В разговор вмешался Шарль:

— Поэтому Алекс его и не знает. Ему-то какое дело до нравственного... о чём вы там говорили?

Шутку подхватили сидящие рядом — несмотря на детскую грубость и запинку Шарля. Алекс вздохнул, испытывая презрение к собственной глупости. В компании он всегда мог нести любую чушь и не краснеть — Шарль неизменно обращал неловкость в шутку. Но теперь на его защиту никто не встал.

— Продолжим тему, — сказал профессор, и его строгий тон мгновенно заставил замолчать расшумевшиеся первые ряды. — Сегодня мы обсудим помощь — красивейшую и, вероятно, самую лживую человеческую добродетель. Подумайте: когда вы помогаете, делаете ли вы это бескорыстно? Или же проще снять маску добродетели и признаться, что вы покупаете, контролируете или тешите собственное тщеславие? — он выдержал паузу, позволяя студентам поразмыслить, и продолжил: — Кто хочет высказаться?

Первой отозвалась Мелани:

— Я считаю, что помощь на то и помощь: какие бы намерения ни были у человека, который помогает, и какими бы ни оказались последствия для того, кому помогают, — помощь всегда несёт свет.

деятель эпохи Возрождения, автор трактата «Государь», чьё имя стало синонимом политического прагматизма, цинизма и принципа «цель оправдывает средства» (ит.)

— Уточните, правильно ли я вас понимаю: если человеку ампутируют обе ноги и он на всю жизнь лишается возможности передвигаться без коляски, то, по вашим утверждениям, помощь принесла свет?

— Конечно, профессор Эреброс. Ведь я сохранила ему жизнь!

— А если мы посмотрим дальше: этот же человек лишает себя жизни, не справившись с ношей инвалидности?

Мелани, слегка утратив прежний энтузиазм, всё же продолжала стоять на своём:

— Всё равно. Я, как условный врач, сохранила ему жизнь, а давать инструкцию по выживанию в инвалидном кресле не обязана.

— Интересно, — ответил профессор, однако ни в жестах, ни в мимике этот интерес не читался. — Кто-нибудь ещё?

Стеф подняла руку. Компания с первых рядов прыснула неуместными смешками.

— Помощь — это валюта, — произнесла она уверенно. — Тот, кому помогают, в любом случае остаётся в долгу, хочет он того или нет. Принимающий подписывает... Я бы назвала это контрактом на рабство, где не указаны условия оплаты. Это обманчивая сделка, которую все пытаются прикрыть той самой добродетелью, о которой вы говорите, — её голос был ровным, как холодный металл.

Профессор умолк, словно пробуя на вкус каждое слово студентки. Следом, обернувшись, вступил в разговор Адри-

ан:

— Я отчасти согласен. Но «все» — это преувеличение. И, прости мою дерзость, ты упустила одну деталь: когда человек помогает во имя собственного тщеславия. Это единственный случай, когда он не потребует материальной благодарности.

— И тогда это легко превращается в зависимость, — ответила Стеф, слегка подавшись вперёд, чтобы видеть Адриана.

— А что дурного в подобном виде зависимости?

Услышав это губительное слово, Алекс содрогнулся и на мгновение задержал дыхание.

— Любая зависимость — плохая идея, — заключила Стеф.

Аргументы Адриана, как ей показалось, иссякли. И всё же в его позиции было что-то притягательное.

Лекция продолжилась в том же духе: общие дискуссии, спорные мысли и обучение важнейшему навыку, который с каждым годом всё больше утрачивался современным поколением, — умению рассуждать. Когда занятие подошло к концу, профессор вытер доску и подвёл итог коллективной дискуссии:

— Существует помощь, которая спасает, и помощь, которая топит. Самое главное — мотив. К такому выводу мы с вами пришли. Каждый раз, когда вы протягиваете руку помощи, вы неизбежно меняете мир — пусть даже в пределах одного или двух людей. Поэтому всякий раз задавайте себе

вопрос: какой мир вы хотите построить? — он выдержал паузу. — Всегда снимайте ложную маску и честно признавайтесь в своих мотивах хотя бы самим себе. Или, на крайний случай, делайте это красиво. На сегодня всё.

Студенты разошлись по своим делам: кто-то спешил занять лучшие столики в кафе, кто-то направился в библиотеку, чтобы закончить задания, а кто-то сразу отправился на следующую лекцию — к таким относилась Стеф.

Профессор наслаждался своей работой, позволяющей ему оставаться тихим наблюдателем за бурной юношеской жизнью.

Стеф быстро нашла аудиторию, где должна была пройти лекция по когнитивной психологии. Дверь оказалась закрыта, и, дожидаясь преподавателя, она прислонилась к стене в коридоре — осторожно, чтобы не выглядеть небрежно или вызывающе. В висках пульсировало лёгкое похмелье. Её туманное сознание рассеялось, как только рядом появился Алекс.

— Пообедаем вместе? Я угощаю, — предложил он. — Или, выражаясь словами нашей лекции, я хочу тебе помочь, поскольку преследую романтическую корысть — понравиться тебе, — Стеф молча приподняла уголок губ, и Алекс поспешил перефразировать: — ну, или стать вашим сабмиссивом, мистер Грей.

Стеф усмехнулась. Её взгляд соскользнул на открытый

участок его шеи, который прежде скрывался под плотно застёгнутым воротником рубашки. Коснувшись этого места ладонью, она сменила весёлость на сдержанное сочувствие. Ещё на лекции она заметила свежие кроваво-синие подтёки в форме отпечатков пальцев и короткую продольную рану, кончик которой скрывался под воротником.

— Сначала помоги себе. У тебя лекция в другом корпусе, опоздаешь.

— Я настаиваю, — не отступал Алекс.

— Решил оставить зависимость от наркотиков и заменить её женщиной?

Алекс опешил и на мгновение потерял дар речи. Во-первых — из-за резкой смены темы, во-вторых — из-за ощущения разоблачения.

— Откуда... В смысле, как ты узнала?

— Ты дёрнулся, когда я произнесла это слово.

— Нет, я не верю, — Алекс спрятал недовольство за улыбкой.

— Ты же учишься на психолога — тебе по профессии положено замечать такие детали, — Стеф уловила, что он ждал более развёрнутого объяснения, и добавила: — вы с Шарлем сидели на тяжёлых. Я тогда ещё гадала, что это за Алекс в переписках.

Алекс заметно повеселел, оперся локтем о стену, словно стараясь придать своей позе уверенность, и с вызовом произнёс:

— Тогда ты сделала правильный выбор. Шарль до сих пор сидит, только уже на другом, а я — бросил.

— Пытаешься поднять себе цену за счёт моего бывшего? Смело. Но я убеждена: бывших наркоманов не бывает.

— Тогда сходи со мной на обед — и я изменю твоё мнение, — Алекс игриво заиграл бровями, словно пуская по ним волну.

Стеф перестала сопротивляться: она не нашла, что ещё можно было бы обратиться против него, — и согласилась.

— А награду за свою сегодняшнюю смелость я получу? — Алекс приблизился к Стеф и подставил щёку.

Стеф уступила под мягким давлением его — пусть и довольно посредственной — харизмы и оставила короткий поцелуй на его щеке. После чего Алекс поспешил в другой корпус, а Стеф вошла в уже открытую аудиторию.

Адриан отправил Каролин подождать его в библиотеке, а сам направился за Алексом, намереваясь привести в действие очередной план. Однако всё рассыпалось в тот же миг, когда он увидел, как Алекс сближается со Стеф.

Короткий поцелуй, впитавшийся в кожу друга, словно проник и в Адриана — только нежность обернулась для него раскалённой лавой. Ироничная несправедливость — наделять социопата способностью ревновать, но лишить его возможности чувствовать любовь.

За его левым плечом, как всегда внезапно и как всегда вовремя, появился профессор Эреброс.

— Человеческая непредсказуемость рушит планы и заставляет выдумывать новые?

— Вроде того.

— Планируете устранить преграду лёгким путём? Предложите подтянуть его по этимологии?

— Я собирался, но уже поздно.

Профессор продолжил — с едва уловимым разочарованием в голосе:

— Как банально и клишированно. Вы кажетесь мне пластичной анакондой, а не слепо прущим буйволом. Докажите, что я в вас не ошибся.

Адриан помолчал, давая себе время на рассуждение, и пришёл к выводу:

— Вы правы. В этом случае банальность не будет эффективной. Но у меня уже есть необходимый инструмент влияния. Хорошего дня, профессор.

Адриан направился в библиотеку и сел напротив Каролин. На столе царил хаос из раскрытых учебников и тетрадей. Каролин выглядела мрачной.

— Ты хочешь поговорить? — спросил он.

— Я хочу выучить эти противные термины, потому что я и к тесту по психоанализу не подготовилась! — сорвалась Каролин.

Адриан молча смотрел на неё — и этим взглядом заставил её тут же отступить от своих слов:

— Я не должна была этого говорить... Прости. Я просто

очень зла на всё...

Адриан кивнул с оттенком эгоистичного понимания и обратился к текстам учебников на экране планшета.

Каролин не понимала, почему он всегда молчит и так механически со всем соглашается, однако это казалось ей совсем незначительным недостатком. Во всём остальном Адриан более чем её устраивал. Каролин, чей организм отвратительно медленно выводил токсины, переполняли чувства, направленные к Адриану, и ей показалось, что лучшего момента уже не будет. И если не сейчас — то никогда. Собрав остатки смелости, она тихо произнесла:

— Адриан? Это... Давай встречаться?

Он поднял взгляд от планшета.

— Хорошо.

— Хорошо? — поразилась Каролин. — Вот так просто? Хорошо — и всё?

— А ты хочешь усложнить?

Каролин едва не выходила из себя от его ненормального спокойствия и равнодушия, но именно в этом безжизненном умиротворении она находила своё спасение.

— Попробуй чуть-чуть усложнить... — осторожно попросила Каролин.

— *Bien*³⁰. Почему ты хочешь со мной встречаться?

— Эм... Ты умный, рассудительный, спокойный...

И пока Каролин перечисляла его достоинства, Адриан

³⁰ *Bien* – хорошо (фр.)

увлѣкся мыслями о Стеф.

Что бы она ответила на этот вопрос? Ему хотелось, чтобы она без страха и сомнений села рядом, посмотрела своим упоительно холодным взглядом прямо на него и произнесла, едва касаясь словами:

«Мне не нужны причины быть твоей. Я уже твоя».

Мысль оборвалась так же резко, как возникла. Адриан почувствовал нарастающее возбуждение и с усилием вернулся к Каролин.

— ...и очень преданный. Этого достаточно?

— Вполне. А твоё желание — настоящее или имеет скрытый подтекст, связанный со вчерашним?

Каролин не хотела врать в такой момент, да и Адриан был слишком пронизателен. Прошедший вечер действительно не мог не оставить следа.

Тонкие пальцы Каролин нащупали пряжку ремня, и Адриан тут же остановил её порыв, перехватив за запястье. Её грудь часто вздымалась, лицо маняще залилось румянцем.

— Каролин, мне нравится прикасаться к тебе. Нравится каждый твой вздрог от моих действий. Тебя любопытно изучать — это правда. И именно поэтому я не готов брать на себя ответственность за твой первый раз.

Адриан сел на край кровати и провёл рукой по влажному лбу. Каролин с лёгкой обидой обняла его со спины и положила голову на плечо.

— А почему?

— Ты будешь жалеть о том, что решила сделать это нетрезвой, в незнакомом доме и... со мной.

Причина оказалась недостаточно убедительной для возбуждённой и нетрезвой девушки. Она начала неумело касаться его шеи, и Адриан добавил:

— Я не хочу, чтобы это происходило вне отношений.

— Вот оно что... — она восхищённо улыбнулась. — Ты ещё благороднее, чем я думала...

— Отчасти это связано, — ответила Каролин. — И мне, наверное, хочется подтверждения, что ты отверг меня вчера только по этим причинам, а не потому, что я... ну, знаешь, недостаточно привлекательна.

— Я считал, что вчера вполне ясно продемонстрировал твою привлекательность.

Каролин смущённо кивнула.

— Тогда третий вопрос: чего ты хочешь от отношений?

— Эм... Это сложный вопрос. Понимаешь, всё, что я знаю об отношениях, я взяла из книг Бронте³¹ и из романтических видео в интернете. Так что... Наверное, всякие подарки, забота, совместные походы куда-нибудь. Ты уже и так это делаешь, кстати, но просто добавим к этому ещё пару вещей.

³¹ Сёстры Бронте - Шарлотта, Эмили и Энн — знаменитые английские писательницы XIX века, авторы классических готических и романтических романов «Джейн Эйр», «Грозовой перевал» и «Незнакомка из Уайлдфелл-Холла»

Адриан открыл сумку, вынул конверт и положил его на стол.

— Тогда начнём с подарков. Я купил это пару дней назад.

Каролин воодушевлённо и с любопытством вскрыла конверт. Внутри лежали билеты на оперу «Фауст»³² в Опере Гарнье — историческом здании, послужившем прообразом для произведения «Призрак оперы»³³.

— Это билеты на «Фауста»? Я его читала! — Каролин была на седьмом небе от счастья, на мгновение забыв о невзгодах и похмельном недомогании.

Если бы любые синдромы лечились дорогими билетами в театр, фармацевтические компании давно бы разорились.

— Только я не смогу пойти, — сказал Адриан, и эти слова мгновенно вернули Каролин к прежнему расстроенному состоянию. — Когда я их покупал, мне перенесли приём у стоматолога. Возьми с собой кого-нибудь другого.

— Оу... — Каролин вновь поникла.

— Но после приёма я смогу тебя забрать и отвезти домой — как и полагается хорошим парням из твоих книг, — Ад-

³² «Фауст» - философская трагедия Иоганна Вольфганга фон Гёте, шедевр немецкой и мировой литературы. Произведение исследует вечные вопросы о поиске смысла жизни, границах человеческого познания, борьбе добра и зла и искуплении грехов

³³ «Призрак Оперы» - готический роман французского писателя Гастона Леру, повествующий о загадочном изуродованном гении, который обитает в подземельях Оперы Гарнье и терроризирует артистов ради любви к молодой певице Кристине Даз

риан дождался её реакции и добавил: — А теперь возвращайся к заданиям.

После лекций, на некоторых из которых присутствовал Алекс, и полноценного обеда, где Стеф почти не переставала улыбаться, она вышла из университета и у дороги вновь встретила его.

— Какие планы? — спросил Алекс.

— Иду на очередное провальное собеседование.

— Почему провальное?

— Не бери в голову, я сама разберусь. *Bonne journée*³⁴.

Стеф перешла улицу. Алекс последовал за ней и жестом велел своему водителю подождать.

— Постой, Стеф. Не хочу тебя отвлекать, просто есть один нерешённый момент.

Поддавшись любопытству, Стеф остановилась. Вокруг кипела городская жизнь: туристы и горожане неспешно текли мимо, разноцветные машины сигналили друг другу, стараясь не застрять в потоке, велосипедисты лавировали между пешеходами — и ничто из этого не могло отвлечь внимание, которым Стеф и Алекс одаривали друг друга.

— Послушай, я далеко не из тех традиционных французов, у которых всё развивается медленно. Да и... — он пожал плечами, — мои родители очень быстро поженились, поэтому...

³⁴ *Bonne journée* – хорошего дня (фр.)

Стеф уже понимала, к чему ведёт робкий, но при этом очаровательный Алекс, и, не выдавая этого, наслаждалась его сбивчивой речью.

— Я романтик, понимаешь? Меня до небес возносят чувства, когда я начинаю влюбляться, и... *Putain*... Зайду с другой стороны, ты не против? Тебе не показалось, что у нас вчера что-то началось?

— Возможно.

— И ты хотела бы это продолжить?

— Ты предлагаешь отношения?

— Я очень давно этого не делал. Мои последние отношения заканчивались в тот же день, когда пустели пакетики — надеюсь, ты понимаешь, о чём я.

— Алекс, ты тоже меня пойми — я совсем не та, какой ты меня видишь. И избавь меня от банальностей вроде «за твоей бронёй прячется доброе сердце» — поверь, я себя знаю: его нет.

Прежде чем ответить, Алекс выдержал паузу и подошёл ближе.

— У меня есть опыт с женщинами без сердца, — отшутился он.

В тот день, когда Стеф вышла из здания суда, барахтаясь на дне своего никчёмного существования, и приняла решение поступить на учёбу, чтобы дать себе шанс на новую жизнь, она также решила попробовать исполнить обещание, данное отцу перед его смертью — измениться в лучшую сто-

рону. Полной уверенности в своих действиях у неё не было, но она ясно видела, насколько лучше становится рядом с Алексом — даже в их коротких беседах. Решив дать чувствам к нему шанс прорасти через заботливое отношение, Стеф ответила:

— Давай попробуем, только при одном условии: пока мы никому не говорим об этом — и без всяких проявлений нежности на людях.

Алекс, чья робость отступила на второй план, озарился радостью от своей маленькой победы и, поддавшись чувствам, накрыл губы Стеф своими.

Глава 7

«Клуб неудачников³⁵»

В тот день Париж был окрашен в мягкий, шелковый серый цвет: небо не давило — напротив, бережно укрывало узкие улицы тонкой вуалью, словно следуя врождённой привычке к элегантности. Вокруг Сорбонны город жил особенно громко: студенты с папками под мышкой спорили, не снижая шага; уличные столики кафе расползались по тротуарам, заполняясь чашками эспрессо и быстрыми разговорами; велосипеды скользили между людьми с напыщенной уверенностью, будто знали маршрут наизусть.

³⁵ «Клуб Неудачников» – «*The Losers' Club*» - отсылка к группе главных персонажей-подростков из романа Стивена Kingа «Оно», которые сплотились из-за школьной травли и личных проблем.

Париж не нуждался в солнце — его создавал сам ритм жизни: люди, чьи души светились куда ярче любых божественных лучей.

В этот день настало время отработки, которая была направлена скорее на сближение, чем на наказание.

Алекс, поначалу резко воспротивившийся идее занять место уборщика, теперь ждал этого дня больше всех: ему казалось, что нет ничего лучше пары свободных часов вне дома — законных, закреплённых за ним и потому недоступных для вмешательства семьи. Его предвкушение подогревала и приятная компания: его девушка — всё ещё холодная, словно каменная, не склонная к ласке и отвечающая на сообщения лишь по необходимости; лучший друг, с которым редко удавалось видеться вне семейно-деловых вечеров; и Каролин, умом и красотой которой Алекс был искренне поражён. Он всегда внимательно слушал её доклады, отвлекался от дел, когда она отвечала на вопросы профессоров, и находил в её застенчивости некий очищающий свет.

Находясь в возбуждённом ожидании, он довольно быстро отыскал всё необходимое: вёдра, моющие средства, швабры, тряпки, перчатки и скребки. Алекс перенёс всё в первую аудиторию и стал ждать друзей, то и дело поглядывая на настенные часы и прислушиваясь к шагам в коридоре.

Первой пришла Стеф — довольно бодрая и, на первый взгляд, в приподнятом настроении, что Алекс сразу отметил: до этого дня она неизменно пребывала в состоянии явного

недосыпа и глубокой усталости.

— У тебя сегодня глазки блестят, — заметил он.

— Я стала нормально есть, — буднично ответила Стеф, кладя сумку на стол. — И сейчас ищу квартиру.

— Да ладно? Поздравляю. И как успехи?

— *Vof*³⁶..., — усмехнулась Стеф. — Одним словом — *merde*.

Алекс подошёл ближе, опёрся ладонями о край стола по обе стороны от неё, будто невзначай замыкая пространство. Он наклонился ниже и задержал на ней вопросительный взгляд. Стеф коротко пояснила:

— Очереди огромные, залоги неподъёмные, у меня нет *garant*³⁷, и ко всему этому мадам де Верже продолжает *me mettre des bâtons dans les roues*³⁸ и убеждать арендодателей в моей несостоятельности. В общем, типичный Париж.

— Может, я могу...

— Алекс, — она обвила его шею и притянула к себе. — Именно поэтому я и не рассказываю о проблемах. Ты будешь чувствовать вину за то, что не можешь помочь — со своими ограничениями и лимитом на карманные расходы, — а я, в свою очередь, буду чувствовать вину за то, что вообще

³⁶ *Vof* – Ну... / Так себе / Да ну. Французское разговорное междометие, выражающее сомнение, скептицизм, безразличие или легкое разочарование (фр.)

³⁷ *garant* – физическое или юридическое лицо, обязующееся оплачивать аренду и коммунальные платежи, если арендатор перестал выполнять обязательства.

³⁸ *me mettre des bâtons dans les roues* – ставит мне препятствия на пути / ставить палки в колёса (фр.)

создаю эти проблемы.

— Мне просто очень жаль, — виновато прошептал Алекс и чуть отвернулся, будто в таком положении дел не имел права её касаться.

— Я знаю. Но, полагаю, лучше встречаться друг с другом, чем с проблемами?

— Да. Ты права. Теперь я могу тебя поцеловать и поднять настроение?

— Адриан с Каролин скоро подойдут.

Алекс тихо и по-детски, промурлыкал, но уже в следующее мгновение Стеф, услышав шаги в коридоре, быстро отстранилась и принялась надевать перчатки.

— О, вы уже здесь, — сказала Каролин. — Мы немного задержались в библиотеке.

Следом вошёл Адриан, и друзья обменялись приветственными поцелуями. Все, кроме Стеф: она уже отошла к дальним столам и тщательно их оттирала, словно не желая участвовать в общем оживлении.

— Как прошли выходные? — спросил Алекс у Адриана, но Каролин тут же предложила идею получше:

— А давайте каждый подробно расскажет, как провёл выходные? Я просто не люблю убираться в тишине — обычно что-нибудь включаю.

— То есть мы сегодня заменяем тебе видео? Вроде *true crime*³⁹ или что там сейчас смотрят? — добродушно поддел

³⁹ *true crime* – популярный жанр в литературе, кино и подкастах, в котором ав-

Алекс и тихо усмехнулся.

— Эй! Я такое не смотрю, и я совсем не это имела в виду,
— смущённо ответила Каролин.

Все разбрелись по разным частям аудитории без всяких договорённостей: Стеф продолжала оттирать столы, Адриан встал на подоконник и начал мыть окна, Каролин подавала ему чистые бумажные полотенца и забирала грязные, а Алекс, не имея ни малейшего представления об уборке, решил вымыть доску.

— Я был с родителями в Италии, — начал Алекс. — У нас там небольшой дом прямо на берегу, — «небольшим» он назвал его лишь в сравнении с родным шато. — Я всегда жду возможности выбраться туда. Мама не покидает свой лежак у бассейна, а я в это время ускользаю к морю и... долго думаю, слушаю, как волны накатывают на берег, медитирую и просто остаюсь наедине с собой. Так что у меня превосходное настроение — даже Мишель с Мелани сегодня не смогли его испортить.

— Медитировал? — Каролин заинтересованно приподняла бровь. — Ты это делаешь как... эзотерически? Или типа психологически?

— М-м-м... если бы умел эзотерически, делал бы эзотерически.

— Ты говоришь про дом в Неаполе? — уточнил Адриан.

— Да.

Каролин задала Алексу ещё несколько вопросов, и разговор, как это обычно бывает, плавно перешёл на смежные темы. И тогда Алекс внезапно осознал: его слушали — не из-за фамилии, не ради будущих сплетен, — его действительно слушали. Им интересовались. Его спрашивали. На мгновение ему показалось, будто он всё ещё сидит у бескрайнего моря, наполняясь тихим, непривычным блаженством.

— А ты, Каролин? Что делала на выходных? — спросил Алекс, который уже закончил и с доской, и с преподавательским столом и, недолго думая, направился помочь Стеф.

— Я съездила домой. В поезде познакомилась с одной очень приятной девушкой — мы всю дорогу обсуждали Французскую революцию. А по приезде меня встретила бабушка, наготовила кучу моих любимых блюд, и до самой ночи мы смотрели сериалы и разные шоу, сплетничали, смеялись... — она застенчиво рассмеялась, погружённая в воспоминания, продолжая складывать использованные полотенца в мусорный пакет. — Это так приятно вспоминать. И ещё я радовалась за Адриана, — добавила Каролин, взглянув на него, словно передавая слово.

— *Quoi*⁴⁰... — он бросил короткий взгляд на Каролин и тут же понял. — Мой фильм выбрали для показа на январском конкурсе.

— Бро?! — искренне обрадовался Алекс, как за самого

⁴⁰ *Quoi* – что (фр.)

себя. — Правда? Хотя, чему удивляться — они были последними идиотами, если бы тебя не взяли! Поздравляю!

— Спасибо, — холодно ответил Адриан и не стал упоминать, что Алекс до сих пор даже не взглянул на его фильм. — Все выходные я провёл за правками вместе с монтажёром, но мы ещё не закончили. Некоторые сцены нужно переснять.

Стеф, выросшая в семье деятелей искусства, ценила каждую его форму и была убеждена, что любое произведение необходимо доводить до предельного, болезненного совершенства, — поэтому не смогла промолчать:

— Мне не нравится твой фильм.

Все обернулись к самопровозглашённому критику. Адриан оставил окно недомытым по краям и осторожно спрыгнул с подоконника — сам отзыв его не интересовал, ведь одно упоминание, что Стеф *посмотрела* его фильм, принесло больше радости, чем то, что фильм отобрали на конкурс. Каролин тут же попыталась встать на защиту своего парня:

— По-моему, это грубо, Стеф...

— Это честно, — она пожала плечами. — Я не считаю фильм плохим. Он просто не идеален.

— Почему? — Адриан подошёл к столу, который Стеф уже вытирала насухо.

Они остановились друг напротив друга.

— Твой фильм — как личный рецепт пирога, который ты ни разу не готовил. Техника доведена до предела, — это похвально, но... — она на мгновение замолчала и посмотрела

на него исподлюбья. — В нём совсем нет чувств. Почему ты боишься довести до крайности не только технику, но и саму идею?

Они замерли в общей паузе, которую первой нарушила Каролин:

— Не всё нужно доводить до крайностей... Мне так кажется.

Стеф медленно повернулась к ней и демонстративно оглядела, будто собираясь высказать всё, что думает о подобной осторожности — той самой, что часто скрывается за так называемым «здравым смыслом». Но воспитание взяло верх, и промолчала.

— А в чём тогда истинное искусство, Стеф? — вмешался Алекс, повышая голос, чтобы его было слышно через всю аудиторию. — Дочь художника наверняка в этом шарит лучше нас.

— Истинное искусство всегда больше своего создателя. Оно завладевает им, сводит с ума, толкает порой на ужасные поступки и, если угодно, поедает творца. Это высокая цена, спору нет. Но тот, кто готов на этот риск, получает больше, чем ему положено: в своём произведении он обретает бессмертие души.

Каролин вздрогнула; по её коже пробежали мурашки, будто Стеф рассказывала какую-то страшную историю.

— Вау, — сказал Алекс. — Красиво говоришь.

— Звучит как страшная сделка, — заметила Каролин. —

Почти как в «Фаусте».

— *Zwei Seelen wohnen, ach, in meiner Brust, die eine will sich von der andern trennen...* — тихо произнесла Стеф. — Две души живут, увы, в моей груди, одна хочет отделиться от другой...

— Ух ты... — улынулась Каролин, не до конца понимая смысл. — Это немецкий? Так красиво звучит.

— Тебе нужно к отцу Адриана — они с моим отцом только на немецком и разговаривают, — добавил Алекс.

— Кстати, раз уж зашла речь, — вспомнила Каролин. — Ты не хочешь сходить со мной на спектакль на этой неделе? Мы собирались с Адрианом, но у него стоматолог, и билет пропадает. А раз ты хорошо знаешь «Фауста»... ну, ты поняла. Пойдём?

— Да, можно, — спокойно согласилась Стеф, оставив все вопросы при себе.

Она списала это на удачное совпадение: летом была готова отдать последние деньги за билет на эту постановку, но их уже разобрали.

Им оставалось лишь протереть шкафы и вымыть полы. Алекс и Каролин взяли это на себя, увлечшись оживлённой беседой об итальянских традициях, тогда как юный режиссёр и его критик, позабыв об уборке, обсуждали кинематографические недочёты. Стеф выписывала свои аргументы прямо на бумажных полотенцах, чертила схемы и набрасывала раскадровку. Адриан ловил каждое её слово так, будто

сам бог кинематографа снизошёл к его работе.

Когда обсуждение подошло к концу, Алекс с лёгкой насмешкой обратился к Стеф:

— Мадемуазель великий критик, поделитесь с бранным человечеством, чем же вы занимались на выходных?

— Ха-ха. Что-ж... Судя по всему, госпожа Удача решила сжалиться надо мной не только бесплатными билетами, но и подбросила случайное знакомство с крайне бедным, но несоизмеримо талантливым художником, — Стеф ходила по аудитории, собирая моющие принадлежности в вёдра. — Я свела его со старым знакомым отца — до ужаса вредным коллекционером — и получила свой процент с их сделки. Правда, мне досталась пара тысяч, остальное списали за долги.

— Поздравляю, — улыбнулась Каролин.

— Эта история лишней раз подтверждает: связи куда дороже цифр, — подмигнул Алекс.

Адриан расставлял учебные материалы в шкафу в алфавитном порядке. Услышав новость, он лишь коротко ухмыльнулся себе под нос.

— Мы закончили, — объявил Алекс. — Матросы, отправляемся драить следующую палубу!

Следующая аудитория оказалась куда просторнее и свежее. Алекс окинул её взглядом, задумчиво поджал губы и решил:

— Предлагаю нам с Адрианом заняться окнами — они здесь больше, чем в той. Девочкам тогда столы.

Все молча согласились и разошлись по своим местам.

— Как здорово, — умилилась Каролин. — В учебниках часто дают такие ситуации, и в нашей мы, по идее, должны были начать спорить из-за распределения обязанностей ещё в первой аудитории. А мы... — она провела тряпкой по первому столу, — как настоящая команда. Правда? Может, мы... ну, выберем общие лекции и будем чаще видеться?

Никто не ответил — лишь Алекс дружелюбно кивнул. И всё же Каролин точно уловила то, что чувствовал каждый: спокойную атмосферу редкого человеческого тепла. Между разговорами то и дело возникала тишина — не неловкая, а понимающая, в которой каждый без слов чувствовал: они все одинаково одиноки.

Алекс закончил с окнами и принялся за полы. Когда он опустил тряпку в ведро голыми руками, Стеф тихо вздохнула и протянула ему перчатки.

— Возьми.

Он поднял на неё взгляд с лукавой улыбкой, и тогда Стеф, словно передумав быть мягкой, добавила уже с лёгким сарказмом:

— А то негоже твоим нежным музыкальным пальцам касаться химически опасного раствора, месье де Труа.

Алекс уловил настроение и, перехватив руку Стеф вместе с перчатками, легко сжал её ладонь. Он раскрутил её в грациозном пируэте, а затем мягко поддержал, укладывая в наклон — точно в финальном движении стремительного тан-

ца. Взгляды Каролин и Адриана тут же притянулись к развеселившимся друзьям.

— А ты, принцесса, лучше держи равновесие, — с насмешкой протянул Алекс и отпустил её.

— Ты путаешься в терминологии, де Труа. Когда родители принцессы покидают этот мир, она автоматически становится королевой, — ответила Стеф и вернулась к столам. — А ещё ты ужасно танцуешь.

— Я просто люблю *чувствовать* танец, — театрально оправдался Алекс с наигранной гордостью.

— А когда вы стали так близки? На вечеринке? — как бы невзначай поинтересовалась Каролин. — Я слышала, как Шарль с Мелани обсуждали, что вы вместе оттуда ушли.

Ответа не последовало, но Адриан едва заметно свёл брови и, глядя на Алекса, спросил:

— Кстати об этом. Почему ты мне не рассказал?

— Ты тоже не рассказал, что вы с Каролин официально вместе, — парировал Алекс. — А мы не вместе. Просто нашли общий язык...

— Вы с Каролин встречаетесь? — удивилась Стеф.

— Эм... — Каролин смущённо покраснела. — Мы совсем недавно начали...

— Как Маргарет отреагировала? — добавил Алекс. — Сколько её помню, она не одобряла твоих девушек. Впрочем, мои родители ничем не лучше, — он через плечо бросил девушкам: — у нас вообще опасно даже намекнуть, что

я в кого-то влюблён. Такое ощущение, будто в моей семье все размножаются исключительно непорочным зачатием.

— Ха-ха, — поддержала Стеф. — Мой отец этого не говорил, но, готова поклясться, он всей душой ненавидел Шарля.

Каролин не был знаком этот странный мир, в котором родители решают, кого и как должны любить их дети. И пусть непринуждённая атмосфера обволакивала, словно мягкий велюр и согревающий кофе, сваренный из редких зёрен, она невольно задумалась над словами Алекса — и сразу получила ответ от Адриана:

— Мы ещё не на том этапе отношений, когда к ним подключают родителей, — он легко спрыгнул с подоконника. — Верно? — Адриан подмигнул Каролин.

— Да... наверное, — тихо согласилась она.

Осадок недосказанности остался в душе: Каролин рассказала об их отношениях бабушке в первый же час, а на выходных и вовсе возносила своего парня до уровня олимпийских богов.

Стеф издала тихий, раздражённый стон, пытаясь стереть странную субстанцию с деревянной поверхности стола. Адриан подошёл сбоку, держа в руке скребок.

— Я могу сама справиться, — отрезала она.

Их взгляды встретились. Стеф почувствовала едва уловимое напряжение, поднимающееся где-то в груди, — тревожное и в то же время странно притягательное. Она отмахнулась от этого ощущения, позволила Адриану заняться пят-

ном и перешла к следующему столу.

Алекс отставил швабру и промокнул салфеткой влажный лоб, Каролин домывала последний стол, а Адриан всё ещё сосредоточенно счищал пятно.

Стеф подошла к Алексу, и они оба присели на преподавательский стол, сияющий от чистоты.

— Хорошо, что здесь нет Мелани, — сказала Каролин. — Она бы и отработку превратила в повод для насмешек.

— Именно поэтому здесь и можно расслабиться, — вздохнул Алекс и вынул из кармана пачку сигарет *Gitanes*. — Я устал бесконечно фильтровать при них каждое слово.

— Добро пожаловать во французскую версию кинговского «Клуба неудачников», — Стеф щёлкнула зажигалкой и закурила *Marlboro Rouge*. — Но Мелани вовсе не такая плохая, как вам могло показаться. По крайней мере, раньше.

— Вы чего?! В аудитории нельзя курить! — воскликнула Каролин, на что в ответ получила лишь смех.

— А ещё нельзя списывать у Адриана, — поддразнила Стеф.

— Это другое! Нас могут исключить...

— Нас не могут исключить ни за курение в аудитории, ни за ту драку, — спокойно пояснила Стеф.

— Не могут? — удивился Алекс.

— Разумеется. Профессор проверял нашу реакцию, и ты поддался.

— Он мне сразу не понравился! Вы слышали слухи о нём?

Алекс пересказал последние сплетни от Шарля, которые заинтересовали даже Адриана. Между ними завязалась оживлённая дискуссия: об отношениях с разницей в возрасте, о теориях заговора против учёных, о вреде курения — а внимание Адриана тем временем вновь сосредоточилось на Стеф.

Он никак не мог заставить себя отвести взгляд от той силы, что затаилась в её бездонных голубых глазах, глубину которых не сумел затмить даже поднимающийся дым. В это короткое мгновение они изучали друг друга так же пристально, как когда-то Асмодей и Лилит⁴¹.

— Ладно, Алекс, ты выиграл, — призналась Каролин. — Адриан, сможешь протереть полки? Я не дотягиваюсь до верхних.

Они отправились разбирать книжные стеллажи, а Стеф с Алексом остались, продолжая медленно вдыхать и выдыхать едкий дым, который стелился между ними, словно их будущее — тяжёлое и неясное. Они говорили вполголоса, о вещах, которые не принято обсуждать наспех:

— Я сейчас прохожу курсы по программированию. Хочу начать зарабатывать сам.

— Похвально, — ответила Стеф с улыбкой, в которой сквозило равнодушие.

⁴¹ Асмодей – один из главных демонов в иудейской и христианской традициях. Лилит – персонаж еврейской мифологии, ставшая в современной культуре символом независимости, первая жена Адама, которая сбежала от него и превратилась в демоницу ночи

— И ещё...

Их прервала Каролин. Разговоры компании звучали настолько свободно и откровенно, что невольно придали ей смелости задать давно мучивший вопрос:

— Кстати, Стеф... раз уж пошли такие темы — что было у тебя с Шарлем? Ты не подумай, я никому не расскажу...

— Ха-ха. Во-первых, никогда не доверяй людям, которые говорят «я никому не расскажу». А во-вторых, это никогда и не было секретом. Всё до жути банально, под стать клишированным американским ромкомам. Самая красивая девушка в лицее встречается с самым популярным спортсменом. Всё напоказ: совместные поездки, вечеринки, пьяные измены, первые неловкие поцелуи, попытки зайти дальше на заднем сиденье машины его отца... а затем — слив того видео.

Она на мгновение замолчала.

— Он, будь проклят и он, и весь его род, до сих пор клянётся чуть ли не могилой матери, что это был не он.

Стеф замолчала, но в воздухе повисла незавершённость. Она посмотрела на одну из висящих картин, но видела лишь отца на больничной каталке и слышала только шум собственного сердца.

— Впрочем, — продолжила она, — мне как тогда, так и сейчас абсолютно всё равно на это видео. Отцу повезло его не застать. Рак опередил.

— Оу... извини, что спросила... — смутилась Каролин.

Стыд охватил не только её. Алекс тоже почувствовал тя-

жесть произошедшего: он слишком долго верил Шарлю и его сплетням, не задумываясь о том, какие последствия могут иметь подростковые «развлечения».

— Брось, Каролин, — отмахнулась Стеф и вернулась к уборке. — Он умер не потому, что его дочь поневоле оказалась порно-звездой. У него была насыщенная жизнь, которая оборвалась у меня на глазах — я держала его за руку, когда с его губ сорвался последний выдох. Все мы рано или поздно проходим через смерть родителей.

— Но не так рано, как ты, — заметил Адриан. — Твой путь может стать для многих источником силы.

— В жизни случаются вещи похуже, — она перевела взгляд на Алекса.

Они провели за уборкой больше двух положенных часов, но время словно остановилось с того момента, как Алекс заговорил о своих выходных. Каролин удивилась наступившим сумеркам — настолько она увлеклась этими разговорами: глубокими, со шепоткой безумия и оттенком детской беспечности.

На улице их встретила свежая вечерняя прохлада без малейшего намёка на ветер. Общее ощущение близости требовало продолжения, и Алекс, уловив это, предложил:

— Как насчёт бара? В квартале отсюда есть одно подходящее место. Я угощаю.

— Разделю с тобой счёт, — добавил Адриан, тем самым соглашаясь.

— Ой, я после той вечеринки зареклась не пить... — Каролин неловко потёрла плечо.

— *Vof non*⁴², — фыркнул Алекс. — Мы не будем напиваться. Максимум — по одному коктейлю. По рукам?

— Уговорил! Стеф?

— А от тебя, королева, я больше не приму отказов, — Алекс уверенно положил ладонь ей на талию и притянул к себе, не встретив привычного сопротивления.

Стеф, как и остальные, поддалась тёплой, беззаботной атмосфере: она демонстративно закатила глаза, цокнула — и всё же растянула губы в согласной улыбке.

Бар на улице Юшетт и впрямь оказался подходящим. Внутри мягкий, приглушённый свет словно переносил их в камерный американский бар, где герои чувствуют себя как дома; небольшие столики на тонких металлических ножках невольно сближали посетителей, а харизматичный бармен задавал остроумный тон всему вечеру.

Впрочем, парижские бары по вечерам всегда превращались в исповедь без священника: здесь пили не для того, чтобы забыть, а чтобы позволить себе сказать то, что на трезвую голову показалось бы неуместным.

Стеф отказалась от еды и ограничилась бокалом красного вина. Несмотря на это, Алекс заказал на всю компанию закуски — мясные и фруктовые тарелки — и два стейка, один

⁴² *Non* – нет (фр.)

из которых предназначался ей. Каролин тоже не проявила особого интереса к еде, зато с явным азартом изучала коктейльную карту, стремясь попробовать как можно больше. Адриан заказал два салата — с морепродуктами и греческий.

И пока Алекс с Каролин налегали на алкоголь, Адриан, сославшись на то, что уже наелся первым салатом, без лишних слов подвинул второй Стеф.

Она на мгновение задержала взгляд, узнав в нём свой любимый салат, и после короткой паузы приняла его. Стеф списала это на удачное совпадение, хотя мысль о том, что их вкусы с Адрианом совпадают, почему-то не спешила её покидать.

Спустя час и по меньшей мере пять коктейлей речь Каролин стала свободной, быстрой и неудержимой.

— Кстати, помните, я говорила про девушку из поезда, с которой мы обсуждали Французскую революцию? Я обожаю эту тему! Так вот, она считает, что без неё Франция не была бы сейчас такой.

— Какой *такой*? — лениво спросила Стеф.

— Свободной!

— *Mon arrière-arrière-arrière-grand-père*⁴³, — вступил в разговор Алекс, не отрываясь от сырных закусок и коньяка, — участвовал в наполеоновских войнах, и, клянусь, он бы только посмеялся над этими словами.

— Мои предки были убеждёнными роялистами, — спо-

⁴³ *Mon arrière-arrière-arrière-grand-père* – мой пра-пра-прапрадед (фр.)

койно добавила Стеф. — И, если верить семейным письмам, революция не уничтожила неравенство, а лишь изменила его форму.

— Всё равно, — весело отмахнулась Каролин, допила «Голубую лагуну» и жестом подозвала официанта. — Сейчас у нас куда больше возможностей.

Адриан почти не участвовал в разговоре. Он медленно, с заметным удовольствием потягивал хороший виски и слушал этот беспечный спор, но одно присутствие Стеф напротив заставляло его всё глубже погружаться в ту хрупкую радость, что витала над их столиком.

— А у кого «у нас»? — с интересом уточнил Алекс и чуть подался вперёд, навалившись на стол, чтобы лучше расслышать Каролин сквозь гул соседних разговоров.

— Ну, у меня, например, или у родителей Адриана. У нас есть все возможности подняться из любого положения. Кстати, Стеф, к тебе это тоже относится! Что может быть лучше такой безграничной свободы?!

— Тебе сейчас не хватает только встать и на весь бар спеть гимн, — усмехнулся Алекс.

Каролин, приняв это за вызов, уже попыталась подняться, но Алекс тут же мягко усадил её обратно.

— Да я шучу! Ты очень милая, Каролин.

— Ты тоже! — ответила она с улыбкой, в которой смешались нежность, сияние и трогательное умиление.

— А куда ты потратишь свою безграничную свободу? —

спросил Алекс и сделал глоток.

— Получу учёную степень... или что там обычно получают отличницы? — она рассмеялась. — Я не знаю. Весь мир у моих ног, и я ухвачусь за любую возможность! Не знаю за что именно, но точно чего-то добьюсь, вот, да. Нужно же мне как-то оправдать то светлое будущее, которое мне все прощают... а оно всё никак не наступает.

Они продолжили разговор о будущем и учёбе. Стеф предпочла в нём не участвовать и перевела взгляд на Адриана, который уже смотрел на неё.

В ту же секунду он отвёл взгляд и снова сосредоточился на друзьях, сделав долгий глоток и почти осушив бокал полностью.

— А ты уже была в Опере Гарнье? — спросил Алекс, когда разговор зашёл о предстоящей опере.

— Пока нет, но я читала книгу. А что?

— Обязательно посмотри на потолок — он непревзойдённый! Стеф, напомни, кто там автор? — Алекс щёлкнул пальцами, будто подзывая прислугу.

— Марк Шагал⁴⁴, — спокойно ответила Стеф.

— Точно, моя красавица!

— А вы верите в этого призрака... ну, из книги? — осторожно спросила Каролин, словно затрагивая что-то запрет-

⁴⁴ Марк Шагал — художник русского происхождения, один из крупнейших мастеров модернизма XX века, известный своими поэтичными и символическими картинами.

ное. — В моей деревне говорили, что история основана на реальных событиях и что призрак Эрика до сих пор бродит там.

— Иногда у меня ощущение, будто я вообще готов поверить во всё что угодно, — задумчиво ответил Алекс.

— Вы говорите о призраке, который, по легенде, живёт под сценой? — уточнила Стеф и допила свой бокал. — Я эту книгу не читала.

— Да-да! — с воодушевлением воскликнула Каролин. — Это такой красивый роман, я его, кажется, раза два перечитывала. Как же Эрик любил свою Кристину... — она расслабленно выдохнула, словно возвращаясь в строки о трагической, безответной любви. — Я бы тоже хотела, чтобы меня так любили... Он долго за ней наблюдал, играл для неё музыку, устроил ей комнату под оперой, помог раскрыть её голос... и вообще, он такой... замечательный...

— Ты о чём говоришь, Каролин? — резко отозвалась Стеф и наверняка бы подавилась, если бы в этот момент пила. — Какая это любовь? Романтизация — да, она умеет придавать блеск даже самым жалким вещам. Но в реальности в этом нет ничего красивого. И уж тем более в такой одержимости.

Адриан прислушался. Алекс же с интересом переводил взгляд то на Стеф, соглашаясь с её аргументами, то на Каролин, улавливая и её логику.

— Как это — нет? — Каролин повернулась к Стеф. — Ты

представь, просто представь... да, представляешь? Хорошо. Человек настолько тобой одержим, что тратит всё своё время, чтобы узнать тебя. Насколько нужно быть интересной, чтобы этот человек — допустим, сталкер — решил потратить месяцы, а может, и годы своей жизни на это? Узнать тебя, возможно, даже лучше, чем ты знаешь себя...

— Ты неправильно ставишь вопрос, — спокойно возразила Стеф. — Правильнее спросить: чем страдает этот человек, если решает посвятить свою жизнь другому?

— Так в этом и дело!

— В чём, Каролин? В сталкинге и одержимости нет ровным счётом ничего достойного, а романтического — тем более. Разве что в извращённых рукописях или в американских фильмах, снятых для подростков, чьи детские рисунки не хвалили.

— Мои рисунки не хвалили, — вспомнила Каролин и чуть надула губы. — Адриан, скажи ей, что это романтично!

Адриан перевёл взгляд с одной на другую. Алекс, откровенно наслаждаясь тем, что оказался в стороне от выбора, хлопнул его по плечу и, растянув широкую улыбку, добавил:

— Мы ждём.

— Всё зависит от точки зрения, — спокойно ответил Адриан.

— И с какой точки зрения сталкерство можно оправдать? — нахмурилась Стеф.

— С точки зрения искусства.

— А ты в этом разбираешься? — Стеф спросила осторожно, но с явным интересом. — Как любитель?

— Я ценитель.

— И как ты связываешь искусство и сталкинг?

Адриан чуть склонил голову, словно обдумывая формулировку.

— Человек, которым одержимы, всегда больше своего поклонника. Он завладевает им, сводит с ума, толкает на поступки, на которые тот никогда бы не решился... и, если угодно, постепенно его поглощает. Это высокая цена, но тот, кто готов её заплатить, получает больше, чем ему положено: в объекте своей страсти он обретает бессмертие.

Стеф не смогла скрыть изумлённой улыбки, улавливая как точно он продолжил её собственную мысль — и как опасно её исказил.

Каролин, польщённая его словами, будто Адриан обратился к ней, сложила ладони на груди.

— Адриан... ты такой... такой...

Она поднялась, обошла стол, обняла его и расцеловала.

— Стеф, давай ещё вина? — предложил Алекс, ненавязчиво отводя разговор в сторону.

— Хорошая идея.

Сколько именно новоиспечённые друзья провели в баре — никто не знал. Как и то, кто и сколько выпил. Впрочем, ни то ни другое никого не волновало.

Алекс и Каролин сблизились в долгих беседах: перебивали друг друга, оживлённо жестикулировали, Алекс пытался перекричать её, — но в этом совместно созданном хаосе они находили странное утешение и связь. Впервые они так яростно отстаивали свои мнения.

Стеф перестала их слушать, едва Алекс заговорил о Наполеоне, но скука не находила в ней места: всё её внимание занял Адриан. Они смотрели друг на друга так, будто вокруг никого не существовало. Адриан знал — Стеф его слышит. И верил в ту необъяснимую температуру, что возникает между двумя телами — в этот момент она неуклонно поднималась.

— Адриан! — воскликнула Каролин. — Я права или нет?

Он ответил сразу, поскольку всё это время слушал их разговор, как фоновое радио.

— Нет. Уайльд умер в 1900 году, в Париже. Алекс прав.

— Блин... — Каролин надула губы.

— Мышка Каролин проиграла, — передразнил Алекс. —

И проспорила мне желание.

— Я кошка, а не мышка, малыш Алекс.

Они рассмеялись во весь голос, и в знак поддержки Стеф легко улыбнулась. Веселье прервал сигнал телефона Алекса — он уже неприлично задержался.

— Эх... мне пора, — вздохнул он. — Давайте почаще собираться?

— Мне ни с кем не было так хорошо, как с вами, — доба-

вила Каролин, чьё сияние, казалось, могло осветить целый квартал.

— Взаимно, — тихо ответила Стеф и вновь посмотрела на Адриана, на чьём лице играла лёгкая, слегка пьяная улыбка.

Расплатившись и поблагодарив официанта, друзья вышли на улицу.

Ночной Париж, укрытый мягким дождём, наполнял сердца особой магией. Свет фонарей растекался по мокрому асфальту, как расплавленное золото, а неон вывесок дробился в лужах на десятки дрожащих отражений. В этой влажной темноте город не угасал — напротив, становился откровеннее, словно ночь позволяла ему быть самим собой.

Каролин первой поддалась этому настроению. Со смехом она выбежала под дождь и, не оборачиваясь, потянула за собой Алекса. Он, ничуть не сопротивляясь, позволил увлечь себя в эту детскую радость. Они кружились под дождём, смеялись, ловили капли губами, запрокидывали головы к небу, словно действительно могли вкусить нечто божественное.

Стеф наблюдала за этим со стороны, оставаясь под защитой лёгкого навеса, сквозь который всё же прорывались редкие капли. Удерживая кончик сигареты губами, она начала искать зажигалку в карманах — пока прямо перед её лицом не вспыхнул огонёк.

Адриан держал зажигалку. Сквозь слабый свет огонька он всматривался в детали: линии её губ, влажный изгиб ресниц, тонкое запястье, по которому стекала дождевая капля.

Их взгляды были прикованы друг к другу, а дыхание на мгновение совпало, смешавшись с запахом дождя и табака. Пламя отразилось в зрачках Стеф, и на миг действительно показалось, что источник света находится не в зажигалке.

Адриан сделал шаг ближе, и его внутренняя тишина заполнила пространство вокруг. Шум дождя стал глуше, смех друзей отдалился, а Париж на мгновение превратился в чужой город. В этом шаге Стеф услышала вопрос — и, несмотря на вязкое опьянение, дала ответ: она отвела взгляд, повернув голову к друзьям, которые танцевали под дождём.

Долгое прощание, в котором никто не хотел отпускать этот вечер, всё же завершилось. Стеф отправилась домой пешком, Адриан и Каролин уехали на такси, а Алекса с трудом удалось усадить в машину к водителю.

Никто из них ещё не знал, что этот вечер станет началом новой истории для каждого — тем самым вечером, к которому возвращаются в памяти, когда хочется вновь ощутить прошлое; вечером, в котором четыре совершенно разные души нашли утешение друг в друге и который уже невозможно будет повторить.

По дороге домой Адриан смотрел на Париж, где в окнах один за другим гас свет, словно город становился зрителем, который устал наблюдать за слишком искренней пьесой.

Глава 8

«Фауст»

Опера «Фауст» вызвала в Париже настоящий ажиотаж,

привлекая как светских ценителей искусства, так и простых обывателей, желавших прикоснуться к величайшему шедевр. Для многих это событие казалось столь же сакральным, как шанс увидеть «Сотворение Адама»⁴⁵ в Сикстинской капелле.

Стеф листала *Vogue Paris* в салоне красоты. За длинными окнами-витринами Париж жил своей привычной жизнью под тяжёлым серым небом, медленно переходящим в бесцветный закат. Взгляд Стеф равнодушно скользил по прохожим.

Последние недели истощили её до предела. Все собеседования оказались провалены; учёба давалась с трудом — Стеф приходилось регулярно жертвовать сном, — но всё же приносила высокие баллы. От попыток снять жильё она уже отказалась. Проще было совершить преступление без следов, чем обзавестись съёмной квартирой или хотя бы комнатой в Париже.

Вместе с тем Стеф тяготили её новые отношения, в которых она не находила смысла. Алекс, безусловно, вызывал симпатию как друг, но совершенно не годился на роль полноценного партнёра. В этот вечер от него один за другим приходили сообщения:

«Может, завтра поужинаем?»

⁴⁵ Сотворение Адама – знаменитая фреска Микеланджело Буонарроти, написанная в XVI веке на потолке Сикстинской капеллы в Ватикане. Она иллюстрирует библейский сюжет из Книги Бытия, где Бог вдыхает жизнь в первого человека через почти соприкасающиеся указательные пальцы

«Отправишь фото, в чём ты?»

«Стеф? Если я отвлекаю, скажи»

Стеф не ответила ни на одно. Она отключила уведомления и погрузилась в недавние воспоминания, в которых неизменно возникал образ Адриана. Никто прежде не смотрел на неё так, как он. Его взгляд — внимательный, болезненно сосредоточенный, с оттенком скрытой силы — всегда был направлен на неё так, будто всё остальное теряло значение. Стеф не могла не чувствовать, как это льстит.

— Вуаля, — произнёс парикмахер, возвращая Стеф в реальность, и отточенными движениями добавил объём у корней волос. — Как вам?

— Неплохо, — ответила она, едва взглянув на своё отражение. — Сколько с меня?

— Двести евро.

Стеф подошла к стойке администратора и положила две купюры. Позволив осыпаться себя дежурными комплиментами, она раздражённо прикусила губу, когда заметила в глубине кошелька последние пять евро.

В то же время на окраине города Каролин поправляла тонкие бретели тёмно-синего платья перед зеркалом в полный рост. Странное внутреннее волнение сбивало дыхание, и она перевела взгляд на аккуратно разложенные билеты. Ей казалось, что даже эти бордовые приглашения с позолоченной рамкой куда больше подошли бы Стеф на утончённом меро-

приятти, чем ей самой.

Каролин нуждалась в словах, которые запрещала себе произнести, и отправилась искать их в переписке с Адрианом. Тот заходил в сеть только утром, поэтому, недолго думая, она написала Алексу. Он ответил сразу — и тут же позвонил.

— *Bonsoir, petite chaton*⁴⁶, — манерно протянул Алекс. — Чем обязан такому внезапному вниманию?

— Ха-ха... привет. Я не знаю, с чего начать и сможешь ли ты вообще мне помочь, но... В общем, я иду на «Фауста». На мне неприлично дорогие духи, хороший, наверное, макияж, удобные туфли... и платье, которое подарил Адриан... но... *bof...*

— Но-о-о... ты думаешь, как отправить этот идеальный образ на вечер без себя? Покажись мне, я хочу взглянуть.

Каролин включила камеру и поднесла телефон к зеркалу, разыгрывая карикатурную драму из-за едва заметных бретелей и открытой спины. И всё же ей хватило восхищённой реакции Алекса — с яркими, нарочито преувеличенными возгласами, к которым он добавил финальный штрих:

— Ты бесподобна! Клянусь, любому парню тут же понадобилась бы могила, стоит ему увидеть тебя! Только давай добавим к макияжу последнюю деталь. Улыбнись. Давай-давай.

Каролин последовала его совету, и настроение действи-

⁴⁶ *Bonsoir, petite chaton* – добрый вечер, маленький котёнок (фр.)

тельно поднялось. Она посмотрела на экран, где Алекс закусил нижнюю губу.

— О, да. Чертовски привлекательно, Каролин.

Он показался ей по-своему очаровательным — если она вообще могла позволить себе подобные мысли — в этой нарочито жизнерадостной позе.

— Ты мой лучший антидепрессант, Алекс. Мне нравится с тобой дружить.

— Ты тоже моя любимая подруга. Эх, я бы с удовольствием отправился с вами на этот вечер, но у меня семья занята подготовкой к приёму родственников на следующей неделе, так что...

Каролин хотелось томно вздохнуть, как это делают влюблённые девушки при виде самого желанного из мужчин, но, поблагодарив его, она отключилась — прежде чем мимолётное чувство в груди успело разрастись во что-то более недопустимое.

Заглянув в зеркало напоследок, Каролин вновь поправила бретели и тихо сказала себе:

— Всё получится.

И отправилась навстречу вечернему Парижу, зная, что сегодня она безупречна.

Стеф ожидала подругу в ресторане на верхнем этаже Галереи Лафайет. На бокале с вишнёвым соком остался след от помады; она не спеша наносила на бумагу блокнота послед-

ние штрихи наброска.

Заметив Стеф за столиком, Каролин ощутила укол восхищения и зависти, смешанных в одной ампуле. Она и представить не могла, что вместо Стеф увидит героиню любовного романа: холодно утончённую, в облегающем чёрном платье с высоким разрезом и мягко уложенными локонами. Именно такой Каролин хотела стать — красивой, уверенной, принадлежащей высшему обществу без малейших усилий.

— Ты выглядишь... У меня... нет. Я тебя оскорблю, если скажу «красиво». Ты шикарна. Нет, бесподобна... — Каролин села напротив. — Знаешь, обычно по твоим вкусам и манерам сразу понятно, из какой ты семьи, но сейчас... — она замялась, подбирая слова. — Твой отец бы гордился. Может быть, даже заплакал. Я его не знаю, так что...

— Я поняла, — коротко улыбнулась Стеф и вернулась к наброску. — У тебя тоже хорошее платье. Впрочем, будь у меня достаточно денег, я бы, вероятно, выбрала именно эту модель.

— А твоё?

«Это мой истеричный каприз, совершённый под влиянием эмоций после того, как мне отказались сдать нищенскую комнату в Сен-Дени. И я стерпела высокомерные взгляды безвкусно одетых куриц, которые продали мне это платье за семьсот евро; ещё двести я отдала за макияж и укладку — и теперь не знаю, на что жить и где брать деньги на сигареты», — хотела сказать Стеф, но включила свой шарм и ответила:

— Это моя финансовая инвестиция в собственную уверенность. Я могла снять квартиру, но предпочла потратить всё на этот образ и салонный макияж. И, знаешь, ни разу себя за это не осуждаю.

Каролин заказала себе коктейль «Космополитен» и предложила Стеф оплатить её сок и выбрать что-нибудь ещё, но та вежливо отказалась.

— Так о чём это мы... Уверенность, говоришь? — удивилась Каролин. — Да если бы ты пришла в старых обносках, ты всё равно выглядела бы лучше меня в этом дорогом платье.

— Нет. Я тоже могу чувствовать себя неподходящей, скованной, *mouton noir*⁴⁷. От этого никто не застрахован. Секрет в том, что «неуверенные версии нас» должны оставаться дома, а на публике нужно всегда держать лицо — что бы ни случилось. — Стеф приподняла бокал сока. — За удачную премьеру?

— *Santé*⁴⁸, — поддержала Каролин и наклонилась ближе, чтобы рассмотреть набросок в блокноте. — Ты рисуешь портрет Адриана?

— В смысле? — брови Стеф чуть сошлись к переносице, выражая недоумение. — Нет. Это Мефистофель. Я решила изобразить его в образе современного парижанина.

— Ой, и правда... Просто вот эти линии подбородка и

⁴⁷ *mouton noir* – чёрная овца (фр.). Здесь: в значении «белая ворона».

⁴⁸ *Santé* – за здоровье (фр.)

форма глаз очень похожи. Показалось. Прости.

Стеф сглотнула и перевела взгляд на рисунок. Ей удалось убедить Каролин, но внутренняя правда уже перекрыла все пути к отступлению. Ежедневные мысли клубились, нарастая снежным комом: юридические нормы, учебные формулы, задания, отголоски лекций профессора Эреброса, а также навязчивый вопрос, где заработать денег после бездумных трат. Адриану в этом хаосе отводился крохотный уголок, но он всё равно сумел вытеснить остальное и проявиться в творческом порыве.

— Как у вас с ним? — спросила Стеф, чтобы вежливо поддержать разговор. — Это ведь твои первые отношения.

Щёки Каролин зарумянились, и она поджала губы в стеснительной улыбке.

— Думаю, в этом смысле я иногда даже завидую самой себе. Он замечательный, даже... чересчур идеальный. Ты встречала таких? Он всегда покупает мой любимый кофе по утрам и приносит его перед лекциями, даже если они в разных аудиториях. Это уже стало традицией, ха-ха. На свидания мы постоянно ходим по музеям, хотя, честно говоря, я ещё не так много в этом понимаю... Но с каждым разом узнаю всё больше! — Каролин сделала глоток коктейля через тонкую трубочку. — А ещё, когда я у него в гостях, он любит читать вслух, и мы иногда обсуждаем прочитанное. Хотя, признаться, большую часть времени он молчит. Иногда это меня немного напрягает, но это мелочи.

Раствор из зависти и восхищения теперь словно ввели Стеф прямо в вену. Произведение, по которому была создана предстоящая опера, впервые вызвало у неё сердечный трепет лишь потому, что его вслух читал отец. С ним же они проводили долгие часы в музеях и галереях.

Каролин была хорошей подругой, и рядом с ней Стеф ощущала лёгкость, но стоило разговору коснуться отношений, как внутри неё возникло раздражение. Почему Адриан вступил в отношения с Каролин?

Стеф быстро моргнула, поймав себя на этом несправедливом чувстве.

— И, кстати, платье тоже он подарил, — продолжала Каролин. — Я до сих пор в шоке, что люди могут тратить такие деньги на наряд всего на один вечер. Куда я его ещё надену? Будет висеть в шкафу до следующего случая — и всё. Это же совсем непрактично...

— Потому что дело не в цене, а в настроении и символизме, которые эти непрактичные вещи и создают. Возможно, он пытался что-то этим сказать, раз ты говоришь, что он часто молчит. Правильно выбранный фасон, материал, рука и энергия дизайнера — порой даже стежки — задают особый, индивидуальный ритм. И ты права: возможно, ты больше его не наденешь, как и я своё. Но именно это и делает вечер по-настоящему неповторимым.

Каролин с готовностью согласилась, принимая каждое её слово, словно истину в последней инстанции. Стеф была для

неё одновременно наставником и воплощением мудрости, хотя сама Стеф даже не подозревала, насколько сильное впечатление производит на Каролин, чей юный ум впитывал всё без остатка, не подвергая услышанное ни анализу, ни сомнению.

— До начала ещё час, — сказала Стеф, взглянув на экран смартфона. — Пойдём заранее или ещё посидим?

— Можем идти. Сейчас оплатю счёт.

Официантка принесла счёт на пятнадцать евро и поставила перед Каролин терминал. Он издал короткий резкий сигнал, как только Каролин приложила карту.

— Может быть, у вас есть наличные? — вежливо уточнила официантка.

— Подождите, а что с картой?

— Недостаточно средств.

— Как так? Мама должна была прислать... — Каролин запнулась. — Стеф, у тебя есть?

Стеф с лёгкой растерянностью покачала головой.

— Можете подождать пару минут, пожалуйста? — обратилась Каролин к официантке.

— Конечно, — учтиво ответила та и отошла к другим столикам.

— Я ничего не понимаю... Мама каждый месяц присылала мне деньги в этот день, они должны были прийти... — Каролин тяжело вздохнула. — Надо позвонить Адриану.

— Ты собираешься унижаться перед мужчиной из-за пят-

надцати евро?

— Почему унижаться? — спросила Каролин, уже поднося телефон к уху. — Он мой парень. Может всё оплатить.

— Женщины столетиями выбирались из патриархального рабства, чтобы в итоге звонить мужчинам и просить их оплатить коктейль? Сначала коктейль, потом счета за учёбу. А через пару лет ты и не заметишь, как не сможешь с ним расстаться, потому что станешь финансово зависимой. А это, по сути, то же самое рабство.

Каролин уже собиралась сбросить вызов и обсудить своё решение, но Адриан не вовремя ответил. Она быстро объяснила ситуацию и, к удивлению Стеф, протянула ей телефон.

— А я тут при чём?

— Он сказал дать тебе трубку.

Стеф закатила глаза. Всем своим видом она демонстрировала нежелание говорить, за которым ловко скрывала стремление поскорее услышать его голос.

— На какую сумму у вас счёт? — спросил Адриан.

— Мой оплачен. А у Каролин на пятнадцать евро.

— Передай трубку официантке.

Стеф подозвала девушку. После короткого разговора официантка вернула Стеф её пять евро, пояснив, что *весь* счёт закрыт, и отдала телефон обратно.

— Ваш спутник оплатил оба счёта, мадам. Будем рады видеть вас снова. Приятного вечера.

— Это *мой* парень, — поправила Каролин, хотя офици-

антка уже отошла.

— Какой позор... — Стеф прикрыла глаза ладонью, осторожно, чтобы не задеть наращённые ресницы.

— Прости, что поставила тебя в такое положение... Зато у тебя теперь пополнение в бюджете.

— Ага...

Они направились в роскошное здание Оперы Гарнье. Стеф с изысканной жадностью вдыхала родной воздух, тогда как Каролин с раскрытым ртом оглядывалась по сторонам, едва не выворачивая шею. Увиденное напоминало ей рассказы Алекса об итальянских соборах: потолки, расписанные античными аллегориями, изящная ковка лестниц и балюстрад, тёплый, мерцающий свет, разлитый по залам.

Девушки заняли свои места в ложе на левом балконе, взяли бинокли и программки. Позади них, в полумраке кабины, расположились мужчины в безупречно сидящих костюмах и дамы в вечерних платьях. Перед началом постановки Стеф коснулась плеча Каролин, от которой исходило напряжение, и мягко произнесла:

— Всё в порядке. Привыкай, если хочешь быть в одном мире со мной, Алексом и Адрианом.

— Мы прямо в «Призраке оперы»!

Стеф усмехнулась её детской непосредственности и перевела взгляд на сцену, скрытую за знаменитым бархатным занавесом с золотыми кистями. В зале нарастало предвкуше-

ние, и вскоре его прорезал сдержанный, но плотный гул аплодисментов.

Дух оперы наполнил каждую клетку тела. Каролин возбуждённо и сбивчиво делилась впечатлениями — ей явно не хватало слов и знаний, чтобы выразить пережитое, но Стеф всё равно слушала, изредка отвечая кивками. Сама же она смаковала каждую услышанную со сцены партию, а речи и движения Мефистофеля вызывали у неё приятные мурашки. Она мысленно отдала должное спектаклю: он оказался сильнее чтения отца, и с её стороны это было наивысшей похвалой.

— Меня Адриан ждёт. Стоит в пробке, — сказала Каролин, взглянув на сообщение. — Проводишь?

Стеф кивнула. Они вышли на улицу Скриб, где среди высоких автобусов и низких седанов выделялся тёмный «Мерседес». На перекрёстке у площади Оперы разворачивалась хаотичная борьба за право проезда, и на прилегающих улицах поток машин застыл.

Адриан вышел из машины в расстёгнутом чёрном пальто, словно весь Париж служил лишь декорацией к его появлению. Каролин тут же бросилась ему на шею.

— *Bonsoir*, — произнёс он, едва касаясь её талии.

— Ты останешься у меня сегодня?

— Не получится. Нужно заехать домой к родителям. Садись.

Адриан собирался открыть для неё заднюю дверь, но Каролин уже юркнула внутрь. Он не стал поправлять её сдержанным замечанием о манерах, ведь всё его внимание оказалось приковано к Стеф. Перед ним стояла девушка из его грёз в бесподобном платье, чей силуэт и ровный профиль казались созданными для подлинного вдохновения. Именно так он представлял таинственную музу, являющуюся поэтам и художникам.

В одно мимолётное мгновение он сложил в голове целую поэму, которая по мрачной страсти и глубине превосходила «Песни Мальдорора», написал картину с поразительно точной передачей светотени на её ключицах, скрытых под кожаной курткой, и даже изобрёл нижние ноты парфюма, сотканые из её запаха — кожи, волос и чего-то неуловимого, принадлежащего только ей.

— Тебя подвезти?

— Нет. Я просто провожала Каролин.

— Я могу тебя подвезти, — спокойно, но безапелляционно произнёс Адриан. Его голос перекрывал сигналы машин на площади и шум вечерних разговоров.

Внутренний ориентир Стеф заметно сместился, нарушая строй её прежних, казалось бы незыблемых принципов, и она подошла к машине. Адриан распахнул переднюю дверь и, насколько позволяли обстоятельства и приличия, легко коснулся её ладони, помогая сесть.

Каролин замечала эти джентльменские жесты, но была

слишком увлечена своим рассказом о прошедшем спектакле и, словно оправдываясь перед самой собой, добавила:

— Я, кстати, никогда не езжу спереди! Всегда почему-то боюсь...

Адриан наклонился, чтобы пристегнуть Стеф ремнём. Оказавшись в столь притягательной близости, она, не сводя взгляда с его лица, тихо ответила:

— Я предпочитаю контролировать дорогу, даже не находясь за рулём.

Зрачки Адриана едва заметно расширились; несколько волосков на его руках поднялись, стоило ноте её голоса коснуться его слуха на столь близком расстоянии.

Спустя полчаса они почти добрались до дома Каролин — всю дорогу она не умолкала, искренне полагая, что ведёт с подругой и своим парнем увлечённую беседу.

— И ещё там была такая актриса в роли Гретхен! Я заслушалась её! И Маргарита...

— А кто играл Мефистофеля? — уточнил Адриан.

— Не знаю, я особо не обращала на него внимания.

— Он был лучшим, — спокойно произнесла Стеф. — Не спорю, остальные тоже талантливы, но этот актёр бесподобен. Никто больше не сможет так проникнуть в сущность Мефистофеля. От его голоса у меня в каждой партии дрожали колени... — закончила она, едва заметно проводя указательным пальцем по своему обнажённому колену.

Она чуть отодвинула ткань платья и, не поворачивая голо-

вы, скользнула взглядом в сторону Адриана. Он уловил этот жест — изящный флирт, адресованный то ли ему, то ли воображаемому образу Мефистофеля. Его пальцы крепче сжались на ободке, и автомобиль едва заметно вильнул.

— Ещё были очень вкусные напитки, — продолжала Каролин. — Я выпила коктейль в ресторане, а после спектакля мы со Стеф взяли дегустационное шампанское в буфете. Я так обрадовалась, что оно входило в стоимость билета и мне не пришлось снова краснеть! В общем, шикарный вечер: опера с подругой, заботливый парень и лёгкое опьянение от шампанского, ха-ха!

Адриан искал место, где можно было припарковаться, и равнодушно заметил:

— Ты в последнее время стала слишком много пить.

— Что? — Слова Адриана заметно задели Каролин, и она тут же заговорила быстрее: — Нет-нет, ты чего! Это же просто коктейль и шампанское. Ты же знаешь, что я почти не пью, это так... для настроения, повеселиться, как все... — её голос постепенно ужесточился: — И не надо со мной разговаривать, как строгий папочка. В последнее время ты слишком часто меня поучаешь! Надоело.

Он уже слышал подобное, и не только от Каролин, поэтому ответил сухо:

— Хорошо. Увидимся завтра на учёбе.

Горький осадок, исходящий от Каролин, заполнил безупречно чистый салон. Она оставила короткий поцелуй на

щеке Адриана, поблагодарила Стеф за вечер и, не оглядываясь, направилась домой.

До шоссе Периферик Стеф и Адриан добрались в комфортной тишине. И, к удивлению Стеф, когда она заговорила, тишина не нарушилась — напротив, будто обрела форму.

— В твоих действиях мало благородства. Заезжать за своей девушкой, но увозить другую — не слишком правильно.

— Я заехал за вами обеими. Благородство обычно подразумевает нравственность, подкреплённую честностью. С моей стороны это даже больше, чем просто благородный поступок, — он сделал короткую паузу. — По крайней мере, я не позволил тебе добираться ночью по брусчатке на каблучках. Разве этого недостаточно, чтобы счесть меня честным и нравственным?

По лицу Стеф скользнула тень симпатии; она тихо хмыкнула.

— Вполне.

— Но всё же для Каролин поездка была бесплатной. А к тебе у меня есть просьба.

— Мне нужно оплатить твои услуги личного водителя? — усмехнулась Стеф.

— От тебя я не приму ни одной валюты, кроме твоего присутствия.

— Это флирт?

— А ты бы этого хотела?

Он плавно свернул налево, и Стеф невольно отметила, насколько уверенно и точно он управляет автомобилем — мягко и почти бесшумно.

— Я не из тех француженок, для которых флирт — это манера общения. Если за ним ничего не стоит, кроме желания развлечься, это пустые разговоры.

— Я тоже не сторонник бессмысленной болтовни, — он ухмыльнулся.

Стеф пришлось прикрыть рот ладонью и отвернуться к окну, чтобы Адриан не заметил её довольной улыбки.

— Так чем мне предстоит оплатить поездку? — уточнила Стеф.

— Нужно заехать к родителям. Отец должен посмотреть коробку передач и заменить детали. Это по пути и займёт минут десять, а потом я отвезу тебя.

— *D'accord*⁴⁹.

Стеф не считала, сколько времени прошло и сколькими часами сна ей предстояло пожертвовать перед завтрашней учёбой. Рядом с Адрианом время переставало быть неизменной величиной и становилось податливой субстанцией.

Машина остановилась на подъездной дороге у дома. Адриан заглушил двигатель и заметил Маргарет, вышедшую на крыльцо. На ней был длинный шёлковый халат с кружевом на запястьях, а в руке поблёскивал бокал белого вина.

— Хочешь познакомиться с мамой? — спросил Адриан.

⁴⁹ *D'accord* – хорошо. Используется для выражения согласия (фр.)

— Она любит гостей.

— Кажется, это не очень удобно.

— Будет невежливо, если ты просидишь всё это время в машине.

Аргумент оказался достаточно весомым. Когда Стеф и Адриан вышли из машины, Маргарет на цыпочках подлетела к ним.

— *Mon chéri!* — она поцеловала Адриана в обе щеки и тут же перевела взгляд на Стеф. — *Mon Dieu...* Кого я вижу!

— *Bonsoir*, Маргарет.

— Как же такой цветок расцвёл в нашем жестоком мире... Ты так выросла. Я ведь видела тебя только на фотографиях, когда тебе было... сколько? Шестнадцать? Твой отец так много о тебе рассказывал.

— Вы были знакомы?

Маргарет на долю секунды задержала взгляд, будто подбирая точную интонацию.

— Да... в некоторой степени, — ответила она с мягкой улыбкой, слишком аккуратно, чтобы быть естественной. — Как ты поживаешь?

— Прошу прощения, что перебиваю, но отец обещал посмотреть машину, — напомнил Адриан.

— Ай, — Маргарет отмахнулась и сделала долгий глоток из бокала, — его нет дома. Заходите. Стефани, я найду нам лучшую бутылку, и ты расскажешь мне всё-всё.

— Я только чай, — мягко поправила Стеф, но приглаше-

ние приняла.

Адриан помог Стеф снять куртку и уже хотел расстегнуть ремешки на её туфлях, но она его остановила. После этого он быстро привёл кухню в порядок.

Не вмешиваясь в женские разговоры, он поставил на стол лёгкие закуски и свежесваренный фруктовый чай.

— Ты добавил в чай кардамон и гвоздику? — заметила Стеф после первого глотка.

— У тебя тонкий вкус.

— Я при тебе пила чай всего один раз, на общем обеде, и в барной карте эти специи не были указаны.

— Ах, в этом весь мой Адриан, — вмешалась Маргарет с гордой улыбкой. — Он чувствует и замечает обычные вещи глубже других. Не удивлюсь, если он запомнил это по аромату.

— Я поднимусь за книгами и позвоню отцу, — сообщил Адриан и направился на второй этаж. — Отдыхайте.

— Спасибо, что поухаживал за нами! — крикнула ему вслед Маргарет.

Следующий час Адриан провёл на ступенях второго этажа, оставаясь вне поля зрения, но в том месте, откуда безнравственно легко было подслушивать любые разговоры.

Сначала дамы вели вполне обычные беседы — о работе, о последних поездках, — но как это часто бывает в хорошей компании и при должной выдержке вина, Маргарет по-

степенно разоткровенничалась. Насыщенный деталями монолог в конце концов довёл её до пьяных слёз.

— Знаешь, Стефани, я ведь сначала работала, — её влажное лицо показалось Стефу ещё более красивым в своей искренности, — а потом стала хорошей женой, хорошей матерью... Правда, я старалась. И всё же мой муж сейчас спит с редактором программы, а мужчины, которого я любила помимо него, уже нет на этом свете... Я срываюсь на сына за то, в чём он не виноват. И не могу перестать пить... Я ни в чём не состоялась. Простая женская схема: сначала ты украшение, потом фон, а затем — раздражающее существо. Я ведь всё ещё надеваю серьги и наношу его любимую помаду, хотя на меня уже давно никто не смотрит... — Она судорожно вздохнула, крепче сжав бокал. — Я не хотела тебя этим нагружать...

Стеф понимала её, но не в привычном смысле. Она проживала каждое сказанное слово, словно примеряла на себя кожу Маргарет в каждой из описанных ситуаций, и в какой-то момент ей показалось, что сама Стеф сидит в кружевном халате и рассказывает о своих бедах малознакомой девушке.

Стеф медленно поднялась со стула и обняла Маргарет.

— Ваша боль прекрасна, Маргарет, так же, как и вы. Боль ведь — это не плохо. — Она осторожно стерла влажные капли с её щёк. — Есть фильм «Город ангелов»⁵⁰, вы наверня-

⁵⁰ «Город ангелов» — знаменитая американская романтическая драма. Сюжет

ка его видели. Его суть именно в этом. Чувствовать боль — значит быть человеком. Живым человеком, Маргарет. Пока мы способны её ощущать, мы по-настоящему живы. И иногда она — единственное, что нам остаётся, когда мы устаём от бесконечных бурь... а затем ей на смену приходит долгожданная тишина.

Маргарет чуть приоткрыла губы, словно пытаясь осмыслить услышанное и собрать рассыпавшиеся мысли во что-то цельное.

В жилах Адриана словно застыл лёд, с которым он пытался совладать всю жизнь. Мысль о том, чтобы свести боль к проявлению человечности, вызвала в нём физическое сопротивление. И всё же тонкие струны его болезненного эго оказались задеты сильнее, чем он ожидал. Он спустился на кухню.

— Ты так хорошо умеешь слушать, Стефани... — с мягким восхищением произнесла Маргарет, не выпуская её ладони из своей.

Услышав шаги Адриана на лестнице, она обернулась. — Ой, Адриан, мы тут засиделись...

— Отец не берёт трубку. Не уверен, что мы сможем добраться без происшествий.

— Я могу вызвать такси, — спокойно ответила Стеф.

рассказывает о бессмертном ангеле Сете, который влюбляется в земную женщину-хирурга и решает отказаться от своих крыльев и вечной жизни ради того, чтобы стать простым смертным и испытать человеческие чувства

— Что? Ну уж нет. Никакого такси, — резко возразила Маргарет. — Отец приедет к утру и займётся машиной. Либо вы поедете с водителем.

— Маргарет, это лишнее...

— Нет-нет, *ma chérie*. Я никуда тебя не отпущу. Это слишком неуважительно к твоему покойному отцу. Что я ему скажу, когда окажусь по ту сторону? Что отправила его дочь ночью домой с незнакомым таксистом? Нет! Оставайся. У нас отличные гостевые комнаты, и я подберу тебе что-нибудь для сна. Пойдём.

Маргарет по-матерински, даже собственнически, ухватила Стеф за плечи и повела её наверх.

— Маргарет, я...

— Возражения не принимаются, — удовлетворённо и мелодично протянула она. Стеф с глубоким вздохом приняла очередное поражение.

Адриан был доволен не меньше Маргарет. Для него это было сродни развлечению — редкому и потому особенно ценному — получить желаемое без долгих и сложных расчётов. Чистая случайность всегда вызывала в нём любопытство и предвкушение — одни из немногих эмоций, которые он мог испытывать, пусть и в ослабленном виде. Машину действительно следовало починить; отсутствие отца он не планировал, как и ночёвку Стеф. Вот только звонить он никому и не собирался — обстоятельства складывались слишком удачно.

Когда поэтапная подготовка ко сну была завершена, Адриан позволил себе внести новый штрих в свою выверенную рутину и заглянул в комнату Стеф.

Укутавшись в воздушное одеяло и устроившись среди мягких подушек, она встретила его мягкой улыбкой.

— Тебе будет здесь удобно? — заботливо спросил Адриан.

— Даже очень.

Одеяло плавно соскользнуло по её телу, и она выпрямилась, опираясь на изголовье кровати.

— Я рад. И тебе идёт мамина пижама.

— Ага, а ещё она вручила мне два пакета вещей, и я почувствовала себя на рынке перед продавцом, которому невозможно отказать, — усмехнулась Стеф.

Он поддержал её шутку, чуть приподняв уголок губ.

— Если что-то понадобится — моя комната в конце коридора.

Адриан уже собирался уйти, но один её аромат заставлял искать повод задержаться.

— И ещё кое-что: мама вылила недопитое вино. Не знаю, как ты это сделала, но теперь я понимаю, почему ты решила стать психологом.

Стеф мягко, с пониманием, кивнула.

— Я хотела стать врачом после смерти отца. Банально, не так ли?

— Когда близкий погибает из-за недостаточного прогрес-

са в медицине, а его родственник пытается исправить это, помогая другим, — это очевидно, но не банально. В любом случае ты уже отличный врач. Настолько точно сделать разрез человеческой души способна только ты. Это дорогого стоит.

— Теперь я понимаю, почему ты решил стать психологом, — отзеркалила Стеф.

— Образование у меня для галочки.

— Почему ты не пошёл на режиссёрский? Или в творческие специальности?

— По той же причине, по которой ты оставила свои творческие увлечения. За меня уже сделали выбор.

— Родители?

Адриан не ответил — лишь едва заметно ухмыльнулся.

— *Fais de beaux rêves, Steph.*⁵¹

— *Fais de beaux rêves, Adrien.*

Он выключил свет и ушёл в свою комнату. Эхо её голоса не спешило рассеиваться в мыслях. Он удерживал его силой и уводил глубже — туда, где уже начиналось нечто более опасное.

Дверь в комнату Стеф тихо распахнулась, и послышались негромкие шаги. Маргарет села на край кровати. Материнская рука бережно легла на голову девушки и несколько раз провела по влажным после душа волосам.

Стеф улыбнулась с закрытыми глазами — так, как улыба-

⁵¹ *Fais de beaux rêves, Steph* – добрых снов, Стеф (фр.)

ются смущённые дети. И на короткое мгновение ей показалось, будто она снова рядом с родителями: в безопасности, под покровом ночи, на свежих простынях. Ощущение длилось до тех пор, пока она не открыла глаза и не увидела перед собой абсолютно чужую женщину.

Маргарет поцеловала её в лоб и пожелала добрых снов. Подушка, на которой лежала Стеф, никому бы не посмела рассказать, что в тот момент на неё упало несколько счастливых слёз.

После этого Маргарет заглянула и к Адриану. Он ещё не выключил свет и читал книгу.

— Можно обнять? — спросила она.

Адриан кивнул. В её объятиях он услышал горячий шёпот.

— Если ты не женишься на ней — это сделаю я. Понял? Наша фамилия ей как раз к лицу. Эх... Она так на него похожа...

Он усмехнулся, но не столько шутке, сколько очевидности исхода. Однако Адриан ещё никого не посвящал в свои планы, касающиеся фамилии. Во-первых, со Стеф они даже не состояли в отношениях. Во-вторых, он ещё не решил, как объяснить родителям своё желание взять фамилию её семьи.

После долгих лет изнуряющих страданий Стеф впервые клонило в сон не от усталости после третьей смены за два дня, не от тяжести очередных невзгод, а от простой безопас-

ности и внутренней безмятежности. И всё же заснуть ей не удавалось, будто в пазле её идеального мира не хватало одной-единственной детали, и она сразу поняла, где её найти.

В комнате Адриана раздался негромкий стук.

— Войдите.

Его последующий вздох оказался глубже, чем следовало. Стеф сонно опиралась головой о дверной проём и, заметив книгу, спросила:

— «Призрак оперы»? Вирус Каролин всех заразил?

— Перечитываю, — спокойно ответил он. — Ты что-то хотела?

— Я не могу уснуть... Посижу с тобой?

В комнате Адриана царил уютная атмосфера, доведённая до кинематографического абсолюта: выверенные линии мебели, приглушённые фактуры кашемира и кожи, безупречная симметрия предметов и тишина, в которой каждая вещь знала своё место. Небольшой светильник на тумбочке излучал матовый свет, и Адриану захотелось взять лицо Стеф в объектив и снять его крупным планом в этом освещении.

— Конечно. Иди сюда.

Он освободил для неё место на просторной кровати и отложил книгу. Стеф грациозно опустилась рядом, опираясь на руку. Без макияжа она выглядела несколько иначе — мягче и тише, и Адриану хотелось бы добавить всего несколько штрихов — помады и туши, — чтобы подчеркнуть её прелестные черты, не исправляя, но завершая.

— Ты перечитываешь книги, чтобы копнуть глубже и найти детали, которые не заметил при первом прочтении?

— А ты перечитываешь, чтобы вновь ощутить тот трепет и те эмоции, что возносили тебя в первый раз?

Стеф таинственно улыбнулась и хмыкнула.

— Нравится меня читать? — томным шёпотом спросила она, и в её глазах вспыхнул едва заметный огонёк.

— Как и тебе — меня. Но должен признаться: ты — лучшее из всего, что я читал.

Адриан очаровывал её голосом, словом, жестом, взглядом... Стеф пропитывалась его безупречным спокойствием, и в какой-то момент цельная картина со всеми деталями идеального мира вдруг сложилась воедино.

— Мне хорошо рядом с тобой... но мне тяжело принимать от тебя постоянную помощь.

— Может, тебе тяжело признать, что она тебе нужна?

— Но я не хочу ни от кого зависеть.

Адриан медленно, словно проверяя границы дозволенного, наклонился к её лицу и задержался на долю секунды.

— Каждый человек зависим. Свобода лишь в выборе: от кого или от чего зависеть.

— Глубоко, профессор Эреброс, — усмехнулась Стеф и этой шуткой спасла их обоих от ошибки, которая могла бы случиться при такой опасной близости их губ.

— Ложитесь, мадемуазель Вирель. Двадцать баллов⁵², —

⁵² 20 баллов — высшая возможная оценка во французской 20-балльной системе

подыграл Адриан и откинулся на подушку.

Как только Стеф растворилась в мире снов, Адриан медленно и бережно приподнял её голову и подложил под неё подушку, словно исправляя небрежность, недопустимую для совершенства. Затем точным жестом он отвёл с её лица тонкую прядь, чтобы ничто не нарушало целостности образа, которым он позволял себе любоваться.

Он был уверен, что знал её отца лучше, чем кто-либо, ведь слишком хорошо знал его работы. И всё же среди всего созданного им Адриан без колебаний выделял главное: его единственным безупречным произведением была собственная дочь.

И чем ближе Стеф подходила к нему — не по принуждению, а по собственной наивной воле, — тем сильнее в нём просыпалось то, что он так тщательно держал под контролем. Одержимость не вспыхивала — она росла медленно и последовательно, как голод, не знающий насыщения.

Стеф не осознавала, что кормила его собой: своим голосом, случайными прикосновениями, теплом кожи, едва уловимым запахом — и теми незаметными для обычного взгляда токами, которые не требовали объяснения, а подчиняли.

Адриан чувствовал, как по границам, выстроенным им с болезненной точностью, идут трещины. Он коснулся её лба своим, будто проверяя реальность происходящего, и медленно приблизился к её губам, задержав дыхание не от нежно-

сти, а от усилия. И всё же остановился. С жестоким внутренним усилием он отстранился и посадил зверя на цепь.

Он не сомкнул глаз до самого рассвета и не заметил прошедших часов, которые посвятил созерцанию своей почти достигнутой цели.

Глава 9

Ревность

В то утро центр Парижа дышал прохладой и терпкой влажностью: воздух был пропитан запахом мокрой листвы и старого камня, а ветер лениво срывал листья с каштанов и кружил их по мостовой, будто перебирая чужие судьбы.

Возле Сорбонны толпились студенты. Каролин и Алексом растворились в общей толпе. Они вышли после семинара и собирались отправиться на совместный обед.

Каролин была выбита из колеи: впервые за всё время их отношений Адриан не принёс ей привычный кофе, а пропущенный им семинар стоил ей важных баллов, ведь Адриан не представил свою часть их общего доклада.

Алекс медленно затянулся сигаретой. Его мысли скользили по возможным сценариям предстоящего вечера, и при любом исходе тело отзывалось одинаково — приступом тошноты и желанием очистить желудок или, что казалось куда проще, исчезнуть. Ни разум, ни душу его не мучило ничего, кроме одного — семейного ужина, на котором соберутся все родственники.

— А Стеф на лекциях сегодня была? — спросила Каролин.

— Кажется, нет. Я не обращал внимания, — сухо ответил Алекс.

— Странно... Адриан и Стеф никогда не пропускали занятия...

Стоило Каролин заговорить об этом, как к обочине припарковалась машина, из которой вышел Адриан, — и тут же улыбка на её лице иссякла, так и не успев родиться.

Она видела, как Адриан открыл дверь для Стеф, но это оказалось лишь прологом. Дальше было хуже: Маргарет — кумир детства из телевизионного шоу и, по совместительству, мать её парня — расцеловала Стеф, точно родную дочь, поправила ей волосы и передала бумажный пакет с обедом.

Бровь Каролин едва заметно дёрнулась, а желудок стянуло в тугую, болезненный узел.

— Наконец-то, а то я уже умираю с голоду, — сказал Алекс, радостно приветствуя подошедших друзей. — Вы где пропадали?

— Кое-кто меня не разбудил, — язвительно ответила Стеф, метнув взгляд в сторону Адриана. — Но я хотя бы выспалась. Дьявол, спасибо за крепкий сон.

— Пожалуйста, — с самодовольной ухмылкой отозвался Адриан.

— У кого-то, я смотрю, особенно хорошее настроение, — заметил Алекс, невольно подхватывая их лёгкий тон. Он ещё

не успел осознать, что его девушка провела ночь у его лучшего друга.

Адриан и Стеф шагнули к Каролин, намереваясь по привычке обнять её, но она сразу отстранилась.

— Что это было?

— Что именно? — уточнила Стеф.

— Я не у тебя спрашивала, — сказала Каролин не грубо, а с плохо скрытым раздражением и, не отрываясь, посмотрела на Адриана. — Что происходит? Почему вы приехали вместе? И почему пропустили семинар?

— Когда я вчера подвозил Стеф, у меня сломалась машина, — ответил Адриан с той спокойной будничностью, которая в подобных обстоятельствах звучала оскорбительно. — Поэтому она осталась у меня ночевать.

Он говорил так ровно и бесстрастно, что у Каролин невольно задрожали руки. Ветер на улице усиливался, но озноб рождался в ней вовсе не из-за погоды.

— Мы ведь собирались пообедать? — как ни в чём не бывало сменил тему Адриан.

— Да, — согласился Алекс, проявляя мучительное терпение, чтобы не устроить сцену прямо посреди улицы. — Я забронировал столик. *On y va*⁵³, а то я уже продрог вас ждать.

Алекс был вынужден оставаться весёлым и непоколебимым, невзирая на очевидный разлад в их недавно сблизившейся компании. Он рассчитывал, что, если не раздувать

⁵³ *On y va* – пойдёмте (фр.)

тлеющий конфликт, тот вскоре угаснет сам, и всё вернётся на круги своя.

В ресторане Каролин заняла место на диване, и рядом сел Алекс. Конечно, ей хотелось видеть на его месте Адриана, но, как это обычно бывает во взрослом мире, пришлось довольствоваться реальностью, в которой её парень сидел сидел напротив — бок о бок со Стеф.

Каролин заказала *pot-au-feu*⁵⁴ и ела его так, словно вместо бульона ей приходилось глотать расплавленное железо, а вместо мяса — тонко нарезанные лезвия. Она старалась не смотреть на Стеф, но взгляд всё равно возвращался к её рукам: к тому, как спокойно и точно она держала приборы, как безошибочно выверяла каждое движение, — и от этого становилось только хуже.

Алекс жевал салатные листья, и уже перестал делать вид, будто ему нравится ощущать себя травоядным бараном.

— Как подготовка к семейному приёму? — спросила Стеф.

Она сидела с прямой спиной; каждое движение её пальцев излучало холодную элегантность, с которой она раскрыла контейнер с салатом из маринованного тунца, приготовленного по личному рецепту Маргарет.

— Мать на нервах, отец на иголках, — ответил Алекс и чихнул.

⁵⁴ *Pot-au-feu* — традиционное французское блюдо: мясо, долго томлённое в бульоне с овощами (букв. «горшок на огне») (фр.)

— *À tes souhaits*⁵⁵, — негромко произнёс Адриан, поднося к губам раковину запечённой мидии.

— Спасибо, — кивнул Алекс и продолжил: — стараюсь не путаться под ногами. Но, клянусь, этот ужин проклятый. Я бы всё отдал, лишь бы туда не идти.

— Всё будет нормально, — непринуждённо сказала Стеф.

— Тебе легко говорить. Ты-то в семье любимицей была, — хмыкнул Алекс с явным раздражением.

— Только сейчас у меня семьи нет. Зачем мериться, кому хуже?

— Проехали, — отмахнулся Алекс и сменил тему: — Кстати, Шарля, Мелани и Мишеля сегодня тоже не было на семинаре.

— Они уже пару дней не появляются, — добавила Стеф.

— Не понимаю, — задумался Алекс. — Обычно они не пропадают вот так резко, да ещё и без объяснений... Не считая Шарля, конечно.

Стеф задумчиво кивнула, возвращаясь мыслями к отсутствующим однокурсникам. Каролин глотала суп нарочито громко — так, будто её демонстративное недовольство могло заполнить всё пространство и, возможно, наконец вызвать хоть какую-то реакцию Адриана.

Не получив желаемого внимания, она резко бросила:

— Смотались на какие-нибудь очередные острова пить розовую «Маргариту» и подхватывать ЗППП.

⁵⁵ *À tes souhaits* – будь здоров (фр.)

Стеф мгновенно насторожилась и замерла. Алекс нахмурился и осторожно спросил:

— Каролин, что с тобой? Ты в порядке?

В тот же миг кусочек говядины сорвался с её ложки и с глухим звуком упал в тарелку, расплескав бульон по столу и оранжевому свитеру. Напряжение, на котором она держалась, не выдержало и лопнуло:

— Нет! Со мной не всё в порядке! Вы двое просто открыто надо мной издеваетесь! — её голос звучал резко и грубо, но в лице уже проступала та самая хрупкая, сдерживаемая до последнего боль, готовая в любой момент прорваться слезами.

Адриан отодвинул блюдо и неторопливо вытер рот салфеткой.

— Я не была против, что ты подвезёшь Стеф домой, но я уж точно не хотела, чтобы ты подвёз её к себе домой!

Адриан молчал и слушал, глядя на Каролин с тем сдержанным, выученным стоическим спокойствием, которое не оставляло ни малейшего шанса на ответную эмоцию.

— Ты сказал, что мы не в том «статусе» отношений, чтобы знакомиться с родителями, а Стеф, как я увидела, твоей маме понравилась! Ты не принёс мне кофе, и из-за тебя я потеряла баллы за доклад, потому что ты не подготовил свою часть. Это безответственно! А ты? — теперь волна гнева обрушилась на Стеф. — От тебя я уж точно не ожидала, что моя лучшая подруга полезет в койку моего парня!

— Меня положили в гостевой комнате, — спокойно отве-

тила Стеф. Формально это было правдой. И пусть слова Каролин звучали оскорбительно и искажали реальность, суть она всё же улавливала верно. — И я не записывалась к тебе в лучшие подруги. У нас ничего не было.

— Да откуда мне знать, что между вами ничего не было?

Адриан отвёл взгляд к окну, за которым порыв ветра срывал листья и закручивал их в беспорядочные вихри. Стеф тяжело вздохнула и, на мгновение замешкавшись, решила раскрыть правду — во имя сохранения их компании, которой Алекс дорожил.

— Потому что мы с Алексом встречаемся.

Он резко поднял взгляд, широко раскрыв глаза: неожиданность была слишком внезапной, даже если где-то внутри отозвалась теплом.

— Что? — выдохнула Каролин, и буря слов, которую она сама же подняла, в одно мгновение опала, оставив после себя оглушающую пустоту.

— Что? — в тот же момент повернулся Адриан, переводя взгляд со Стеф на Алекса.

Короткая мысль о неподвижном, навсегда застывшем лице Алекса приводила всё в порядок — в отличие от реальности, развернувшейся в тот миг. Адриан был архитектором сложных, выверенных жизненных линий, но в эту секунду оказался лишённым лицензии. Как это произошло? Каким образом столь важная деталь ускользнула от его безупречного контроля?

— Да, — подтвердил Алекс.

— Эм... и тебе нормально, что твоя девушка ночевала у твоего лучшего друга? — не выдержала Каролин.

— Я... должно быть, я не ревнивый. Но в любом случае я им доверяю. Я всем вам доверяю, — его взгляд встретился с благодарными глазами Стеф. Ему повезло не заметить тень гнева, мелькнувшую на лице Адриана.

Каролин стыдливо опустила голову, и дрожь сбила её дыхание. Подготовленные слёзы всё же прорвались, прохладой разливаясь по щекам.

«Ревнивая, тупая, мерзкая, грубая идиотка... Зачем я это сказала? Почему я такая глупая? С чего я вообще решила, что смогу быть с ними на равных?» — мысленно корила себя Каролин.

Будь у неё возможность, она ударила бы себя прямо на глазах у всех.

Адриан, вернув привычную ясность, сел рядом и притянул Каролин, прижав её голову к своей груди. Шум ресторана будто приглушился — так она это ощутила, обвивая шею любимого руками.

Адриан поднял взгляд на Алекса и, попытавшись сохранить бесстрастную интонацию, повторил когда-то брошенную им фразу:

— Хороший выбор, бро, — тихо произнёс он, и гласная «о» едва заметно дрогнула. — Каролин, пойдём. Поговорим в библиотеке.

Он коротко кивнул остальным:

— Увидимся.

С их уходом напряжение спало. Стеф наконец выдохнула, но легче ей не становилось. В голове застыл образ Адриана, который прижимал Каролин к себе. Аппетит и всякое хорошее настроение пропали, и ей оставалось лишь смотреть на недоеденного тунца.

Пальцы Алекса постукивали по стеклу стакана, словно отбивая фермату — выдержанную, затянувшуюся ноту.

— И всё же... измена была? — спросил он, избегая смотреть на Стеф.

— Смотря, что считать изменой. Мой отец спал со всеми подряд, но с матерью до последнего не разводился. А в отношениях с Шарлем я ни с кем не спала, но проводила куда больше времени с кем угодно, только не с ним.

— И всё же?

— Я к тому, что не имеет значения, насколько глубоко входит член, если человек уже проник в душу. В любом случае я бы не чувствовала вины, даже если бы переспала с ним.

— Интересные у нас отношения... — сдержанно, но с явной агрессией ответил Алекс. — А если я скажу то же самое? Что не чувствовал бы вины, если бы переспал с Каролин?

— А ты хочешь переспать с Каролин?

— Я сказал «если».

— Мне не интересны твои гипотетические желания. Если ты думаешь о другой, нам лучше сразу расстаться, — резко

бросила Стеф.

— Прекрасно! Ты не можешь ответить, спала ли ты с моим другом, но я остался виноват в том, что просто озвучил теоретическую измену?!

— Да, — холодно ответила Стеф, скрестив руки на груди.

— Так! Хватит! — сорвался Алекс. — Просто скажи: вы спали или нет?

— Нет.

Алекс резко отодвинул тарелку. Они молча сидели друг напротив друга, пока он оплачивал счёт, а внутри Стеф разгорался глухой, тягучий огонь вины. Врождённая упрямство не позволяла ей признать свою неправоту, а совесть, замолчавшая прошлой ночью, теперь возвращалась и не давала покоя. Стеф решила дожидаться, когда ростки чувств к Адриану завянут, а затем найти подходящий момент, чтобы извиниться перед Алексом.

На следующий день Париж распахнул ворота разъярённому ветру, впуская его не только в город, но и в квартиру Каролин. Она отчаянно пыталась согреть душу под несколькими одеялами, не отвечала на сообщения друзей и напрочь забыла об учебных обязанностях.

Получив долгожданное сообщение от матери, ей пришлось отложить страдальческое самокопание и натянуть жизнерадостную маску примерной дочери.

Баланс на счёте оставался таким же пустым, как и холо-

дильник, поэтому Каролин с тревожным трепетом ожидала объяснений матери и в спешке собралась на встречу. Плотный слой консилера не сумел скрыть всех следов личных потрясений, хотя с тёмными кругами под глазами справился отлично.

Ресторан на бульваре Перейр показался Изабель слишком светлым для предстоящего разговора с дочерью. Янтарный свет словно подчёркивал не лица, а их уязвимость, будто намеренно выставлял эмоции на витрину. Каролин пришла заранее и, увидев мать, сразу заключила её в долгие объятия.

Они обменялись любезными приветствиями. Официант принёс меню. Каролин, недоедавшая последние дни, принялась поспешно заказывать блюда, параллельно рассказывая о каждом, будто оправдываясь. Изабель ограничилась стаканом воды; её руки лежали на белой скатерти, едва заметно подрагивая — слишком тонко, чтобы дочь могла это уловить.

— Рассказывай, как ты? — её голос, тонкий и ласкающий, звучал заботливо, но улыбка оставалась чужой. — Изменилась, да? Новая причёска, очки больше не носишь...

— Да. У меня всё хорошо. Учёба, парень, друзья, хобби — всё лучше, чем я представляла.

Изабель сразу уловила непривычные, надломленные ноты в голосе дочери и уточнила:

— Но что-то не так?

— Эм... мои друзья... они, как бы помягче сказать, выше. Все старше на год или два, все из богатых семей, а двое вообще потомственные аристократы, представляешь? И я чувствую себя среди них лишней.

— Думаю, сегодня эта проблема покажется тебе пустяком...

— В смысле? — Каролин уже привыкла к тому, что Изабель ничего не объясняет, и была благодарна даже за то, что мать её слушает и не перебивает.

Изабель вздохнула. Она, как и большинство людей, ненавидела сообщать плохие новости и чувствовала, как вина перед дочерью медленно разъедала изнутри.

— Я должна сказать кое-что важное, дорогая... Хочу, чтобы ты знала: я уже занимаюсь решением вопросов. Через десять минут придёт мой старый знакомый. Он пообещал мне работу, и мы постараемся решить всё как можно скорее.

— Мам, я ничего не понимаю.

— Я не хочу погружать тебя во все детали — это ни к чему, — она отвернулась к окну. — У меня возникли некоторые трудности. Ты в этом не виновата, но мне придётся отпустить тебя во взрослую жизнь раньше, чем я бы хотела, — её взгляд опустился на пузырьки в стакане воды. Они лопались один за другим, как и её собственные надежды. — В ближайшие месяцы я не смогу покрывать твои расходы.

— Оу...

Каролин показалось, что для таких известий голос матери

звучал слишком спокойно.

— Но мне уже на следующей неделе нужно оплачивать квартиру, и дома остались одни крупы... Ты, наверное, шутишь?

— К сожалению, нет, — тихо ответила Изабель. — Мне очень жаль, прости. Я и так не лучшая мать... но это меня сильно подкосило, правда.

— А бабушка? Она не звонила последнюю неделю. У неё всё хорошо?

— Бабушка? Да-да, у неё всё отлично, — это прозвучало неубедительно, но Каролин, впадшая в подобие оцепенения от услышанного, предпочла поверить. — У неё тоже сейчас небольшие финансовые трудности, поэтому мы пока не можем покрывать твои расходы. Я дам тебе пару сотен евро на первое время...

Кровь ударила в уши, но затем Каролин нащупала внутри странное упрямство — то самое, которое принадлежало Стеф. Злоба на подругу ещё сохранялась, но её жизненная философия с длинным названием «Я сама. Я справлюсь. У меня получится. Я должна» внезапно показалась единственно возможной.

— Каролин?

— Я справлюсь, мам, — она коротко улыбнулась. Впервые не веря в собственные слова, Каролин всё же произнесла их с такой яростью, что они прозвучали убедительно.

Изабель взяла её за руку и сжала чуть крепче, чем обыч-

но, словно выражая гордость. В её взгляде мелькнуло что-то мучительное, словно шепчущее: у тебя нет выбора.

Мысль о будущем ударила резко и сладко, как внезапный выброс дофамина. Каролин представила, как устроится на подработку, будет учиться днём и работать по вечерам. Заработает достаточно, чтобы снять квартиру побольше, возможно, ближе к университету. А ещё сможет покупать Адриану подарки, не чувствуя себя бесконечно должной перед ним.

Двери ресторана распахнулись, и внутрь ворвался иной воздух — более плотный и холодный, будто вместе с ним с улицы проникал ветер, пахнувший властью и статусом.

— А вот и он, Мартин де Труа. А это его сын, — прошептала Изабель, прикрывая рот ладонью. — Веди себя тихо.

Мартин оставил личных охранников у входа и направился к Изабель с такой уверенностью, словно ресторан был лишь одной из комнат его владений. Рядом шагал Алекс.

Каролин впервые увидела Алекса рядом с отцом — или с надзирателем: на последнего он походил больше.

— Мадам Флёр, — произнёс Мартин, подходя ближе.

Изабель и Каролин одновременно поднялись.

— Позвольте представить: мой сын — Александр-Аполлон де Труа.

Алекс коротко кивнул. На лице Изабель возникла маска любезной сдержанности. Боль и уязвимость исчезли, словно испарились, как коньяк на блюде соседнего столика под

фламбе, и осталась только решимость.

— Моя дочь — Каролин Флёр.

Мартин на долю секунды замер. Это было незаметно для постороннего взгляда — настолько кратко, что любой другой счёл бы это случайностью, — но в этой паузе что-то сместилось, будто земля на миг ушла из-под его ног.

Он сразу же вернул себе прежний контроль.

— Вы очень похожи на своего отца, — сказал он, обращаясь к Каролин.

— Да, месье де Труа. Наверное...

Его взгляд задержался на ней дольше допустимого, и Каролин словно ощутила это физически, как чистый электрический разряд под кожей. Ничего явного, ничего осязаемого, но в её интуиции мелькнула искра тревоги.

Следующие полчаса Алекс и Каролин слушали деловые переговоры родителей, изредка переглядываясь. Алекс рассеянно вертел вилку, пытаясь вспомнить, такое ли у него дома фамильное серебро, а Каролин мысленно возвращалась к значению термина «аналитика рынка», мелькнувшего в речи Мартина.

— Мы можем обсудить стратегию продвижения подробнее, но для этого мне придётся отменить следующую встречу, — ровно произнёс Мартин. — И, боюсь, наши молодые умы уже заскучали. Думаю, стоит отпустить их на прогулку, пока мы закончим. Что скажете? — он вопросительно взглянул на Изабель. Та коротко кивнула и одобрительно косну-

лась плеча Каролин.

Избавившись от скучных разговоров, они спокойно направились к выходу. Но стоило им скрыться из поля зрения родителей, как сдержанность тут же исчезла: они сорвались в детскую игру «кто быстрее добежит до лестницы».

Алекс оказался у выхода первым, Каролин выскочила следом и, остановившись, опёрлась на колени, жадно хватая воздух.

— Очевидный исход, мышка Каролин. Когда волк обгоняет мышку, — усмехнулся Алекс и протянул ей руку.

Каролин ответила слабой улыбкой — скорее из вежливости, чем от настоящего веселья.

— Кофе с коньяком? — спросил он, будто читая её мысли.

— Двойной. И ты платишь.

— Будет сделано.

Они спрятались в кофейне в ближайшем переулке. В зале не было ни одного посетителя, и даже шум перемалываемых зёрен и громкое шипение кофемашины не нарушали их покой. Каролин пила кофе глубокими, медленными глотками и вдруг осознала, что с каждым разом ей требовалось всё больше и больше алкоголя, чтобы разум наполнился нужным туманом. Желанного состояния она достигла после второй чашки, в которую попросила добавить коньяка больше, чем эспрессо.

Алекс карикатурно изображал отца, пересказывая деловые переговоры в шутовской манере. На каждую шутку Ка-

ролин отвечала вежливым смешком или вовсе оставляла её без внимания.

— Тебя что-то тревожит? Вчерашнее? — мягко спросил Алекс.

— Слишком много навалилось... — она сжала чашку в руках.

Её движения показались Алексу эстетичными: белоснежную чашку обхватывали тонкие пальцы с длинными бежевыми ногтями, а ладони прятались в мягких рукавах свитера.

— Расскажешь?

— Только если тебе... — она запнулась. — Я уже пыталась рассказать маме, но стало только хуже... В общем, если отбросить мелочи вроде реальности и тот факт, что, возможно, мне придётся потеснить Стеф в её мастерской... есть ещё и моя вечная неправильность. — Она отвела взгляд, собираясь с силами. — Я не подхожу вам, Алекс. Я не умею вести себя в опере, не знаю, зачем все эти миллионы вилок и ложек возле тарелки в дорогих ресторанах, не знаю, кто первым должен заходить в лифт... Я ничего не знаю. Хотя раньше мне казалось, что я знаю абсолютно всё.

— Хм. Ты права.

— Что? — она почему-то ждала возражения.

— Ты права, — повторил он. — Ты действительно ничего не понимаешь в наших манерах, жестах и даже словах, которыми пользуется только наше общество. И да, ты неправильно держишь вилку. Но разве это важно? Ты думаешь, мы с

Адрианом так долго дружим, потому что он правильно разделяет рыбу? Или Стеф начала встречаться со мной, потому что я умею наливать вино под нужным углом? — при воспоминании о Стеф на его губах мелькнула улыбка, но её тут же вытеснили недавние события. — Мы дружим с тобой, потому что ты настоящая. И я только недавно понял: на этом и должна строиться дружба.

— Спасибо, господин психолог. Сколько я должна вам за сеанс? — усмехнулась она.

— Ты и так проиграла мне желание. Сначала верни старый долг.

— Ах, я уже и забыла... Давай об этом потом?

— Хорошо. А что значит твоё это «потеснить Стеф»?

— Мама сказала, что в ближайшие месяцы мне придётся обеспечивать себя самой, — призналась она. Голос прозвучал глухо. — Как думаешь, у меня получится?

Алекс задумался: взгляд на мгновение метнулся в сторону, плечи едва заметно поднялись и опустились.

— У тебя же есть Адриан. Попроси — и всё. Он щедр в таких вещах.

— Не хочу. Он и так много делает для меня... Да и к тому же, — на её лице проступила смесь грусти и злости, — он охотнее отдаст всё Стеф.

— Всё ещё ревнуешь?

— Я не могу не ревновать! — возмутилась Каролин. — Ощущение, будто я одна вижу *это*.

— Видишь *что*?

— Их... связь. Они из одного круга. Говорят друг с другом так, будто всегда находятся вместе, понимаешь, о чём я? Типа, когда ты долго с человеком, ты — хочешь или нет — начинаешь перенимать его манеру речи. Вот я о чём. Но я ревную не к тому, *как* они говорят, а к тому, *как* они говорят, когда молчат. Ты вообще это видел? Я даже не знала, что такое бывает! Они просто смотрят друг на друга бесконечно, и ты видишь, что они говорят, но не слышишь. Потому что слышать могут только они. Понимаешь? Или я... или я схожу с ума от ревности? *Vof*... Ну почему она? Ой, прости, я не могу оскорблять твою девушку при тебе.

Алекс поставил локти на стол и взял лицо Каролин в ладони. От неожиданности она замерла.

— Если ты и сходишь с ума, то, как и завещал Эреброс, — это красиво. Ты очень милая, когда ревнуешь.

— Мне кажется, ты со мной флиртуешь... Стеф бы ревновала?

— Ха-ха, нет, — он вернул руки к своей кружке. — Ни она, ни Адриан и глазом бы не повели, даже если бы застали нас в постели.

— Ох, да! — согласилась Каролин, закатив глаза, словно Алекс высвободил то, что она сама не решалась сказать. — Он бы сказал: «У вас неправильная поза, при ней может нарушиться кровоток и привести к закупорке артерии». Хотя откуда мне знать...

— Да-да! — подхватил Алекс и рассмеялся. — Стеф бы хмыкнула, как обычно, закурила и томно выдала: «Ваше соитие опозорило бы великий мир искусства. Благо вас никто не удосужился запечатлеть», — он продолжал смеяться, но вдруг уловил смысл слов подружки, и его тон изменился: — Погоди... «откуда мне знать»? Ты про артерии или про то, что вы за всё это время так и не спали?

— Нет. Мы только целовались... и были прелюдии, но не больше.

— Тогда твоя ревность становится куда более оправданной.

Из колонки донеслись ноты старой французской песни — *La vie en rose*⁵⁶. Её звучание мгновенно окрасило пространство светлой, нарочитой романтичностью. Алекс уловил это настроение и решил направить его в созидательное русло.

— Потанцуем?

— Здесь? Зачем?

— Не знаю. Просто хочу потанцевать со своей подружкой и доказать, что не всё, что кажется романтикой, обязательно ведёт к любви.

Получив согласие, он протянул руку. Жест был уверенным и твёрдым, как его взгляд. Каролин вложила ладонь в его, и их пальцы вполне естественно переплелись. Стены кофейни стали безмолвными свидетелями этого прикосновения, которого оказалось достаточно, чтобы поставить под со-

⁵⁶ *La vie en rose* — название знаменитой песни, исполненной Эдит Пиаф (фр.)

мнение слова Алекса.

Алекс притянул Каролин ближе, чем позволяла их общая история, — и танец начался.

Шаги Каролин были лёгкими, но в них чувствовалась хрупкость. Когда ладонь Алекса легла на её талию, она уловила едва заметную дрожь его пальцев — этого оказалось достаточно, чтобы между ними что-то сместилось. Бариста ушёл в подсобку и словно нарочно забрал с собой последний опорный камень, на котором держалась их дружба.

Их слегка пьяные тела говорили друг с другом так, как разум запрещал. Они двигались медленно, и музыка начала проходить сквозь каждое касание, сквозь каждый взгляд, сквозь каждый вздох. В какой-то момент Каролин увидела в его глазах то, в чём не признавалась себе все эти месяцы: отношения с Адрианом были для неё пыткой. Одним своим присутствием Адриан доводил её до саморазрушения — «я его недостойна», «я рядом с ним никто», «я должна быть лучше». Алекс же всегда давал ей возможность быть собой, даже если она сама не знала, кто она есть.

Алекс вдохнул глубже, слыша собственное сердцебиение, когда Каролин приблизилась к его лицу.

— Ты отлично танцуешь, — прошептала она.

«Ничего не имеет значения, если человек проник в душу», — неожиданно прозвучали в его памяти слова Стеф. Тело Алекса отозвалось раньше, чем он успел подчинить его воле.

— Мне легко с тобой, — быстро ответил он, чем и выдал себя.

Они продолжили двигаться в общем ритме сердец. Её пряди касались подбородка Алекса при каждом повороте. Песня становилась мягче и тише, словно каждая нота толкала их друг к другу.

Алекс наклонился ближе, чем позволял их дружеский статус, — ровно настолько, чтобы её ресницы дрогнули от его дыхания. Они оба ощутили странный сдвиг, похожий на холод от оголённого провода. Алекс подался ещё ближе, Каролин сделала то же самое и приоткрыла губы, уже в этот момент обвиняя себя за беспечный жест, который нельзя было оправдать.

Алекс закрыл глаза и был готов перейти последнюю границу, но всплывшие образы его девушки и лучшего друга остановили его.

— Мы не должны... — шепнул он, и его дыхание сорвалось.

— Они тоже не должны были... — Каролин потянулась ближе.

Музыка сменилась.

Алекс закрыл глаза, будто пытаясь сбросить с себя ответственность, и отстранился. Каролин почувствовала короткую, колкую боль, когда его руки отпустили её талию.

Бариста вышел из подсобки и, заметив странные выражения лиц у посетителей, уточнил:

— Всё в порядке?

— Да, — ответил Алекс и вернулся за стол. После короткого молчания он обратился к Каролин, которая не спешила возвращаться на место: — Нам не стоит этого делать. Только не из мести. Он мой друг и твой парень, а она моя девушка и твоя подруга. Так нельзя, Каролин...

— Ясно, — она поджала губы и отвела взгляд, а затем с тихой тоской, словно ставя точку, добавила: — Знаешь, Адриан постоянно отказывает мне в близости, ссылаясь на разные причины. Но теперь, когда я получила отказ и от тебя... Я начинаю думать, что дело всё-таки во мне. Если я настолько вам всем противна... значит, мне больше не место в вашей компании.

Она схватила сумку и быстро вышла из кофейни, проигнорировав попытки Алекса её остановить. Он ударил себя кулаком по лбу, тихо ругаясь, и затем погрузился в размышления — выбирая между Стеф и Каролин. В момент их неслучившегося поцелуя он был уверен, что поступает правильно, но реакция Каролин заставила его усомниться.

Со стороны легко можно было подумать, что Алекс на самом деле встречается с Каролин. Стеф бесконечно пропадала, отвечала на сообщения с неохотой, отстранялась и не желала признавать их отношения, пока её не вынудили это сделать. Каролин же всегда была на связи и, главное, рядом. Она охотно слушала его проблемы и легко открывалась в ответ.

Алекс так и не смог подвести итог своим мыслям и в ко-

нечном счёте вернулся к отцу.

К вечеру, когда за окнами мерцали огни города, готовившегося к шумной ночи, Каролин сидела на полу гостиной среди осколков разбитого зеркала: они лежали вокруг в беспорядке, вперемешку с пустыми бутылками из-под вина и водки. В квартире стоял густой запах перегара и выдохшегося алкоголя.

Слёзы стекали по щекам, почерневшим от потёкшей туши. Всё смешалось в одном маленьком, не готовом к настоящей жизни существе: отсутствие денег, провалы в учёбе, потерянные друзья, равнодушная мать, молчание бабушки, безразличный парень... Каролин уже который час в одиночестве продолжала этот список.

В поисках хоть какой-то опоры она всё же решила набрать Адриана. Ей казалось, что одного его голоса хватит, чтобы прийти в себя.

— Адриан?

— Ты снова пьяна? — сразу спросил он, не поздоровавшись.

— Эм... а... — она тяжело вздохнула. — Немного. Прости... прости, пожалуйста, я такая глупая... Но ты нужен мне... Адриан...

— Я занят.

— Но... у меня серьёзные проблемы, и ты нужен мне сейчас, понимаешь? Я не справлюсь... И я... я люблю тебя...

Он не ответил, лишь глухо дышал. Его затянувшееся молчание казалось для Каролин вечностью, и она не выдержала:

— А ты меня? Ты любишь меня?

— Я должен сказать «да».

— Что значит «должен»? А если бы не был должен?

Каждая секунда его молчания отзывалась новой волной слёз на лице Каролин.

— Адриан, я должна сказать... потому что не могу больше держать это в себе, но... — её голос сорвался. Адриану пришлось выслушать сбивчивое дыхание, шмыганье и тяжёлые сглатывания. — Я хотела сегодня поцеловать Алекса. Потому что... мне кажется, он подходит мне больше, чем ты. А ты... ты слишком... робот, — Каролин и не заметила, как перешла на крик. — Тебе на всё плевать!

— Как пожелаешь.

— Да хватит! — она резко поднялась с пола. — Хватит говорить со мной так, будто ты вообще ничего не чувствуешь! Хватит притворяться чёрствым! Хватит меня мучить! Ответь мне хоть что-нибудь! К чему были наши отношения?

Вместо ответа она услышала тяжёлый вздох — ещё более раздражающий, чем молчание.

— Да знаешь что?! — решительно продолжила Каролин.

— Мы расстаёмся! Слышишь? На этом всё. Ты понял?

— Хорошо.

— *Va te faire foutre*⁵⁷! — яростно крикнула она, отводя

⁵⁷ *Va te faire foutre* – пошёл к чёрту (фр.)

телефон от уха, и швырнула его в стену.

Она закричала — слишком громко и резко — и не умолкала, пока в стену не постучали соседи. После этого её резко скрутило, и она не успела добежать до туалета: рвота вылилась прямо на пол.

В ту ночь Каролин не помнила, как заснула, но точно знала: всей душой она хотела не проснуться следующим утром.

Адриан выслушал короткие гудки и убрал телефон без тени жалости или раздражения. Он отстранил чужие чувства и вернулся в роскошную столовую дома семьи Эреброс.

Длинный резной стол был застелен бордовой скатертью; на ней стояли канделябры с чёрными свечами, изысканные винтажные тарелки с ароматными блюдами и до блеска отполированные бокалы с красным вином.

— Кто звонил? — поинтересовался Самаэль, аккуратно нарезая утку.

— Предсказуемый исход.

Адриан вернулся на своё место за столом и, повернувшись к жене профессора, добавил:

— Ваша утка безупречна, мадам. Как вам удалось сохранить такую температуру и сочность в столь деликатном мясе?

Она элегантно откинула пряди чёрных волос назад, открывая тонкую шею, на которую мягко ложились тени от свечей.

— Утка — это мясо, которое не терпит спешки, но требует постоянного контроля, — мадам Эреброс сделала глоток вина. В этом крохотном жесте Адриан уловил оттенок внутреннего наслаждения. — Когда ты познакомишь меня со своей обворожительной возлюбленной? Мой муж от неё в восторге, и я заинтригована.

— В ближайшее время, мадам.

Глава 10

Семейный приём

Утро накрыло Алекса давящим одеялом: в шато не существовало места ласке — даже для времени суток. Автоматические шторы раздвинулись, впуская прохладные лучи солнца на его лицо. Он уже устал от этого дня, хотя тот ещё не начался. В комнате царил покой, тогда как за дверями персонал, подобно идеально настроенному механизму, сновал по коридорам.

Алекс сел на край кровати и посмотрел на свои руки. Внутри была болезненная дрожь, но снаружи кожа и мышцы по привычке отказывались выдать хоть намёк на тревогу. Его взгляд метнулся к зеркалу — и мысль оформилась безжалостно ясно: сегодня вечером его снова измерят, взвесят и, как всегда, признают недостаточным по всем параметрам.

Профессор Эреброс нередко читал лекции о справедливости, опираясь на труды Аристотеля, Джона Роулза и Эммануила Канта, и Алекс вдруг подумал: насколько справед-

ливо распорядилась судьба, поместив его в этот кипящий ад под названием «семья де Труа».

Он переоделся и спустился на кухню, пробираясь туда не как почётный наследник, а скорее как больное животное, которого семье жалко выбросить. Команда профессиональных поваров с ювелирной точностью работала над каждым листиком мяты, выверяла полоски имбирного соуса до миллиметра, спорила о консистенции черепахового супа. За каждым движением, по-генеральски, следила Жозефин.

— Что это? — она указала строгим взглядом на тарелку с печёным картофелем. — Подобное... — она на миг запнулась, словно сдерживая отвращение, — даже с позволения Господа трудно назвать блюдом. Такое стыдно подать даже собаке. Вы уволены.

Она перевела внимание на салат нисуаз, взяла ложку и попробовала каплю заправки с самого её кончика.

— Пересолено. Исправьте.

И тут её взгляд нашёл Алекса.

— Что ты здесь делаешь?

— Хотел уточнить свои действия на сегодня, — тут же спохватился Алекс, выпрямив спину, будто его сзади резко одёрнули невидимым реклинатором⁵⁸.

— Приведи себя в порядок. Отправься к стилисту. Надень костюм. Жди ужина, — чётко и по делу ответила Жозефин,

⁵⁸ Реклинатор — ортопедическое медицинское изделие, предназначенное для фиксации и коррекции осанки в грудном отделе позвоночника.

не теряя ни секунды.

Она сделала несколько шагов к сыну. Алекс слышал, как каждый из них отзывался в нём будущими ударами плети.

— Александр, ты понимаешь, насколько этот приём важен для меня. А я, в свою очередь, понимаю, насколько для тебя важна учёба в Сорбонне. Не будем расстраивать друг друга и сразу проясним один важный момент: хоть одна оплошность перед родственниками — и, клянусь, я пожалею о том дне, когда родила тебя.

Алекс оцепенел, словно оказался под гнётом безжалостного диктатора, и смог ответить лишь через несколько секунд:

— Я буду идеален.

— Докажи делом, а не словами.

Лишь покинув кухню, Алекс смог по-настоящему вздохнуть. Ритм сердца разгонялся быстрее, чем машина Адриана, и он сглотнул, ощущая подступающую от стресса тошноту.

В гостевой зоне уже расставляли хрусталь, проверяя на прозрачность каждый бокал, будто даже безупречное стекло могло оставить пятно на репутации семейного дерева. Серебро полировали до тусклой слепоты. Тончайшие свечи ручной работы выравнивали до единой высоты — даже огонь на этом вечере должен был гореть чётко и дисциплинированно. Впрочем, и паркет, по которому шагал Алекс, сегодня не скрипел, будто и он вступил в сговор с Жозефин: малейший

звук приравнивался бы к испорченному вечеру.

Алекс направился к стилисту, тогда как вокруг мелькали люди — каждый, казалось, находился на грани терпения. Каждый вздох казался слишком громким, каждый шаг — тяжёлым, каждый звук — пугающим, так что сердце будто пропускало удары. Минута тянулась годами, а каждый тик фамильных часов неумолимо приближал к часу предстоящей казни. И все его ежесекундные старания сохранить спокойствие обесценились, когда после полудня начали прибывать родственники.

Первыми визит нанесли тётушки. Две пожилые сестры, одинаковые, как отражения: высокий рост, тщательно уложенные причёски, жемчуг, тонкий аромат натурального жасмина и презрение, аккуратно завернутое в улыбки.

— Александр, дорогой! — одна поцеловала его в обе щеки.

— Так давно тебя не видели! — подхватила вторая. — Уже в мужчину превращаешься... по крайней мере, на вид.

Алекс улыбнулся правильной, выученной улыбкой — и вдруг поймал себя на том, что ему нестерпимо хочется отправить костюм в прачечную. Сбежать от щебечущих тётушек удалось через полчаса — к следующему гостю, дяде: массивному, громоздкому мужчине, чья уверенность входила в двери раньше него самого.

К этому моменту Алекс уже стоял рядом с отцом.

— Мартин, Александр, — дядя пожал им руки и с пре-

увеличенной почтительностью склонил голову, демонстрируя глубину своего уважения.

Мартин ответил лишь лёгким кивком.

— Ну что? Наследник вырос или, как мой, решил пойти своей дорогой? — дядя положил тяжёлую руку на плечо Алекса и коротко рассмеялся. — Или всё ещё не знаешь, кем хочешь быть?

Алекс не понял, что именно так развеселило дядю, но его смех ощущался как груда искорёженного металла после пожара. Следующий час Алекс, демонстрируя образцовый интерес, слушал хвалебные оды преуспевшему во всём кузену, успешной второй женьтьбе дяди и возможному пополнению их большой семьи. Будто и без нового ребёнка искалеченных жизнью было недостаточно.

В порыве смеха над очередной шуткой дядя пролил коньяк на брюки Алекса, и тот на мгновение ясно представил своё разлагающееся тело в фамильном склепе.

— Александр, переоденься и возвращайся, — с лёгкой улыбкой произнёс Мартин, словно это было сущей мелочью.

Домашний персонал уже подготовил для него новый костюм в комнате, и стоило Алексу войти, как его взгляд зацепился за оконную ручку. Может, ещё не поздно сбежать? Уйти куда угодно — желательно туда, где его никто не найдёт, где его фамилия перестанет существовать.

Но мысль оборвалась так же быстро, как появилась: побег сегодня был невозможен — он разрушил бы идеально вы-

строенный вечер. Алекс поправил галстук, сглотнул и заметил на тумбочке свой телефон.

Помимо тягот предстоящего вечера, на него давила и ситуация с Каролин. Накануне он отправил ей несколько сообщений, но ответа всё не было.

«Каролин, прости меня ещё раз. Я не должен был допустить такой оплошности и искренне раскаиваюсь. Пожалуйста, ответь, как сможешь. Мы можем всё обсудить — ведь мы друзья. И что бы между нами ни происходило, ты остаёшься для меня самой живой из всех», — написал Алекс.

К вечеру дом наполнился родственниками и превратился в музей, где были выставлены самые достойные экспонаты разных эпох, объединённые одной фамилией. От живых, искренних разговоров, к которым Алекс привык среди друзей и в университете, не осталось и следа. Впрочем, в этом доме их никогда и не было. Здесь было место только сплошной дипломатии: каждое слово служило цели, никаких чувственных эмоций — лишь вежливо исполненная семейная обязанность.

Алекс сидел в дальнем углу гостиной, наблюдая, как всё вокруг блестит, сияет, живёт... всё, кроме него. Жозефин взглянула на него и кивнула в знак похвалы, отметив идеальную собранность. Со стороны это было правдой — тогда как внутри Алекса нарастал глухой, низкий шум, похожий на дрожь земли перед землетрясением.

К вечеру все собрались в банкетном зале. Там пахло запечённой уткой, белыми трюфелями и вином, которое открывали по особым случаям, подобным сегодняшнему.

Алекс занял своё место в тени благородной люстры, справа от матери. Его всегда усаживали туда: достаточно близко, чтобы поправить в нужный момент, и достаточно далеко, чтобы не бросался в глаза.

Трапеза началась, а вместе с ней и разговоры ни о чём: наследство, старые воспоминания об отцовской юности, победы и поражения в гольфе, предстоящие свадьбы и разводы.

— У моей дочери в этом году выпуск из консерватории, — с деликатной небрежностью заметила тётушка, ведь хвататься было неприлично. — А что у вашего внука? — обратилась она к двоюродному дедушке.

— После смерти отца он не пал духом, — мягко парировал он, выдерживая явный укол. — Взял золото на национальном уровне и теперь готовится к Олимпийским играм.

Алекс уткнулся в тарелку, механически разрезая мясо на тонкие ломти, но так и не поднёс ни одного ко рту, поскольку услышал следующий выстрел в свою сторону:

— Александр, а что у тебя? Ты ведь отбирался на какой-то чемпионат пару лет назад.

— Футбол, — тихо поправил он, надеясь, что этого окажется достаточно.

— Да, верно! Со своим другом... Из семьи Флоранс.

— Вроде Шарль, — вспомнил троюродный дядя, вливая

в себя уже который бокал. — Он в этом году всех обогнал, я точно слышал.

— Да оставьте парня в покое, — отмахнулась старшая кузина. — По нему же видно, что до спорта ему далеко, как и мне до Нобелевской премии. Не смущайте.

Подобные реплики в их семье было принято называть «заботой».

Алекс словно провалился в пространство, наполненное крошечной тьмой. Голоса родственников слились в одну чёткую фигуру разъярённого тигра, который с голодной свирепостью во взгляде откусывал его плоть, тогда как сам Алекс оставался беспомощным и не мог ничего сделать. Всё его тело оказалось стянуто невидимыми нитями, как у куклы в руках кукловода: нити от ног держали крепкие руки отца, нити рук тянулись к семейному гербу и традициям, а главную нить на шее — точно строгий ошейник с шипами внутри — уверенно и крепко сжимала мать.

Мартин попытался сгладить углы:

— Он старается. И предельно самостоятельный.

— В нашей семье все стараются, Мартин, — ответил дядя строже, — и все самостоятельны. Но где же результат? Разве не он является главным показателем?

Алекс побледнел и не сразу заметил уже явный судорожный тремор в руке с ножом, который стучал о фарфоровую тарелку.

— Александр? — голос Мартина прозвучал ровно и мяг-

ко, но в этой мягкости скользнуло предупреждение.

Алекс не ответил. Потому что перестал слышать.

Сначала исчезли слова: они стали вязкими, чужими, будто произносились под водой. Затем исчезли лица. Губы родственников всё ещё двигались, но смысл больше не достигал его. Остался только звук и глухое, ритмичное давление — пульс, бьющийся в висках с невыносимой болью.

Ему не хватало воздуха. В груди разрасталось что-то тяжёлое и чужеродное. И всё же Алекс продолжал сидеть так, как должен был: прямая спина, опущенный взгляд, молчание — единственно допустимая форма существования в этом доме.

— ...ты должен понимать... — голос матери прорезал пространство, но Алекс не дослушал.

Он сжал нож так сильно, что пальцы побелели. Кроме нарастающего давления он больше ничего не ощущал — оно заполняло изнутри, вытесняя всё остальное. Стыд, злость, страх... всё слилось в одну невыносимую, бесформенную массу, которую он попытался проглотить, но она не поддавалась.

— Александр, — повторила Жозефин со всей строгостью приказного тона.

И в этот момент что-то внутри Алекса не выдержало и разорвалось под глухой ритм собственного пульса.

Алекс резко вскочил. Стул с глухим скрежетом отлетел назад. Нож выскользнул из его пальцев и ударился о бокал: стекло не выдержало и треснуло. Осколки рассыпались, и

этот звук прорезал всё происходящее, как финальная нота.

Родственники ошеломлённо зашептались, мужчины поднялись со своих мест.

Алекс закричал.

Он кричал хрипло и бессвязно, задыхаясь, будто вместе с этим криком из него выходило всё то, что годами запрещалось даже чувствовать. Словно всё накопленное и невыносимое наконец нашло выход под нестерпимым давлением.

Алекс сорвался с места, рванул к массивной двери и ударил её плечом. Та распахнулась с глухим звуком, и холод коридора ударил в лицо.

Стол замер вместе со всеми присутствующими. Впервые в их безупречном ритуале кто-то дал трещину.

Жозефин остановила Мартина одним взглядом и приказала не идти за сыном, настояв на продолжении ужина. Перебивая друг друга и оправдываясь, родственники начали обсуждать случившееся — это было единственное по-настоящему живое событие за весь вечер.

Он ничего не видел перед собой — глаза застилала туманная слёзы. Он сбивал коллекционные статуи в саду, топтал газоны и клумбы и уже не помнил себя, когда перемахнул через высокий чёрный забор.

Алекс бежал так быстро и отчаянно, что охрана не успела его остановить.

Он добрался до машины. Рядом уже стоял водитель.

— В город. Живо.

Этого оказалось достаточно, чтобы водитель без лишних вопросов сел за руль тронулся с места.

Алекс сорвал галстук резким движением, будто сдирал с себя чужую кожу, оставляя на шее красные полосы. Сбросил пиджак и выбросил его в окно, затем разорвал верхние пуговицы рубашки. И только после этого внешний и внутренний шум начали стихать.

За окном проносились тёмные поля. Где-то вдалеке мелькали фермерские участки, в окнах редких домов горел тёплый свет. Трасса тянулась вперёд ровно и бесконечно. Виды вдруг показались Алексу колыбельной. Тишина и внезапная свобода наполнили его лёгкие и остановили поток слёз.

Всю дорогу в никуда он провёл без мыслей и беспокойства. Последствия его не волновали. Ради этого короткого мгновения умиротворения он был готов заплатить любую цену.

Машина на высокой скорости мчалась по авеню Жана Жореса, когда Алекс решился на очередное безрассудство. Впереди был поворот — перекрёсток с улицей Крима, где скорость съедала внимание. Его пальцы нащупали блокировку дверей и замерли.

Он больше не был готов терпеть последствия своих действий. Он знал о множестве видов пыток: «маска позора», чьи лезвия впивались в язык жертвы; «груша страданий», в которой насильно вводили внутрь инструмент, разрывая

плоть изнутри... Ни одна — даже самая страшная — пытка не могла сравниться с его жизнью. Он решил, что должен её закончить. Другого шанса могло не представиться.

Алекс резко потянул за ручку, будто проделывал это не впервые, — и поток холодного ветра заключил его в обманчиво мягкие объятия. Короткий и невесомый полёт тела и сознания, длившийся меньше минуты, подарил ему всего миг подлинной свободы. Но почти сразу его сменила настоящая, тяжёлая боль в мышцах и суставах, к которой присоединилось головокружение.

Водитель, окружённый свистом ветра из приоткрытых окон и шумом сигналящих машин, заметил отсутствие пассажира и распахнутую заднюю дверь лишь на светофоре. Внешне он сохранял спокойствие, но уже представлял лицо беременной жены, когда она узнает о его увольнении.

Неравнодушные прохожие перенесли окровавленного юношу на тротуар, перекрывая друг друга криками:

— *Appelez le SAMU*⁵⁹!

Вокруг Алекса быстро собралась толпа. Он не реагировал ни на какие попытки привести его в чувство, и лишь едва уловимое дыхание давало надежду тем, кто оказался рядом.

Тем временем Стеф направлялась в дом-мастерскую после посещения городского архива, где отыскала и выкрала старое исследование отца о влиянии живописи на психику

⁵⁹ *Appelez le SAMU* – вызовите скорую (фр.)

человека. Оно не представляло научной ценности, но стало для неё валютой. Стеф собиралась продать его посредникам или напрямую коллекционерам — ценителям творчества Вирель, — чтобы раздобыть деньги на оплату квартиры.

Свернув с проспекта Люмьер, Стеф заметила толпу галдящих людей на перекрёстке. Любопытство взяло верх, и она ускорила шаг.

Толпу стервятников пришлось растолкать — и в следующее мгновение Стеф охватил ужас от увиденного.

— *Appelez le SAMU!* — крикнула она и бросилась к Алексу, чья цепкая рука внезапно сжала её запястье.

— Нет, — он с трудом приподнял голову.

— Алекс, ты...

— Нет. Всё... хорошо. Попроси всех уйти, — выдохнул он и попытался встать.

Стеф перекинула его руку себе на плечо, подняла с асфальта и отвела к ближайшей скамье, резко отмахиваясь от прохожих и случайных свидетелей.

— Алекс... — начала Стеф, но он вновь перебил её, протянув из кармана банковскую карту.

Стеф не до конца понимала, что от неё требуется, и всё же действовала решительно и без лишних вопросов.

— По расходам с карты тебя быстро найдут... И тебе нужен врач.

— Нет... — ответил Алекс безжизненным голосом. Весь его вид выдавал болезненную внутреннюю пустоту.

Стефу не потребовалось много времени, чтобы приблизительно понять происходящее: на семейном приёме что-то случилось. Алекс — случайно или намеренно — выпрыгнул на ходу, об этом она узнала по обрывкам разговоров свидетелей, всё ещё круживших вокруг.

Она взглянула на свою сумку, где лежало украденное исследование, затем — на Алекса и больше не думала. Только действовала.

После короткой поездки на такси они оказались в просторном номере отеля — в компании незнакомого юноши, который оплатил комнату и передал Стеф конверт с деньгами.

Это был знакомый врач по имени Тьерри — по профессии доктор, а по призванию кто угодно. Он давно преуспел в жажде наживы и всегда был готов оказать любую услугу за достойное вознаграждение, даже если это означало не сообщать в официальные органы об инциденте.

— Переломов, внутреннего кровотечения и признаков сотрясения нет, — заявил Тьерри после тщательного осмотра и обработки ран Алекса. — Я бы на вашем месте позже сделал МРТ и рентген. А пока — покой, холод на ушибы и обезболивающее. Вам повезло, месье де Труа.

Он быстро, но аккуратно наложил повязки, обработал ссадины антисептиком и протянул Стеф упаковку обезболивающих.

— По одной таблетке каждые шесть часов.

Стеф с облегчением выдохнула, помогла ему собрать инструменты и проводила к выходу.

— Стефани, ты выдернула меня со смены, поэтому пере-
вязки на тебе, *d'accord*? И, как и договаривались...

Без лишних слов, но не без внутреннего усилия, она передала ему исследование. Затем пересчитала купюры в конверте.

— Тут восемьсот евро, — спокойно отметила Стеф, пока Тьерри надевал пальто.

— Сто пятьдесят — за срочность, пятьдесят — за такси, тысяча — за молчание.

— Я поняла.

— Приятно иметь с тобой дело.

Стеф простояла у двери несколько секунд, с холодной злобой запоминая противную ухмылку Тьерри, и всё ещё не могла поверить в произошедшее: она пожертвовала, возможно, последним шансом на переезд ради того, чтобы спасти Алекса.

Виновник трагедии сидел на краю кровати, склонив голову. Перебинтованный, раненый и абсолютно опустошённый.

— Я всё компенсирую, — тихо и стыдливо произнёс Алекс.

— Что произошло на ужине? — спросила Стеф, прислонившись затылком к стене.

В ответ она получила тяжёлое молчание.

— Если тебе нужно побыть одному, я могу уйти.

— Нет, — шепнул он.

Стеф села рядом. Полумрак успокаивал и подталкивал к откровенности: свет редко открывает истину так, как это делает тьма. Их пальцы сами нашли друг друга и переплелись.

— Я — никто, — сказал Алекс, вынося приговор самому себе. — Я родился не там, где должен был, и у меня отняли всё... до того, как это стало моим.

Стеф оставила короткий поцелуй на его плече и положила на него голову.

— Все вокруг меня чего-то достигли: в учёбе, в спорте, в хобби, в работе... в жизни. Но не я. У меня ничего нет: ни прошлого, ни настоящего, ни будущего... Я не знаю, кто я, Стеф. И не знаю, зачем продолжаю всё это терпеть. Может, в глубине души я всё ещё надеюсь, что что-то изменится?

Он замолчал. Боль в висках нарастала тупыми ударами, мир едва заметно плыл, а дыхание оставалось неровным — последствия удара давали о себе знать.

Его голос дрожал, и вымученная слеза упала на ладонь. Стеф отчётливо услышала, как эта крохотная капля ударилась о кожу, — и будто распалась на голоса его родственников.

— Но ничего не изменится, Стеф...

Слёзы выступили на его глазах и растеклись бесконтрольными ручьями.

Стеф сдержанно закусила губу и медленно — будто при-

касясь к брошенному на морозе щенку — притянула его голову к своей груди.

— Я подсел на иглу из-за этого... — продолжил Алекс. — Это было единственное место, где я находил утешение... пока дважды не передознулся. Я торчал год, может, и больше. Уже не помню. Глупо, да? Мне казалось, что ко мне начнут лучше относиться... В итоге всё стало только хуже. Прости меня...

— За что?

— За меня...

Стеф решила оставить свои мысли при себе и сказала:

— Ложись. Я закажу нам что-нибудь.

Алекс утопал в собственном море отчаяния, где единственным безопасным островом оказалась Стеф — с её мягкими касаниями, точными движениями, когда она обрабатывала раны и меняла повязки, и с её, казалось, непоколебимым спокойствием.

Пока они ждали доставку, она ещё раз проверила его состояние: аккуратно сменила бинты, приложила холод к ушибам, заставила его выпить обезболивающее и подложила подушку под голову.

Когда всё было закончено, в дверь раздался звонок. Стеф поднялась с места, словно спасаясь от его взгляда, который ей не нравился, и вернулась с двумя пакетами.

— Здесь пицца, суши, пирожные из хорошей пекарни, печенье... и всякое разное, — она разложила еду на столе. —

Предлагаю посмотреть какое-нибудь глупое шоу.

— Ты же не любишь глупые шоу и не ешь такую еду... — с подозрением заметил Алекс.

— Я — нет. Как и ты, — спокойно ответила Стеф. — Но твоя семья всё равно узнает, где ты. Так что у нас есть... неизвестное количество времени до твоего «ареста».

— Вряд ли я вернусь на учёбу... Мама уже пригрозила утром...

— Значит, времени у нас ещё меньше. *Bon appétit*⁶⁰.

Следующие часы показались невесомыми. Стеф устроилась рядом с Алексом на кровати, между ними лежали коробки с пищей и другие «запрещённые» вкусности, от одного вида которых в семье де Труа, вероятно, падали в обморок. Телевизор тихо гудел, показывая «Симпсонов». Желтоватый абсурд, который Алекс смотрел с выражением человека, впервые изучающего странную, но притягательную культуру. Потом Стеф переключила на шумное французское ток-шоу, где ведущий перебивал всех своих гостей, а зрители смеялись неестественно громко.

Алекс ел пиццу руками, как обычный двадцатилетний парень, и в первые минуты даже оглядывался, будто проверяя, не увидит ли мать это маленькое преступление. Откинувшись на подушки, он позволил себе смеяться громче, чем обычно, будто отвоёвывал у мира право на жизнь.

⁶⁰ *Bon appétit* – приятного аппетита (фр.)

Стеф заметила, как в каждом его взгляде на экран, в каждом его маленьком комментарии был тот редкий кусочек детского счастья человека, который проживал этот вечер жадно и с благодарностью к тому единственному человеку, рядом с которым он мог дышать свободно. И Стеф понимала, что подобное состояние Алекса могло привести к непредсказуемым последствиям.

— *Merde!* И зачем он специально сказал неправильный ответ? И почему сразу наступила реклама? Это издевательство! — возмутился Алекс.

— Ха-ха, это же шоу, — ответила Стеф.

— Тут ведущий из Италии.

Стеф угукнула. Алекс прощупывал почву.

— Хорошо там, да?

— Угу.

Алекс, переполненный азартом и ощущением временной безнаказанности, вдруг ухватился за фантазию, в которой вечера, подобные этому, были не редкостью и не роскошью, а частью жизни. Поэтому решил попытаться воплотить её в реальность. Он выключил телевизор, убрал коробку из-под пиццы и придвинулся ближе к Стеф.

— Давай сбежим? — без всяких прелюдий предложил он и поймал на себе недоумённый взгляд.

— Куда?

— Куда угодно. Туда, где нас не найдут. Где не помнят о нашем прошлом. Где мы можем быть собой. Подумай: у нас

может больше не быть шанса это сделать.

— Алекс, это бред...

— Нет, ты подумай!

— Я не буду этого делать, — Стеф отвела взгляд к окну, за которым расстилалось ночное небо.

— Да что тебя здесь держит? — он вскочил, возбуждённый и радостный. — Что, если наследство уже не вернуть? А там есть шанс начать всё заново, понимаешь? Учёба? Да к чёрту её. Какие из нас психологи? Ты же тоже поступила просто так.

— Алекс, «новая жизнь» — это абстракция. Ты не сможешь начать заново, потому что пытаешься сбежать от себя. А это невозможно. Ты всегда берёшь себя с собой. Почему ты не понимаешь этого?

— Так что тебя держит? — продолжал он, не воспринимая её аргументов.

Стеф и саму волновал этот вопрос — точнее, честный ответ на него. Возможно, при других обстоятельствах она бы и согласилась на этот абсурд — скорее из любопытства, чем всерьёз, — просто чтобы проверить, к чему может привести подобный выбор, и позволить себе плыть по течению. Но обстоятельства, в которых главную роль играл Адриан, были сильнее.

Она отошла к столу и молча сделала глоток вина.

Алекс, словно прочитав её мысли, — хотя это было слишком очевидно, — коротко уточнил:

— Он?

Стеф сжала бокал крепче и сделала ещё один глоток.

— Ясно... — тоскливо отозвался Алекс и начал расхаживать по номеру.

Он сделал несколько шагов и тут же поморщился: боль в боку отозвалась тупым ударом, голова закружилась, но он упрямо продолжил движение, будто пытаясь перегнать собственные мысли.

— Не заводись, Алекс.

— А чего мне заводиться? Моя девушка отказывается от меня из-за какого-то ботаника-маньяка. Разве это не повод? — и тут Алекс, и без того на пределе после ужасного вечера, окончательно потерял контроль.

— О чём ты?

— О чём я?! — его голос сорвался, и в нём нарастала агрессия. — Он псих! Вот о чём я. Когда я ходил на «АН»⁶¹, Адриан выцепил там Натали. Сначала следил за ней, потом довёл до срыва, а потом... до суицида. Но Адриан ведь у нас святой, да? Всё замяли — у него же идеальная репутация. Не то что у наркомана-Алекса, которому пришлось прикрывать его тушку...

— Алекс...

Когда в человеке берут верх эмоции, остановить их почти

⁶¹ АН — «Анонимные Наркоманы». Всемирное некоммерческое сообщество выздоравливающих зависимых, Программа выздоровления АН не связана с религиями или политическими институтами и базируется на адаптации знаменитой психологической методики «12 шагов»

невозможно — они растут быстрее, чем разум успевает их осмыслить.

— А знаешь что, Стеф? Раз ты так его хочешь — пожалуйста-ста! — резко бросил Алекс. — Я устал терпеть наши недоотношения, в которых тебя нет. И зря я вчера не поцеловал Каролин. Чёрт... какой же я идиот, упустил эту...

— Что ты сделал?..

Стеф на мгновение забыла, как звучит этот болезненный треск внутри, когда что-то ломается окончательно. Она отвела взгляд и замолчала, подавляя подступающую истерику — ту самую, которая принадлежала Каролин.

Алекс, всё ещё на пике эмоций, заметил эту едва уловимую перемену и, уже осторожнее, сделал шаг к ней.

— Не трогай меня, — резко ответила Стеф и оттолкнула его.

— Прости, я просто... Я взбесился и...

— Ты... ты *хотел* её поцеловать? Или это было не случайно?

Алекс опустил веки. Этого оказалось достаточно.

Стеф старалась держать внутреннего зверя на цепи, но с каждым вдохом натяжение ослабевало.

— Я пожертвовала важной вещью, чтобы спасти тебя сегодня вечером, — медленно произнесла она, — а взамен получила обвинения и... *это*. Ты уже выговорился?

— Что?

— Отлично. Тогда слушай.

Стеф подошла к нему вплотную. От её пугающего, стального взгляда по телу Алекса пробежал неприятный холодок.

— Хочешь правду? Я скажу. Ты жалкий слабак. Вот почему я просила не рассказывать о наших отношениях. Я хотела убедиться, что ошиблась в тебе. Но сегодня... — она на секунду замолчала, сдерживаясь, — ты не сделал ничего, кроме жалости к себе. Как ты говорил? Я любимица? Я была любимицей, потому что из кожи вон лезла, чтобы доказать, чего стою. Как и твои родственники. Родиться в знатной семье недостаточно, чтобы стать значимым и великим, Алекс. Это труд. И вместо того чтобы приложить усилия... чтобы заслужить уважение, положение, право на свою так называемую свободу, — ты выбираешь жалость к себе. Ты только и делаешь, что тонешь в ней.

Стеф продолжала ещё некоторое время. Словесный поток, насыщенный жёсткой, как ей казалось, правдой, иссяк лишь тогда, когда по израненному лицу Алекса вновь потекли слёзы.

Сам Алекс слушал её, не поднимая глаз. Ему казалось, что перед ним стоит Жозефин — только с другим голосом и с позволением повышать его.

Не выдержав то ли этого взгляда, то ли собственной вины, — Стеф спешно накинула куртку и начала обуваться. Уже открывая дверь, она оглянулась.

Алекс стоял неподвижно, будто его пригвоздили к полу.
— Может, ты хоть что-то скажешь?

— Уходи, прошу, — тихо ответил Алекс.

«Уходи»... Стеф ненавидела это слово.

Стеф вышла в пустынный коридор, и только там её отпустило. В номере остался конверт с деньгами, но безграничная гордость не позволила ей вернуться даже под страхом нового разорения.

Мысли беспорядочно бродили в её голове, и каждая из них неизбежно обрывалась именем «Адриан» и словами Алекса о погибшей девушке.

В сознании Стеф медленно расстилалась тьма, словно сердце само приоткрывало двери, приглашая в них Люцифера всякий раз, когда перед внутренним взором возникал окутанный тайной образ Адриана.

Не выдержав гнёта навязчивых мыслей, Стеф села на подоконник и написала ему:

«Занят?»

Ответ пришёл мгновенно, будто был заранее подготовлен.

«Для тебя свободен. Набрать?»

Она замерла на долю секунды, словно проверяя, осталась ли у неё возможность отступить, — и нажала на вызов.

— *Bonsoir*, — сказала она и включила фронтальную камеру. — *Ça va?*

— *Ça va*⁶².

— Что делаешь?

⁶² *Ça va? Ça va* – как ты? Хорошо (фр.)

— Готовлю удон.

Он перевёл камеру на рабочую поверхность, расширяя обзор. Они молчали под ровный звук ножа и тихое скворчание. Стеф наблюдала за ловкими движениями его пальцев, нарезающих морковь. Когда овощ отправился на сковороду, Адриан принялся за красный перец.

— Я расстался с Каролин, — непринуждённо произнёс Адриан.

— Я могла бы задать банальный вопрос: «почему», но не нуждаюсь в ответе. К тому же мы расстались с Алексом.

— Неожиданно, — нахмурился Адриан. Его очередной план, ещё не успевший оформиться, пришёл в негодность. Он посмотрел в камеру. — А где ты?

— В отеле.

— Решила снять номер вместо мастерской?

— Нет. У Алекса небольшие проблемы, и, кажется, я их усугубила.

— Сколько себя помню, у Алекса всегда проблемы, — Адриан сделал разрез чуть резче прежнего. — Он не стоит затраченных усилий. Почему вы расстались?

— Эти отношения и не должны были начинаться, — медленно и неуверенно ответила Стеф. — А вы с Каролин?

— Она сказала: «мы расстаёмся», — и мы расстались.

Внутри Стеф что-то дрогнуло. Все её мысли бесповоротно и непреклонно тянулись к юноше по ту сторону экрана.

— Адриан? Я хочу кое-что спросить.

— Я слушаю.

— Ответь мне: ты... — она задумалась, насколько на самом деле хочет услышать ответ. Вернее, насколько уверена, что он совпадёт с её ожиданиями. — Когда ты целовал Каролин, ты... ты хотел этого?

Адриан не нуждался ни в пояснениях, ни в самой формулировке вопроса. Он ответил холодно и честно:

— Нет.

Стеф сглотнула и попыталась выровнять дыхание, которое предательски ускорялось.

— А в ту ночь, когда я осталась у тебя...

— Да, — сразу перебил Адриан.

— Вызови мне такси.

Она вовсе не попросила — это звучало скорее как приказ.

В машине Стеф смотрела в окно, за которым город тянулся размытыми линиями. Огни витрин и фар скользили по стеклу, не задерживаясь.

Её чувства не были романтическим воодушевлением или банальным влечением. Скорее это было напряжение, пугающее своей притягательностью. Адриан вызывал его тем, что говорил правду, оставляя за ней тонкий, едва уловимый шлейф недосказанности.

Когда такси свернуло во двор, напряжение не исчезло. Стеф была уверена в своих действиях, даже если не до конца понимала происходящее.

Она поднялась на нужный этаж и постучала в квартиру с

номером 474.

Когда Адриан открыл дверь. Стеф надеялась, что он услышит её учащённое сердцебиение — и этого окажется достаточно.

Он стоял в темноте квартиры, тогда как она оставалась в мягком свете коридора — между ними пролегла чёткая граница.

— Я приехала в пальто на обнажённое тело, — сказала Стеф первое, что пришло в голову в подобной ситуации, когда её душа и тело горели едва сдерживаемым желанием.

Адриан оглядел её.

— Но под твоей курткой есть одежда.

Стеф сделала один ровный шаг через порог — из света в тень. Она подняла голову так, чтобы их губы могли соприкоснуться по первому же желанию, и тихо произнесла:

— Тогда исправь это.

Часть вторая

Зависимость

Глава 11

Комиссариат ⁶³

Наступивший декабрь принёс с собой перемены, но не спешил раскрывать их суть. Париж не укутался в снег — на-

⁶³ Комиссариат — административное учреждение, чаще всего связанное с полицией или военным учётом. Здесь: полицейский участок.

против, остался обнажённым: с влажным воздухом, тяжёлым небом и редким холодным светом, который ложился на фасады, словно подчёркивая их несовершенства.

В этом было что-то вдохновляющее. Словно город стоял на пороге нового начала в очередной попытке стать лучше, чище и выше самого себя. Но в этом ощущалась неточность — как в идеально выверенной линии, где художник всё же допустил едва различимый, но роковой излом.

Стеф стояла у входа в университет и медленно, с удовлетворением курила, будто смакуя каждую минуту собственного существования. Адриан тем временем ушёл в ближайшее кафе.

Когда сигарета в очередной раз коснулась губ, Стеф вновь ощутила *его* вкус. Пальцы, утратив контроль, скользнули под ворот чёрной водолазки — к шее. Для окружающих это было случайным жестом, но для неё служило напоминанием о прошедшей ночи. Вернее — подтверждением её реальности.

Следы страсти говорили сами за себя: алые крапинки, складывающиеся в ровные овалы; крохотные углубления на плечах, повторяющие форму его зубов; и несколько прямых бордово-фиолетовых линий — отпечатки прикосновений, в которых ещё жила его сила.

Это не были следы ни насилия, ни хищности — в них не было ничего чужого. В них таилось проявление желаний её собственных демонов, с которыми она позволила себе познакомиться под покровом ночи, добровольно отдавая тело во

власть того, кто был ей равен по духу.

Она прикрыла шею и натянула ворот повыше, запечатывая тайну, и вместе с ней — собственное достоинство.

В мыслях вспыхнули обрывки их ночи — безумной, напряжённой, до предела желанной:

«— Кричи моё имя, — простонал Адриан. Его пальцы удерживали её целиком, не оставляя пространства для сопротивления».

«— Ты моя. Повтори это. — Он сжал её волосы, притягивая к себе. Стеф обернулась, и их взгляды встретились в тот самый момент, когда она ощутила его полностью».

— Я твоя, — сквозь стон произнесла Стеф и потянулась к его губам».

Стеф вошла в аудиторию, и реальность встретила её непривычной пустотой.

Не было ни гула свежих сплетен, ни смеха, ни сладкого шлейфа ванильных духов, который обычно тянулся от первого ряда. Исчезла местная «золотая» компания, которая всегда оказывалась здесь раньше всех.

Стеф вспомнила слова Алекса об их странном отсутствии, но только сейчас это обрело вес. Казалось, будто из реальности вырезали целые фрагменты, и вернуть их было невозможно.

Стеф заняла место на пустующем ряду и разложила тетради, когда в аудитории появился Адриан. Он вошёл привычно собранным, с тем холодным самоконтролем, который давно

стал второй кожей.

Их взгляды встретились и задержались друг на друге. Стеф указала на соседнее место. Адриан сел рядом и поставил на стол два бумажных стакана, один из которых она сразу забрала.

— Американо с одной ложкой сахара, — уверенно сказала она, но, сделав глоток, на секунду замерла. — Тот самый чай... С кардамоном и гвоздикой.

— Кофе служит бодрости, — Адриан вынул из сумки планшет. — А тебе её и без того хватает.

Уголок его губ приподнялся сдержанно, но тонко. Стеф уловила этот намёк и ответила ему хитрой улыбкой, как вдруг дверь аудитории резко распахнулась.

Профессор Эреброс вошёл в сопровождении представителей администрации — вместе с ними в пространство вошёл холод. Студенты мгновенно почувствовали: сейчас прозвучит нечто, что изменит привычный порядок.

Сотрудники администрации остались у входа. Профессор вышел к центру аудитории, окинул присутствующих внимательным взглядом, словно оценивая их готовность услышать новости. Он взял подготовленные документы, поправил очки и заговорил, сверяясь с текстом:

— Вчера университет получил официальное подтверждение результатов экспертизы. Ваш однокурсник, друг и один из лучших студентов Мишель Ламберт был найден мёртвым. Смерть наступила в результате насильственных действий.

Девушки на задних рядах прикрыли рты руками, сдерживая вскрик. Кто-то из студентов с силой сжал край стола.

— Правоохранительные органы и семья Ламберт рассчитывают на ваше содействие в ходе расследования, — профессор перелистнул страницы. — Студентам, чьи фамилии я назову, в течение дня следует явиться в комиссариат для дачи показаний и уточнения обстоятельств последних дней месяце Ламберта.

Он начал перечислять фамилии. Среди них оказались Стеф и Алекс, но второго на лекции не было, как и Каролин.

Судьба редко ограничивается одной плохой вестью — за первой неизбежно следует вторая. Профессор озвучил и её:

— Ваша однокурсница Мелани Флеймонт была госпитализирована прошлой ночью. После проведения реанимационных мероприятий и стабилизации состояния она переведена под наблюдение психиатров в специализированное учреждение.

Аудитория погрузилась в тяжёлую, вязкую тишину.

— И последнее: Шарль Флоранс подал заявление о переводе в другое учебное заведение, и его просьба была удовлетворена.

Администрация, зафиксировав реакции студентов, покинула аудиторию. Профессор выдержал паузу, позволяя новостям уложиться, и добавил уже от себя:

— Трое исчезли из одного круга за одну неделю. Смерть, попытка самоубийства, бегство... — Он сделал шаг вперёд.

Его приятный парфюм ощутило коснулся пространства, в котором сидели Стеф и Адриан. — Вы — будущие психологи. Люди, обязанные замечать признаки кризиса раньше других. И всё же в подобные моменты каждый имеет право на слабость. Для тех, кого она настигнет, мои двери открыты.

Его взгляд задержался на первом ряду, словно фиксируя изменения, после чего профессор отошёл к доске.

— Тема сегодняшней лекции: человеческое восприятие и его сбои в условиях стресса. — Мел коротко скрипнул о доску. — Как видите, жизнь сама предоставила нам крайне жестокий пример.

Лекции Эреброса всегда казались бесконечными, и обычно в этой бесконечности хотелось раствориться. Но не в этот день. Прежняя тягучая и сладкая протяжённость сменилась давящей тяжестью. Многим хотелось как можно скорее покинуть аудиторию, словно это могло избавить от липкого осадка новостей.

По окончании занятия большинство студентов поспешно покинуло аудиторию. Адриан и Стеф выходили последними.

— Стефани, задержитесь на минуту, — окликнул профессор.

— Подожди меня в холле. Я скоро, — сказала Стеф, коснувшись плеча Адриана.

Адриан слегка наклонил голову, глядя на профессора с холодной вежливостью. Без вызова, без подозрений — но

слишком пристально, чтобы это можно было принять за простое уважение. Профессор ответил коротким кивком, словно обозначая границу: ничего личного.

Дверь тихо закрылась.

— Как вы себя чувствуете? — спросил профессор, отодвинул бумаги и полностью сосредоточился на Стеф.

— Паршиво из-за внешних обстоятельств. Но лучше, чем когда-либо, из-за внутренних.

Во взгляде профессора мелькнуло любопытство.

— Ночь была удачной?

Опешив, Стеф машинально поправила воротник, словно скрывая следы преступления, и только по усмешке профессора поняла свою ошибку.

— Хочу вам кое-что сказать, Стефани... — продолжил профессор.

Он поднялся. Стул негромко скрипнул и разрезал тишину. Профессор обошёл стол с такой плавностью, что даже его тень казалась дрессированной. С каждым шагом расстояние между ним и студенткой сокращалось, и позвонки Стеф напряглись, доводя её и без того прямую осанку до предельной точности.

— Существует интересный феномен как в человеческой психологии, так и на энергетическом плане. Тот, кто отдаёт больше, на самом деле подчиняется. Тот, кто принимает, обретает власть.

Профессор сократил дистанцию до предела, но Стеф не

отступила. Их взгляды сомкнулись, и она впервые ощутила странное чувство, будто её вскрывали наживую — без боли, но с пугающей точностью. На мгновение ей показалось, что она полностью обнажена.

— Не стоит отстраняться от своей сути, Стефани. Чужую кожу потом приходится срывать — и это всегда болезненно. Вы — та, кто вы есть. И имеете право быть собой, а не отражением своего отца.

Стеф мысленно признала поражение: по неопытности она позволила ему увидеть больше, чем следовало.

— Я могу идти? — голос выдал её лёгкой хрипотцой, которую она тут же подавила.

— Не смею задерживать.

Дверь мягко закрылась позади, будто кто-то поставил точку не в разговоре, а в ней самой. Раньше Стеф замечала неуловимую связь между Адрианом и профессором, но только после этого разговора поняла, почему Адриан так тянулся к нему.

Адриан стоял у стены в холле, сложив руки на груди — слишком ровно, чтобы это можно было принять за настоящую расслабленность. Когда Стеф приблизилась, он без прелюдий спросил:

— О чём вы говорили?

— Спрашивал, как я себя чувствую.

Адриан кивнул, чуть сузив глаза.

— Только это? — уточнил он на ходу, когда они направи-

лись к выходу.

— Странные вопросы, Адриан, — в её голосе не было ни тени подозрительности, только лёгкая провокация. — Я думала, вы близки с Эребросом.

— Я бы позволил себе описать наши отношения как наставник и ученик.

— Тогда советую доверять своему наставнику, — Стеф чуть приподняла уголок губ и провела острым ногтем по его щеке, к линии подбородка. Слишком непринуждённо. — Согласен со мной?

Он остановился на несколько секунд, будто впервые столкнулся с чем-то, что не поддавалось мгновенному контролю. Смысл этого жеста дошёл до него не сразу — лишь спустя короткую паузу. В нём было нечто большее, чем игра: тонкое, сладостное унижение, которое одновременно раздражало и притягивало.

К окончанию лекций и семинаров они поехали в комиссариат на машине Адриана.

Стеф распечатала новую пачку сигарет, опустила окно и, делая глубокие затяжки, медленно выпускала дым. Адриан кольнуло раздражение: необходимость следить за дорогой мешала ему наблюдать за *каждым* её движением, оставляя лишь возможность смотреть украдкой.

— Мне нравится, когда ты куришь в машине, — сказал Адриан, будто пытаясь заполнить пространство хотя бы её

ГОЛОСОМ.

— Обычно некурящие не любят этот запах, — ответила Стеф, оставляя на фильтре красные следы помады.

— Этот запах напоминает мне о том, что ты действительно была здесь.

Стеф не удавалось прочитать его. На Адриана не действовали привычные способы распознавания эмоций, и даже пытаясь мысленно встать на его место, она не находила отклика. Обычно эмоции других людей представлялись ей садом: у кого-то цветущим, у кого-то залитым дождём, у кого-то увядающим, а у кого-то только начинающим прорасти. У Адриана не было сада — только островок сухой пустыни с редкими ростками, которым не хватало ни почвы, ни воды, ни света.

— Тебя что-то беспокоит? — спросил Адриан, заметив, что она не ответила на его слова.

— Я не хочу идти в комиссариат.

— Ты знаешь что-то, чего им лучше не знать?

Адриан припарковался на бульваре Сен-Жермен у комиссариата. На прежде спокойном лице Стеф отразилась тревога — как будто её настигло опасное озарение. Она увидела вход, по которому, казалось, можно было подняться, но уже не спуститься обратно.

— У меня нет алиби, — в голосе прорезалась дрожь. — И, хуже того, меня могут записать в подозреваемые.

Её желудок неприятно сжался, а тонкая жилка в виске

пульсировала короткими, резкими ударами.

— Что ты имеешь в виду?

— У нас с Шарлем были бесконечные скандалы, и это автоматически распространяется на всю их компанию. Достаточно видео, где я не сдерживалась по отношению к ним. Да и моя репутация сыграет против меня, — объясняла Стеф. — В общем, мне повезёт только в том случае, если их цель — узнать правду. Но если им нужно быстрее закрыть дело, то...

Стеф сглотнула и не стала произносить даже мысленно тот исход, который казался слишком очевидным.

— Доказательства — в самом деле понятие относительное, — заметил Адриан. — А что с алиби?

— Мишеля нашли вчера утром, значит, алиби нужно на позавчерашнюю ночь. Я всё это время провела в мастерской, — она повернула голову к Адриану и сжала челюсти. — Ни соседей, ни камер по дороге... ничего.

Её брови слегка сошлись, выдавая напряжённое размышление.

Адриан не стал упускать столь щедрый подарок судьбы: в его голове мгновенно родился план.

— Ты сможешь мне довериться? — уточнил он, и его взгляд стал жёстче.

— Что ты хочешь сделать? — с подозрением спросила Стеф.

— Я всё возьму на себя. От тебя потребуется несколько раз кивнуть и уверенно сказать «да». Встань у кабинета и

послушай, что я буду говорить перед тем, как тебя вызовут.

— Я не... — Стеф покачала головой, запнувшись на полуслове.

Судя по всему, Адриан и не собирался оставлять её выбор. Он вышел из машины, открыл дверь со стороны пассажира и подал ей руку — жест, в котором угадывалось приглашение не только выйти, но и последовать за ним дальше, куда бы он ни пошёл.

В коридоре у нужного кабинета ожидали люди, среди которых были и однокурсники. Стеф невольно накручивала себя и глубоко дышала, пытаясь удержать самоконтроль. Репутация, возможная клевета, мадам де Верже, которая без колебаний даст показания далеко не в пользу племянницы, — всё складывалось против неё.

Внешне Стеф оставалась спокойной, но внутри напряжение нарастало до предела. На миг она и сама начала верить в свою виновность, будто кровь Мишеля действительно могла быть на её руках.

Когда подошла их очередь, Стеф медленно поднялась, как будто шла навстречу приговору, но рука Адриана резким, уверенным движением остановила её.

Стеф осталась сидеть на скамье, пока Адриан вошёл в кабинет и закрыл за собой дверь.

— *Bonjour*. Меня зовут Адриан Адлер-Вайс. Я по делу Мишеля Ламберта.

Офицер — приветливый, но собранный — пригласил его

присесть, открыл досье и задал стандартные вопросы: имя, дата рождения, а затем — где и с кем он находился в ночь, предшествующую смерти Мишеля.

— Я и моя девушка, Стефани Вирель, провели вечер у моих родителей — Маргарет и Поул Адлер-Вайс. К ночи мы уехали в мою квартиру.

Услышав имена и фамилию, офицер едва заметно отреагировал — лёгкое движение брови выдало узнавание, но лицо осталось нейтральным.

— Кто может подтвердить ваше алиби?

— Мои родители подтвердят время нашего отъезда, консьерж — наше прибытие в квартиру.

Офицер кивнул, не отрываясь от записей.

— Мадам Вирель сейчас с вами?

— Да.

— Пригласите её, пожалуйста.

Адриан открыл дверь. Стеф уже ждала снаружи. Он коротко коснулся её руки и проводил к стулу.

Офицер задал те же вопросы. Стеф отвечала кратко и ровно, как и Адриан. Офицер, не поднимая взгляд, сделал пометку, затем попросил:

— Дайте, пожалуйста, номера ваших родителей, месье Адлер-Вайс.

У Стеф перехватило дыхание, и она посмотрела на Адриана. Его спокойствие казалось невыносимым и одновременно необходимым.

Офицер набрал номер. Разговор был коротким.

— Благодарю вас, мадам Адлер-Вайс, — сказал он, завершив звонок, и обратился к Стеф и Адриану: — Ваши показания приняты. Если потребуется дополнительная информация, мы с вами свяжемся.

Стеф почувствовала, как напряжение спадает, только выйдя на улицу. Но стоило страху отступить, как его место заняло другое ощущение: Стеф всё же совершила преступление и теперь осталась в долгу перед Адрианом и Маргарет.

Они вернулись в машину, и Стеф, оказавшись в безопасной зоне для подобных разговоров, спросила с явной претензией:

— Что это было?

— Дача показаний, — спокойно ответил Адриан и повернул ключ в замке зажигания.

— Ложных показаний.

— Не понимаю твоего недовольства.

— Я не просила нарушать закон, подключая твою мать и консьержа... Откуда они вообще узнали об этом?

Адриан всё объяснил, не оставив пространства для возражений.

— Ясно. Но я не просила о помощи. Я могла справиться сама.

— А зачем ты вчера помогла Алексу?

На Стеф обрушилось болезненное осознание: прямая параллель между вчерашним и сегодняшним днём.

— Почему ты вчера нарушила закон? — продолжил Адриан, не сводя с неё взгляда.

— Технически, — попыталась оправдаться Стеф, — преступление совершил врач. Он меня почти ограбил.

— Допустим. Но разве Алекс просил о помощи? Насколько я понял из твоего рассказа, он как раз просил её не оказывать. Почему ты это сделала?

Стеф стало неуютно в собственном теле, и она ответила шёпотом, без всякого желанья.

— Потому что ему была нужна помощь.

Она могла бы добавить многое, но быстро поняла, что каждую деталь можно обернуть против неё. Поэтому она приняла поражение и почувствовала тёплую ладонь Адриана на своей щеке. Его пальцы скользнули в её волосы, а губы коснулись лба.

— Я теперь осталась тебе должна? Благодарности ждёшь? — недовольство в её голосе и не думало исчезать.

— Ты ничего мне не должна.

— Тогда зачем...

— Ты уже ответила на свой вопрос.

Под гнётом его чрезмерной заботы, принятие которой заставляло Стеф всё глубже утопать в ненависти к себе; под чарами его обволакивающего голоса, без которого становилось всё труднее обходиться; и под его собственническими прикосновениями, тяга к которым постепенно превращалась в жажду, — Стеф сдалась.

Их губы слились в мягком, благодарном поцелуе. В нём уже не было ночной страсти, но чувствовалось обладание. Стеф понимала, что с каждым новым поцелуем собственноручно заковывает себя в цепи. Но бороться с огнём внутри, сжигающим её маски и попытки стать хорошим человеком, оказалось бесполезно.

К тому же в памяти всплыли слова профессора, и Стеф неожиданно осознала, насколько редкий шанс выпал на её долю: когда ещё ей встретится человек, готовый пойти ради неё даже на преступление?

Адриан без лишних слов отстранился, вернулся к рулю и спросил:

— Какие планы?

— Я бы хотела навестить Мелани. Всё же мы были подружками...

Лечебница располагалась на окраине 13-го округа и представляла собой серое, неприметное здание с занавешенными, безжизненными окнами.

При входе у них забрали все потенциально опасные предметы, а цветы и сладости оставили на посту, как *objets remis au patient*⁶⁴. Гнетущая тишина, смешанная со скрипом металлических дверей — одна за другой — создавали ощущение, будто за стенами держат опасных преступников, а не людей,

⁶⁴ *objets remis au patient* — вещи, выданные (возвращённые) пациенту (фр.: формулировка из медицинских документов)

нуждающихся в помощи.

Особенно это давило на Адриана. Он держался ровно, но это не спасало от всплывающих образов: насильственное введение препаратов, которые когда-то действовали на него разрушительно; равнодушные медсестёр; и «соседи» по палатам, чьи вспышки безумия обрушивались на беззащитного ребёнка.

Он заставил себя отстраниться от этих воспоминаний и вернулся к своему холодному самообладанию, когда они вошли в палату Мелани.

От прежней местной красавицы не осталось и следа: лицо побледнело, глаза утратили всякую надежду — взгляд человека, который столкнулся со смертью близкого, невозможно спутать ни с каким другим. Предплечья до локтей были туго перебинтованы.

— *Bonjour, Mélanie*, — сказала Стеф и села на расстоянии, разрешённом врачом, который находился в палате. Адриан, как тень, остался стоять позади.

— *Bonjour*, — тихо ответила Мелани и бросила на неё недоверчивый взгляд. — Поглумиться пришла? Валяй.

— Я пришла узнать, как ты себя чувствуешь.

— Я тебе не верю. Ты только делала вид моей лучшей подруги... — начала Мелани, но Стеф её перебила:

— Я пришла сюда не унижать тебя, Мэл. Я переживаю.

— Ха... — попыталась усмехнуться та, но слабость тут же дала о себе знать. — Мне уже всё равно... Скоро всё закон-

чится. Сколько бы таблеток они в меня ни впихивали, я не остановлюсь.

Стеф не уловила в этих словах ни шутки, ни лжи. Мелани говорила как человек, который уже перестал бороться.

— Почему ты это сделала? Неужели он стоил того? — спросила Стеф.

— Мишель? Его жизнь была дороже моей... Во всех смыслах. Моя семья давно обанкротилась, и, как ни жаль, но я не ты. Мне не хватит сил встать с колен, когда мои ноги отрублены. Мишель и наш будущий брак были моей последней надеждой, но дело было не только в этом... Я любила его... Тебе знакомо это чувство? Сомневаюсь, что ты поймёшь...

Стеф пришла навестить подругу, с которой когда-то путешествовала по Европе; подругу, чьё присутствие всегда поднимало настроение; подругу, которую она в какой-то степени уважала — или, точнее, признавала. Теперь, глядя на Мелани, Стеф поняла: прежняя Мелани, как и прежняя она сама, остались в далёком прошлом.

Никто из живущих не способен прожить заново ни один момент своей жизни. Осознав эту простую истину и почувствовав ладонь Адриана на своём плече, Стеф коротко, но искренне сказала:

— Удачи. — И направилась к выходу.

Мелани накрыли стыд и тяжесть невыполненных обязательств — тех, с которыми она не хотела уходить в другой мир. Это заставило её окликнуть Стеф уже у двери.

— Постой. Мне нужно... Я должна признаться и извиниться.

— Я слушаю, — Стеф обернулась.

— Я не хотела, чтобы ты знала, но... — Мелани крепко зажмурилась, — это я слила то видео.

Мелани опустила голову, и в её раскаянии было что-то настолько искреннее, что невольно тронуло Стеф.

— Мы поссорились с тобой, и я хотела напакостить... Взяла телефон Шарля, когда он напился... Прости меня. И не держи зла, пожалуйста. Я всё же планирую попасть в рай, а не застрять с тобой в аду. Ха-ха...

Адриан сдержанно замялся в проходе, коротко оглядев коридор.

Стеф медленно подошла к Мелани, по щекам которой уже текли слёзы, и обняла её.

— Шарль любил тебя, — прошептала Мэл, прижимаясь к ней. — Он придурок с хрупким эго, но он до сих пор говорил только о тебе, клянусь.

Стеф кивнула, понимая, что Мелани, возможно, впервые в жизни говорит правду.

— Прощай, — тихо сказала Мелани и слабо улыбнулась, смахивая слёзы.

За окном автомобиля стремительно проносилась парижская архитектура, размытая в вихре скорости, а стрелка спидометра ползла вверх, отзываясь на нервы разгорячённого

Адриана.

— Ты вёл себя странно в больнице, — сказала Стеф.

— Как?

— Как будто тебе не нравятся такие места.

— Я не хочу говорить об этом сейчас.

— Тогда я узнаю сама.

В эту секунду Адриану показалось, будто в его душе сложились все пазлы: Стеф нашла струны, на которые он был настроен с давних пор. На деле она лишь начинала знакомиться с его внутренним миром, изучая его эмоции, как музыкальную партитуру.

— Это будет нарушением моих границ, — произнёс он с оттенком предостережения.

— Ты больше не имеешь права на границы после комисариата, — ответила она с ледяной уверенностью.

Стрелка спидометра вернулась в норму. Адриан оставил одну руку на руле, а другой крепко сжал ладонь Стеф. Это был не жест поддержки, а тихое признание выбора, сделанного им давно и по-прежнему остававшегося для него верным.

— Я мельком услышал слова Мелани о Шарле, — сказал он после паузы. — Что ты чувствуешь?

— М-м-м... Слова Мелани о великой любви Шарля — бред, порождённый её болезненным состоянием. Они не могут оправдать унижений после расставания, измен и, тем более, насилия в отношениях.

— Вы расстались из-за его абьюза?

— Нет. И не из-за видео, — ответила Стеф, но вопросительный взгляд Адриана заставил её продолжить: — Отец умер, и я не могла тратить своё время на разборки с его зависимостями. А ещё... я не верю в такие чувства.

Ладонь Адриана переместилась на её плечо. Большим пальцем он нежно провёл по вороту, скользнув по собственным меткам.

— А в какие веришь?

— В те, где парень, знакомый со мной от силы несколько недель, встал за мою честь перед всеми на вечеринке.

В воздухе повисли едва уловимые флюиды, пронизанные напряжённой властью касаний, томными вздохами и голосами, полными скрытой силы, проникающей в самое нутро. Если Стеф и могла скрыть физические проявления своего возбуждения, то Адриану это давалось с трудом.

— Где хочешь пообедать? — спросил Адриан, возвращая руку к рулю.

— Я не голодна, — ответила Стеф, ощущая, как последняя капля разрушенной интимности испарилась.

— Ты не завтракала дома.

— Завтракала, — ответила она, и на лице вспыхнула ухмылка.

— Заедем в ресторан по пути, — твёрдо сказал Адриан, чуть выгнув бровь.

— *D'accord.*

Стеф не стала спорить, не стала убегать и не чувствовала себя проигравшей. Любопытство мотивировало сильнее любви. Она жаждала узнать Адриана, и путь к этой цели проходил через принятие его властной заботы — которая, откровенно говоря, приносила ей немало пользы и удовольствия.

Они вошли в ресторан, но пройти за столик не успели. В центре зала, в переднике и с подносом в руках, стояла Каролин.

Со дня их расставания с Адрианом Каролин не посещала учебу и получила только одно сообщение от Алекса, который больше не отвечал. Она устроилась работать в ресторан, где ежедневный доход стал важной отдушиной, и, несмотря на тяжёлый график, много думала об Адриане и жалела о разрыве.

Однако стоило увидеть чересчур сблизившихся Стеф и Адриана, как жалость испарилась. Каролин раздосадованно направилась к бывшим друзьям, отвела их в сторону и начала возмущаться:

— Это нормально по-вашему? Мы расстались пару дней назад, а вы уже на свидания ходите? Я просто...

— *Tais-toi, Caroline*⁶⁵, — грубо остановила её бурю Стеф, — и послушай меня.

Каролин испуганно сделала шаг назад. Стеф не меньше подруги оказалась раздосадована встречей, ведь была наслы-

⁶⁵ *Tais-toi, Caroline* — замолчи, Каролин (фр.)

шана об их связи с Алексом. И в тот день, когда границы личности Стеф постепенно стирались с каждым часом, возвращая ей прежнюю суть, она дала себе волю:

— Вчера вечером я нашла окровавленного Алекса на тротуаре, потому что он выпрыгнул из машины на ходу. Поверь, даже с его богатством, его «проблемы» куда серьезнее твоих детских жалоб, — строгий голос Стеф осадил даже администраторов, которые решили не вмешиваться. — А сегодня утром профессор заявил, что Мишель мёртва. Слышишь? Его убили, Каролин. Убили. Но откуда тебе знать о таких сложных понятиях, как смерть?

Каролин хотела убежать, но её ноги будто приросли к полу, как и все мышцы. Она впервые ощутила такой ступор от беззащитности: даже гнев её матери не мог сравниться с той тяжёлой правдой, которую выливала на неё Стеф.

— После этого я провела время сначала в комиссариате, где должна была доказать свою невиновность, а потом в психиатрической больнице. Знаешь, что я там делала? Навещала Мелани. Она вскрыла себе вены, узнав о смерти Мишеля, — продолжила Стеф. — Так что у меня абсолютно нет настроения слушать твои жалобы: «Ой, я рассталась с парнем, мне так больно, пожалейте меня». Это унижает тебя. Мы не в мире дружных пони, где нас окружает радуга и розовые леденцы. Добро пожаловать во взрослую жизнь, Каролин. Взрослей. А если хочешь продолжать жалеть себя, то встречайся с Алексом и жалейте друг друга сколько душе

угодно.

Каролин вновь почувствовала себя маленькой и беспомощной в этом огромном и злом мире, где даже близкая подруга способна на низость и намеренно ранит её. Она обратилась к Адриану, как к единственной опоре, но он отмахнулся, холодно качнув головой в знак отрицания.

— Стеф права. Я говорил тебе то же самое, только другими словами. — Он посмотрел на администраторов и взял Стеф за руку.

— Я хочу пообедать в другом месте, — тихо произнесла Стеф. Её голос был выдохшимся.

После их ухода Каролин получила уже третий выговор за две смены от старших официантов, что фактически означало увольнение, и с тяжёлым грузом вины отправилась в раздевалку.

Спустя час Стеф уже полностью забыла о разговоре и наслаждалась изысканным обедом в компании не менее изысканного джентльмена.

— Если у тебя нет планов, я бы хотел пригласить тебя на студию, — предложил Адриан. — Мы сегодня заканчиваем снимать последние штрихи сцены, которую ты посоветовала.

— Какая честь.

— Поможешь?

— Ты сказал, что я тебе ничего не должна.

— Ты не должна — ты хочешь.

Стеф поразила его смелостью, но не стала спорить — он был прав, и в этом не было сомнений. Побывать на профессиональной съёмочной площадке и стать частью его творческого процесса — или просто провести с ним больше времени? Стеф будто бросила монету с одинаковыми сторонами, и в груди вспыхнула забытая искра счастья.

В съёмках, продлившихся до позднего вечера, она почти не участвовала: несколько раз помогла визажистам, один раз подержала небольшой элемент оборудования и всё остальное время посвятила наблюдению за Адрианом, от которого получала неприличное удовольствие.

Адриан был профессионалом своего дела. С каждым членом команды он умело находил общий язык и подстраивался под тон разговора; с будничным спокойствием разбирался в сложных настройках аппаратуры; руководил процессом чётко, грамотно и властно. Ни одна мелочь не ускользала от его сурового, дотошного взгляда. Жалости он не питал ни к себе, ни к команде, ни к актёрам — он всех изматывал количеством дублей. И только временами, когда выдавалась возможность, он поглядывал на Стеф, словно и она была частью идеально выстроенной композиции.

Стеф поймала себя на воодушевлении, ибо трудно было не восхищаться той страстью, с которой Адриан занимался своим делом. К тому же Стеф удалось вживую увидеть, насколько Адриан был видным мужчиной — возле него то и дело толпились девушки, и далеко не всегда из-за рабочей

формальности.

Адриан подъезжал к мастерской Стеф. За окном машины царил пламенная тишина: даже листья, кружащиеся по ветру, будто уважительно не нарушали покой спящей девушки на пассажирском сиденье.

Не доехав до последнего поворота, он остановил машину и на пару минут позволил себе высочайшее наслаждение — посмотреть на свою единственную в своём роде картину.

— Эдвард Каллен, твой взгляд чувствует даже моя кожа, — пошутила Стеф, не размыкая век и потягиваясь. — Приехали?

— Да. Остался последний поворот.

Стеф глубоко вдохнула и тут же сморщилась от едкого запаха, ударившего в чувствительный нос.

— Ты не чувствуешь? Как будто гарь...

Она открыла дверь раньше, чем Адриан успел ответить. Холодный воздух ударил в лицо вместе с густым дымом. Запах уже не был намёком: он заполнял лёгкие, цеплялся за горло и оставлял металлический привкус на языке.

Стеф ускорила шаг к повороту, и в следующее мгновение сердце пропустило удар.

Её мастерская горела.

Пламя вырывалось из окон, пожирало рамы, лизало фасад и окрашивало улицу в беспощадный оранжевый свет.

После секундного оцепенения из глаз Стеф произволь-

но хлынули слёзы. Она сорвалась с места и бросилась вперёд.

Вещи, конспекты, рамка с фотографией отца... Список того, что нужно было спасти немедленно, возник в голове слишком быстро. Но не успела она приблизиться к двери, как Адриан схватил её сзади и рывком оттащил от входа.

— Нет, — резко сказал он. — Даже не думай.

Она яростно разжимала его руки, как однажды уже делала это во время схватки с Алексом, и кричала:

— Отпусти! Быстро отпусти меня! Мне нужно забрать рамку! Адриан, отпусти!

— Успокойся, я сам всё заберу.

— Нет! Я...

— Стоп!

Стеф осадил его повышенный голос. Адриан поставил её на ноги, заглянул в глаза и приказал:

— Стой здесь. Я сам всё заберу.

Она забыла все правила дыхания и больше не могла совладать с собой. Схватившись за голову, Стеф опустилась на землю. Из её рта вырывался бесконечный, слишком быстрый цикл холодного пара.

Внезапно её ладонь нащупала под тонким слоем пепла лист бумаги. Стеф подняла его к глазам и увидела распечатанные слова: «За апелляцию». Ниже стояла подпись мадам де Верже.

С крыши сыпались обломки черепицы. Огромная горящая балка рухнула совсем рядом, но Стеф даже не взглянула

в её сторону. Ничего не соображая и ничего не желая слышать, она с открытым ртом смотрела на чёрные буквы.

В этот миг она словно стала боксёром, чьи амбиции давно превысили физические возможности. Ей нанесли финальный удар, судья начал отсчёт до десяти, а подняться уже не хватало сил — тело было сковано, разбито и залито кровью.

Адриан вернулся в подпалённой одежде и с сажей на лице, и сел рядом. Стеф не двигалась. Её пальцы всё сильнее сжимали края проклятой бумаги. Вдалеке наконец-то раздались sireны спасательных служб.

— Это всё, — сказал Адриан и осторожно заменил лист в её руках спасённой рамкой.

Стеф опустила взгляд на фотографию в тёплой деревянной рамке.

— Я проиграла, пап, — тихо сказала она, будто обращаясь к нему лично. — И я сдаюсь...

Она упала в объятия Адриана, как на последний островок безопасности посреди собственного разрушенного мира, и закрыла глаза.

Адриан был счастлив — по крайней мере, настолько, насколько ему позволяли чувства. Он прижал её к себе крепче и, будто с правом на владение, погладил по голове.

— И где же твоё геройское предложение? — с истинной печалью спросила Стеф.

— Поехали домой, — ответил он. — Мне понести тебя? Словно выброшенный на улицу котёнок, Стеф обвила его

шею руками и устало кивнула.

Он отнёс её к машине, уложил на заднее сиденье и накрыл пледом. Со своей стороны Адриан позволил ей сохранить остатки независимости: оставил право на уединение в слезах, наблюдая за ней через зеркало заднего вида.

Глава 12

Клуб

К позднему вечеру, когда Париж открывал горожанам двери в ночной мир развлечений, Каролин бродила в поисках нужного адреса.

Роскошь улиц девятого округа сменилась подворотнями улицы Пигаль, чьи стены были изуродованы наклеенными друг на друга объявлениями, вандальными граффити и выцветшими картинами уличных художников. Она уже опаздывала на десять минут, ведь несколько раз проходила мимо нужной двери — ржавой и неприметной — пока, наконец, не наткнулась на неё.

Лестницу вниз, точно в логово маньяка, который подкупал детей цветными мармеладками, освещала розовая неоновая лента. Каролин спускалась нерешительно, замешкавшись на первой ступеньке, поскольку была не в силах смириться с судьбой, которая привела её в столь странное место.

Реальная жизнь предстала перед Каролин строгой и равнодушной учительницей, показав, что с только начатым образованием, без опыта работы или связей зарплата офици-

антки может покрыть лишь базовые расходы на еду и транспорт. На этом всё.

Острая потребность в финансах для оплаты жилья, которое требовалось оплатить через пару дней, и штрафы на работе заставили её согласиться на предложение коллеги о приватном ночном клубе, куда требовались танцовщицы. Каролин быстро согласилась, не интересуясь подробностями о будущих обязанностях, как только услышала фразу: «...от двух тысяч евро за ночь...». Коллега пыталась объяснить прямые обязанности за быстрые и лёгкие деньги, но Каролин уже торопилась в клуб, решив всё выяснить на месте.

Она спустилась и вошла в небольшой кабинет: вокруг царил беспорядок из пустых банок пива и заполненных пепельниц. За столом сидела худощавая женщина средних лет с татуажом на бровях и губах, а позади, у подоконника, стоял лысый крупный мужчина, отсчитывающий пачки наличных.

Уже в тот момент Каролин хотелось молча выйти и пуститься в бега, но её остановил голос женщины:

— Привет, дорогая. Как дела?

— Привет... — с явным волнением ответила Каролин и нервно сглотнула. — Хорошо. А вы как?

— Тоже, — она улыбнулась пожелтевшими зубами. Её материнский тембр немного расслаблял, но оценивающий взгляд слегка тревожил. — Рада тебя видеть. Пойдем, я провожу тебя.

— Простите, я, видите ли, не очень танцую и не уверена...

— Ни о чём не переживай. Обо всем позаботятся, пойдём-пойдем.

Каролин медленно и неуверенно пошла за новой знакомой по коридору, и они подошли к лестнице, ведущей наверх, которая давно требовала реставрации.

Внутри всё сжалось, напряжение мышц словно продавливало кожу изнутри, шаги замедлились сильнее, а за рукоятку перил Каролин цеплялась так сильно, как будто пыталась убедить себя в правильности решения.

Когда они поднялись и прошли в зал, для Каролин открылся совсем другой мир: покрытые автозагаром и блёстками тела изгибались в привлекательных танцах возле шестов под медленную, несколько гипнотизирующую музыку. Испуганный взгляд Каролин на пару со здравым смыслом искал различные причины покинуть это богом забытое место: излишняя вульгарность в танце пышнотелой блондинки на центральном шесте; руки бородатого и старого мужчины на ступнях афроамериканки с округлыми бедрами; кокетство девушки с черными волосами и большой грудью с клиентом — она сидела, запрокинув ноги на его колени, в прикрытой ложе с бордовыми диванами; в углу за баром веселящий совместный танец мужчины, чей пиджак сидел не по фигуре, с крохотной брюнеткой, возраста Каролин, а, может, и того младше.

Неоновый полумрак с мигающими софитами бодрил и возбуждал опьяненных посетителей, официантов и барме-

нов, и бесчестных танцовщиц. Каролин чересчур ослепляли яркие вспышки софитов, и она готовилась к приступу эпилепсии, которой у неё никогда не было.

— Передаю тебе новенькую, — сказала женщина, и по стуку каблучков Каролин поняла, что та ушла в свою каморку.

Расширенные веки Каролин дрогнули, в следующее мгновение на её плечо легла женская рука с длинными ногтями — прежде всего она заметила их острые концы. Каролин недоверчиво обернулась, как будто за её спиной стоял похититель, от которого она долго убегала.

— Приветик, — сказала молодая девушка в коротком топе и облегающих лосинах. Ростом она была чуть выше Каролин. — Я Кармилла.

— К... Каролин...

— Приятно познакомиться. Ты напугана? — заботливо уточнила Кармилла. — Меня в первый день напоминаешь, ха-ха. Не бойся. Никто здесь не кусается. Пойдем со мной в обучалку.

— На самом деле... Я... — сомневалась Каролин, но её голос заглушила музыка.

Днём она не осознавала, что высокооплачиваемая вакансия танцовщицы могла подразумевать то, что происходило в этом клубе. Её внимание прилипло к этому месту, словно едкая субстанция, резавшая глаза и жгущая горло, пока она продолжала осматривать обстановку: громкий смех девушки, снимающей бюстгальтер прямо перед лицом клиен-

та — на её сосках Каролин заметила красные накладки, и почему-то ей показалось это пристойным; рослая мускулистая женщина средних лет в белье с развевающимися на свету пайетками вела активную беседу с двумя клиентами, опираясь на барную стойку и подтягивая к накачанным губам бокал с прозрачной жидкостью.

Каролин накрыло бурлящее чувство, когда в её мыслях снова промелькнула изначальная цель: ей предстоит стать частью этого мира, чтобы оплатить квартиру. И в этот момент чаша весов, на которой лежали взрослые обязательства, перевесила моральные ценности.

Внезапно она поймала себя на мысли, что соскучилась по Алексу. Почему-то ей показалось, что друг поддержал бы её или, на крайний случай, увёл бы из этого адского места и помог найти другое решение проблем. Однако эти мысли пришлось отбросить, ведь после его последнего сообщения с извинениями он больше не писал.

«Это всего лишь одна ночь, ведь так? Никто не узнает... Что самое страшное может случиться? Одна ночь... Всего одна ночь! Оплачу квартиру, а в следующем месяце как-нибудь выкручусь. Да! Всего одна ночь, и больше я сюда не вернусь...» — мотивировала себя Каролин и медленно, постоянно оглядываясь на мир похоти, направилась за Кармиллой.

В обучающем зале царил белый свет, сразу подчёркивающий все недостатки: лишнюю складку между рукой и грудью

или черные точки на носу. В самом центре до потолка возвышались два шеста.

Кармилла кратко и буднично пробежалась по технике безопасности, расспросила Каролин об отношении к алкоголю, объясняя это тем, что некоторым посетителям нужно составить компанию, и указала в угол зала, где в кучу были свалены туфли на каблуках, высотой, казалось, с предплечье.

— А как на них... хотя бы ходить? — спросила Каролин, неуверенно разгребая разноцветную обувь в поисках своего размера.

— Ха-ха, они всех пугают поначалу. Через время станут самой удобной обувью, — подмигнула Кармилла. Она не говорила, а словно щебетала.

«Не станут и не успеют!» — подумала Каролин, закусив язык. «И не будет никаких через время!» — нарастающая злость сменила страх, и слова Кармиллы показались ей оскорбительными.

Ни одна секунда в этом ужасающем месте не обходилась без мыслей о побеге. Каролин срочно требовалось унять бесконечный мысленный поток и тревожный внутренний голос. Натягивая туфли, она нечаянно взглянула на дверь, ведущую в основной зал, и застыла, будто та вела в преисподнюю. Впрочем, если считать ад местом похоти и разврата, то именно туда она и вела — так рассудила Каролин.

— Не волнуйся! — воскликнула Кармилла, заметив ужас на лице подопечной. — Ты прям побледнела, ха-ха. У нас

очень хорошие мужчины. Всё-таки мы не какая-то дешёвая помойка с улицы Красных фонарей. Это хороший клуб, малышка. Много постоянных щедрых гостей. А после обучения ходим с тобой в гримёрку и выпьем, расслабишься, — Кармила сжала в своих ладонях плечи Каролин и размяла их. — С таким напряжением мы далеко не уедем, знаешь ли. Давай помогу затянуть шнуровку.

Располагающая улыбка закрепила сказанное, и Каролин успокоилась. Она старалась держать в голове одно слово: квартира.

— Сегодня позанимаемся, выпьем, а завтра или послезавтра выпущу тебя на сцену.

— Завтра? Но... Мне нужны деньги сегодня.

Каролин захотелось провалиться под землю, хотя, казалось, ниже проваливаться было и некуда. Кармила, как показалось Каролин, буквально подарила ей шанс на побег — сегодня требовалось только познакомиться и угоститься алкоголем, а завтра можно было не приходить. Каролин никогда не чувствовала себя более униженной, чем в тот момент, когда ей пришлось уговаривать Кармиллу выпустить её на сцену сегодня.

— Квартира — это серьёзно. Сама проходила через это... — вздохнула Кармила и, чуть поразмыслив, ответила: — Окей. Если совсем деревянной не будешь — выпущу сегодня и посмотрю.

После короткой разминки и первых выученных движений

на металлической балке, за которую Каролин держалась, как за собственную гордость, Кармила прошебетала длинную речь похвалы. Улыбка невольно выступила у Каролин. Никогда прежде она не слышала столько комплиментов в одном предложении, а уж тем более обращённых лично к ней.

Однажды Каролин заняла первое место в олимпиаде по литературе и стала лучшей во Франции, на что мама аккуратно намекнула, что это бесперспективный путь. Годом ранее её фотографию повесили на школьную доску почёта, на что мама и бабушка сказали: «Это всего лишь школа, ты можешь лучше». В нынешнем году она поступила на бюджет в один из лучших университетов страны, а мама лишила её денег, из-за чего и пришлось оказаться здесь — в этом неизведанном мире, где всё уже казалось не таким уж страшным, а даже любопытным. Занятие продолжилось с бóльшим энтузиазмом.

— Ставим левую ножку, — мягко скомандовала Кармила.

Каролин поставила половину огромной подошвы на маленькое кольцо у основания шеста.

— Умничка! Теперь заводим правую коленочку — внутреннюю часть — и обхватываем шест. Следи, чтобы кончик каблука касался второй ножки, — Каролин повторила. — Супер! У тебя правда отлично получается, а говоришь, раньше не танцевала! Обманываешь меня, — шутливо и миловидно подразнила Кармила.

Каролин смутилась, в груди проросли побеги гордыни. В этом зале, несмотря на доносившиеся басы музыки из соседнего, она обрела надежду на будущее и подругу. Ей гордились, её хвалили за мелочи, её не торопили, её не ругали за ошибки — неужели это место, о котором она так долго мечтала? Чувствуют ли девушки в другом зале то же, что и она? В животе возник внезапный трепет, и вроде вернулся расщепок.

Но что же будет, когда она выйдет на сцену к тем мужчинам? Этот внутренний вопрос разрушил кратковременный покой и породил новые сомнения.

По окончании занятия Кармила объявила:

— Отлично. Этих движений тебе хватит на первые выходы. В остальном — просто импровизируй в такт песне. А пока можешь выпить что угодно в гримёрке. Я чуть позже подойду, накрашу тебя и дам во что переодеться. *D'accord?*

— *D'accord*, — согласилась Каролин, сглотнув. Ей не хотелось оставаться одной.

Кармила не солгала о каблуках. Спустя пару часов тренировки они словно стали продолжением ног, и Каролин почти забыла о них, когда дошла до гримерки.

Девушки забегали и выбегали, словно кто-то забыл закрыть окна, и в дом вошёл сквозной поток ветра. Каролин окинула взглядом шкафчики, общие вешалки с пестрящими костюмами, несколько рядов стоящих стрипов⁶⁶ и ряд бело-

⁶⁶ Стрипы – обувь на экстремально высоком каблуке и платформе для танцев

снежных трюмо, заполненных косметикой, разным алкоголем, стаканами и маленькими пустыми зиплоками — в таких бабушка хранила швейную фурнитуру и семена.

Дабы занять время и унять колотившееся сердце, Каролин села за свободное трюмо и начала краситься чужой подводкой. Затем открыла бутылку пива, которую осушила слишком быстро и бесполезно — в пиве было мало градусов, чтобы удовлетворить её возросшую толерантность к алкоголю. За соседним трюмо Каролин заметила свою — как ей не хотелось признавать — коллегу, у которой в стакане блестела желтоватая жидкость.

— А, извини, если отвлекаю, но что это? — спросила Каролин, указывая пальцем, как ребёнок, задающий вопрос о том, почему небо голубое.

— А? Водка и энергетик и... забыть слово. Ну, смешать, понимаешь? — ответила коллега с улыбкой. Каждое слово она сопровождала жестами и говорила с грубым американским акцентом.

— Да. Можно попробовать?

Коллега настороженно оценила новенькую.

— А ты уже пробовать такое?

— Да, — уверенно ответила Каролин, ведь она решила, что её спрашивают об алкоголе.

Коллега поставила стакан на её трюмо и вернулась в основной зал. Каролин вдохнула аромат нового напитка и даже

не поверила, что за резкими нотами энергетика может скрываться алкоголь. После первого глотка сомнения исчезли, и Каролин допила содержимое залпом.

Через пару минут она достигла нужного состояния. Она расслабленно развалилась на стуле, запрокинув голову, и почувствовала, как прежнее напряжение покидает её тело. Чтобы поднять настроение, Каролин решила сделать ещё один коктейль. И то ли она неправильно соблюла пропорции, то ли энергетик был другой, но достичь прежнего вкуса не получилось.

Кармилла вернулась позже обещанного и обнаружила неприлично безупречный макияж, который она, будучи визажистом-любителем, не умела делать. Своё восхищение она тут же выразила очередным потоком подхалимских речей.

Тогда Каролин поняла, что голос Кармиллы звучал непривычно: словно на него наложили эффект глубокого баса. Вдруг она обнаружила, что может включать только голос Кармиллы и выключать голоса других девушек — и наоборот.

— Каролин, ты хорошо себя чувствуешь? Сколько ты выпила?

Каролин обвила руками талию Кармиллы и прижалась к ней.

Каролин, чью привлекательную и стройную фигуру — как она теперь считала — облачили в розовое бельё, вошла в ос-

новной зал.

Разноцветные огни ложились на кожу пятнами. Музыка ощущалась иначе. Каролин не слышала ни того, как сердце билось в ненормальном ритме, ни того, как нижняя челюсть мелко дрожала, постукивая зубами, ни того, как неуклюже она ступала на высоких каблуках.

Она прошла к указанному шесту. Зрение заволакивала тонкая молочная плёнка. Люди вокруг больше не имели значения: их лица расплывались всё сильнее с каждым её движением.

Один из зрителей подошёл к краю невысокой сцены с сигаретами в руке. Каролин протянула чуть дрожащую ладонь и коснулась его щеки.

Кармилла наблюдала за новой протеей и даже бровью не повела. Ей было не впервой убедиться в том, как алкоголь раскрепощает здешних девушек. И всё же Каролин, упавшая на колени без наколенников и целовавшая лысого старика, чьи морщины, казалось, служили пристанищем грязи, выглядела подозрительно даже для этого места.

На всякий случай Кармилла вернулась в гримёрку, к трюмо новенькой, и обнаружила на соседнем столике пустые пакетики от веществ.

Однако в её подозрениях было мало практического смысла: зрителям полюбилась новая жертва.

Каролин охотно заговаривала с каждым клиентом, который одаривал её вниманием, — пусть слова путались, распа-

дались на смех и бессвязные обрывки фраз, а челюсть сводило от глухой судороги. Внутреннее пламя прожигало кошельки и оставляло после себя только хрустящие купюры.

Мужчины быстро заметили её уязвимое, не вполне вменяемое состояние. Юное лицо Каролин ещё не успело испортить разгульная ночная жизнь, и это делало её особенно желанной для постоянных гостей. Они тянулись к ней с жадной фамильярностью, касались талии, бёдер, плеч, запускали пальцы под розовые бретели — и всё же, к счастью, не переходили черту, за которой происходящее стало бы опасным.

Каролин потеряла счёт времени: его больше не существовало. Она сидела на коленях у одного мужчины, а обнажённые ноги уложила на колени другому — сидевшему напротив. Внезапный позыв в туалет вынудил её оставить мужчин без своей компании.

Она вошла в туалетную комнату, вывалила в раковину горю разноцветных смятых купюр, улыбнулась до ушей и подняла полуприкрытые веки, взглянув на отражение.

Улыбка тут же сползла с её лица, точно прокисшее молоко, и дрожащими, непослушными пальцами Каролин оттянула вниз нижнее веко. Тьма затопила зрачки и словно поглотила весь пигмент её обычно зелёных глаз. Сухие волосы, склеенные липким лаком, торчали в разные стороны. Нижняя челюсть стучала о верхнюю с гулкой, неровной частотой, как у начинающего барабанщика. Когда взгляд опу-

стился ниже, на обнажённую грудь, Каролин увидела множественные отпечатки чужих рук, наложившиеся друг на друга.

Отражение дрогнуло.

Каролин была уверена, что из этих почерневших глаз вот-вот выползет полчище пауков. Она глотала воздух, как выброшенная на сушу рыба, и прижалась к липкой стене, пытаясь спрятаться от чудовища в зеркале. Замкнутое помещение качнулось. Где-то рядом ей послышался зловещий смех — словно сам дьявол смеялся из преисподней.

Она хотела закричать, но невидимые руки словно перекрыли ей кислород, всё сильнее сдавливая пересохшее горло. Она не могла даже сглотнуть. Тело сделалось хрупким, точно подгнившее дерево, и на глазах выступили слёзы.

Где она? Как оказалась в этом месте? Почему исчезла дверь?

Каролин вцепилась в голову и медленно сползла вниз по стене.

Время тянулось мучительно долго. Монстры по-прежнему окружали её, когда дверь наконец распахнулась. Мысок мужской туфли с жёстким, давящим цоканьем двинулся в её сторону.

— Каролин? Это ты?

— А?.. Говорящие... ноги?.. — Она широко раскрыла глаза.

Мужчина присел перед ней, заставил поднять голову и

осторожно похлопал по щекам. Каролин крепко зажмурилась: перед ней был очередной монстр.

— Ай! Мне больно! — вскрикнула она.

— *Mon Dieu...*

Он снял с себя синий пиджак — тот оказался достаточно просторным, чтобы укутать полуобнажённое тело Каролин — затем вывел её в зал и усадил на диван, несмотря на её отчаянные попытки вырваться.

Дрожь не прекращалась. Каролин плотнее закуталась в пиджак. Во рту стояла мерзкая сухость, мешавшая говорить и даже нормально дышать. Опущенный взгляд застыл на обнажённых, мелко трясущихся коленях.

— Месье де Труа, что-то случилось? — послышался голос Кармиллы.

— Что она здесь делает?

Кармилла растянула мягкую, совершенно будничную улыбку, словно не поняла вопроса.

— Работает, разумеется. А что ещё ей здесь делать?

— Стимуляторы? Или эйфоретики?

— Ну что вы, — кокетливо отмахнулась Кармилла. — У нас такое не практикуется.

— Я прекрасно знаю, что практикуется, — его тон стал жёстче. — Я её забираю.

— Но... Прошу прощения, месье, у нас не бордель. Вы не можете просто так увезти девочку, которая...

Кармиллу перебил не Мартин, а его кошелёк. Он вынул

деньги, и в её руках оказались десять фиолетовых купюр. Она бросила на Каролин короткий задумчивый взгляд — скорее ради приличия, чем из подлинного сомнения. Затем наклонилась к своей протее, мягко погладила её по плечу и сказала:

— Повезло тебе, малышка. Сегодня ты и правда звезда. И клиента ухватила такого, какого не каждая получает. Не бойся его: щедрый и заботливый папочка.

Кармила хихикнула и многозначительно взглянула на Мартина прежде чем удалиться.

В голове у Каролин всё размокло и расползлось, точно отсыревшая мозаика: мысли никак не хотели складываться. «Я прекрасно знаю...». «Месье де Труа...» Кто это? Фамилия была ей смутно знакома, но она никак не могла вспомнить, где уже слышала её.

— *M e r d e...* — выговорила Каролин по буквам, медленно убирая руки от лица. — Вы... папа Алекса? — едва слышно спросила она.

Мартин смотрел на неё тяжело и жёстко. В искажённом восприятии Каролин его глаза отсвечивали красным, и этот красный свет будто проникал ей под кожу. Внутри разразилась болезненная война, и в следующую секунду её вырвало. Одновременно с этим под ней растеклось тепло: по дивану потекли тёплые струйки.

— Пиджак выбросить, — приказал Мартин.

Каролин не помнила, как оказалась на заднем сиденье машины рядом с отцом своего друга. Голова гудела, будто после крепкого удара. Впрочем, удар действительно был: она упала, кубарем скатившись по лестнице, и ещё не чувствовала свежих ссадин.

Все эмоции смешались в каком-то раскалённом котле. Жажда не отпускала даже после выпитой бутылки воды, а по лицу то и дело пробегали нервные судороги.

Каролин, словно под гипнозом, уставилась в спинку переднего сиденья и почти не шевелилась. Вопросы Мартина тонули в её личной яме, которую она была не в силах осознать.

— Как ты себя чувствуешь? — этот вопрос она почему-то услышала.

— Я устала, — ответила Каролин.

Эмоции бесконтрольно переключались. Какой-то внутренний рычаг, больше ей не принадлежавший, смешал злость с тоской и запустил поток исповеди:

— Я устала от того, что меня нет. Я от всего устала! Знаете, я была маленькой и верила в сказки...

Она говорила быстро-быстро, так что Мартин едва улавливал смысл. Он коротко приказал водителю ехать медленнее.

— И Адриан... *C'est un salaud*⁶⁷! Он обращался со мной так, будто я пустое место! И эта Стеф! — Каролин ударила

⁶⁷ *C'est un salaud* — он подлец; он мерзавец (фр.)

кулаками по сиденью. — Она увела его у меня! А потом ещё обвинила во всём меня!

Рыдания прорвались длинными потоками слёз, хлюпающим носом и воплями, будто ей делали операцию без наркоза.

— И Алекс! Он тоже... — Она на минуту замолкла, а потом вдруг переменялась в голосе: — Хотя Алекс хороший, да? Он хороший. Он единственный хороший. Хотя и он мне отказал... Вы везёте меня к нему? Стоп... А куда вы вообще меня везёте?

Следом накатила волна беспричинного ужаса. В голове вспыхнули мысли о похищении, о яме в лесу, куда Мартин сбросит её тело после того, как удовлетворит свои похотливые желания. Иначе зачем он забрал её из клуба?

Каролин судорожно задёрнула ручку запертой двери и во всё горло закричала о помощи. Мартин приказал остановить машину. Она тут же попыталась наброситься на похитителя, но он перехватил её руки и удержал, не позволяя ни ударить его, ни удариться самой.

Водитель передал Мартину небольшую медицинскую сумку. Тот вынул ампулу и одноразовый шприц. Из-за темноты, слёз и молочной плёнки перед глазами Каролин не смогла разглядеть надпись.

— Протяни руку, — вежливо попросил Мартин, набирая препарат. — Это поможет снять приступ.

— Ничего я вам не дам! Отпустите меня! Меня хотят из-

насилловать! Помогите! — билась в истерике Каролин.

Мартин крепко зажал её руку и ввёл препарат.

В бесконечно белом пространстве, где не существовало ни пола, ни стен, ни потолка, Каролин лежала на кроваво-красных простынях рядом с Алексом. Он смотрел на неё с неестественно вытянутой, пугающей улыбкой, подложив руки под голову.

Каролин прищурилась. Алекс начал медленно растекаться, утекать в неизвестность. Она протянула к нему руки в отчаянной попытке спасти, но ладони прошли сквозь его расплывчатый силуэт.

Свет сменился тьмой.

Вокруг не осталось ничего, пока тонкий солнечный луч, упавший откуда-то сверху, не выхватил Каролин из темноты. Затем из мрака донеслись шаги — тяжёлые, пугающие, неумолимо приближавшиеся.

Каролин подняла голову и увидела лицо матери. В следующую секунду будто из ниоткуда возникла бита и с размаху опустилась на голову Каролин. Через миг она уже лежала в луже собственной крови, а рядом белел осколок кости.

Каролин очнулась в поту. Веки слиплись — между ними ощущалась противная желтоватая корка. Мыслей не было — думать оказалось слишком тяжело для такой свинцовой головы. Каролин попыталась поднять руку и поднести её к вис-

ку: возможно, так удалось бы нащупать источник бесконечного звона в ушах и боли, расплзавшейся по позвоночнику. Но руки онемели, будто в каждой мышце поселились стаи ежей.

Во рту стоял самый мерзкий вкус в её жизни, от которого к горлу тут же подкатила тошнота. Глубокий, тяжёлый, как и всё её состояние, вдох помог наконец разомкнуть веки.

За окнами, почему-то напомнившими ей окна на вечеринке у Шарля и Мишеля, виднелись голые кроны благородных деревьев. Комната вокруг была чужой и просторной: бежевые стены, дорогой ковёр с высоким ворсом, настоящий камин — прежде Каролин видела такие только в кино, — а над ним величественная картина сада с беседкой на горизонте.

Память возвращалась рывками: острыми, бессвязными, похожими не на воспоминания, а на чужие улики. Каролин не верила ни одному из них — не хотела верить, потому что она не могла быть способна на такую низость. Значит, всё это было лишь частью ночного кошмара.

Но где же она тогда?

Едва двигаясь от ноющей боли во всём теле, Каролин медленно подошла к окну. Внизу расстилался ухоженный сад — тот самый, что был изображён на картине над камином. Спокойный, нарочито идеальный мир по ту сторону стекла вызывал в ней странную смесь зависти и желания. Садовники ухаживали за каждым лепестком, готовя цветы к зиме, убирали листву широкими лопатами...

Дверь позади распахнулась, нарушив её изучение чужого мира. Каролин вздрогнула и резко обернулась.

— *Bonjour*, — деловито сказал Мартин.

На нём был фиолетовый костюм; на лице не было ни одной эмоции. В руках он держал чёрную папку.

Очередное воспоминание ударило тяжёлым молотом: Мартин в машине, прозрачный раствор в шприце. После этого Каролин не помнила ничего.

— *Bonjour*, — ответила она голосом, полным стыда и тревоги. — Почему вы привезли меня сюда?

— Я решил, что ты предпочтёшь гостевую спальню пробуждению рядом со мной в гостиничном номере, — сказал Мартин и подозрительно тяжело моргнул. — Что ты помнишь?

Каролин страстно хотела узнать, почему проснулась именно в этом доме. Ответ её не устроил, но говорить не хотелось. Впрочем, ей буквально ничего не хотелось.

Она села на кровать, хотя куда охотнее передвигалась бы в кресле-каталке, с каким-нибудь устройством, которое удерживало бы голову на месте, и начала перечислять обрывки вчерашней ночи.

К середине рассказа Мартин поднял ладонь и строго сказал:

— Достаточно. Тебя, вероятно, мучает то, что принято называть отходом⁶⁸. Мне не хочется утяжелять твоё состояние,

⁶⁸ Отходом — состояние после прекращения действия наркотического веще-

но нам необходимо обсудить несколько моментов. Ты понимаешь, что я говорю?

— Да, — ответила Каролин.

Она старалась не смотреть не только ему в глаза, но и вообще в его сторону. От одного присутствия старшего де Труа воздух словно уплотнялся.

Мартин вынул из папки коричневый конверт и положил рядом с Каролин. Пока девушка нехотя вскрывала его, он начал пояснять:

— Это для восстановления памяти. Мне пришлось постараться, чтобы отговорить твоё начальство выкладывать эти снимки на сайт.

Каролин широко раскрыла рот от ужаса, будто на фотографиях были изображены трупы. Ей хватило двух снимков: на первом она целовалась со старым карликом, на втором кто-то выливал шампанское ей на обнажённую грудь. Каролин сжала челюсти, и боль тут же прошла виски.

— Вопрос, — продолжил Мартин, выдержав неприятную паузу, — мы ведь оба не хотим, чтобы эти фотографии оказались в почтовом ящике твоей семьи?

Она тут же схватила конверт и прижала его к груди, уже готовая к худшему исходу, в котором взяла бы на душу ещё один грех и ударила Мартина — только бы эти снимки никогда не оказались перед глазами матери или бабушки.

— Не хотим, — ответил он за неё.

Мартин без особого труда забрал у неё конверт и положил его на каминную полку. Затем вынул из папки ещё один конверт с надписью: «50 000 €».

— Ты видишь сумму? — уточнил Мартин. — Можешь пересчитать?

Каролин вяло и безучастно пересчитала деньги и ответила:

— Пятьдесят тысяч.

В другой день она подпрыгнула бы до потолка от радости, предвкушая будущую обеспеченную жизнь. Но сейчас даже богатство, свалившееся с неба, не вызывало в ней ничего, кроме отвращения.

Мартин забрал конверт и положил рядом с первым.

— Что вы хотите? — спросила Каролин. В её взгляде стояла печаль.

— Пойми меня правильно, — вздохнул он. — Моя семья и её благополучие для меня на первом месте. Александр — мой единственный сын, и я не допущу его связи с окружением, способным его разрушить. Ты меня понимаешь?

Каролин кивнула. Боль тут же отозвалась не только в мышцах шеи, но и где-то глубже. До проклятой ночи она и так не дотягивала до уровня своих друзей; теперь же о них действительно можно было забыть.

— Пятьдесят тысяч евро ты получаешь за полное отсутствие связи с моим сыном. Прямой, косвенной. Любой, — Мартин чётко выделил последнее слово.

— А фотографии?

— Ты получаешь их вместе с деньгами, если соглашаешься на второе условие. Мы с тобой в одной лодке: оба не желаем, чтобы хоть одна душа узнала о вчерашнем. Я прав?

— Да.

— Фотографии — в обмен на твоё молчание. Ты забываешь даже сам факт моего присутствия в том месте. Любая форма разглашения приведёт к последствиям, которые тебе не понравятся.

— Я поняла.

Для Каролин Мартин был палачом — не иначе. Сам же он, как ни странно, искренне сочувствовал её положению: на своём веку Мартин видел не одну испорченную судьбу. Он верил, что Каролин ещё повезло. И надеялся, что её детская наивность сыграет ей на руку, а полученный опыт станет лучшим уроком в её жизни.

— Ты согласна?

Каролин молча взглянула на конверты.

Напряжённую тишину, похожую на тишину в зале суда перед приговором, нарушил стук в дверь и голос Алекса за ней.

Глава 13

Параллели

Субботний Париж просыпался медленно. Утренний туман ещё не успел подняться с мостовой: лежал низко и мягко, окутывая город молочной дымкой. Ночь оставила измо-

розь на кованых перилах балкона, которая поблёскивала в бледном свете, словно фамильное серебро. Солнце вставало неохотно, будто боялось разрушить тишину и позволяло горожанам ещё немного задержаться в мире снов.

Стеф разомкнула веки подозрительно легко. В них ещё отражалось вчерашнее пламя, обрушившее последнюю несущую колонну её внутреннего мира, но чувствовала она себя не просто хорошо, а безупречно. Жизнь отобрала у неё всё и на пустом участке земли воздвигла статую Адриана: юноши, готового ради неё на всё. Самое страшное заключалось в том, что Стеф это понимала и знала, как этим воспользоваться.

Она придвинулась к нему и благоговейно запустила пальцы в золотые пряди. Адриан напоминал льва после долгой ночной охоты: усталого, неподвижного, но всё ещё готового насторожиться при первом признаке опасности.

Сначала бархатный поцелуй лёг ему на лоб, затем задержался на щеке; третий скользнул к уголку губ. Адриан коротко простонал в подушку.

— Выспалась? — пробормотал он шёпотом.

Адриан приобнял подушку, подмял её под голову и снова провалился в мягкое углубление.

Стеф тихо угукнула и сказала:

— Я хочу есть.

Ответный вздох Адриана прозвучал как ворчание глубоко утомлённого старика.

— Возьми в кошельке карту. Купи что-нибудь внизу.

— Но ещё рано. Всё закрыто.

Он молчал, пока Стеф не коснулась его плеча.

— Тогда найди в кошельке номер помощника и набери. Он привезёт... что угодно. А я ещё вздремну часок-другой.

Адриан тяжело зевнул и накинул на голову одеяло: то ли прячась от света, то ли демонстративно предоставляя Стеф право самой заняться бытовыми делами. Иными словами, он поручил ей роль хозяйки.

Она выбрала второе толкование и плавными, грациозными шагами отправилась на поиски кошелька. В их первую ночь в этой квартире Стеф было не до осмотра новых владений, поэтому теперь она позволила себе несколько минут изучения.

Слева от входной двери открывалась гостиная. Вдоль стены стоял шкаф — возле него Стеф задержалась, чтобы рассмотреть книжные полки. Биология, кинотеория, психиатрия, криминология и биографии серийных убийц; западная философия, история, химия; отдельная полка с классической французской прозой. Самая нижняя — коллекционная — была посвящена хоррорам из серии *Brigelonne Terreur*⁶⁹. Никаких фотографий, фигурок или открыток Стеф не обнаружила.

⁶⁹ *Brigelonne Terreur* — престижная книжная серия французского издательства Brigelonne, специализирующаяся на литературе в жанре хоррора, мистики и темного фэнтези. В рамках этой коллекции издаются лучшие современные романы ужасов, включая произведения таких мировых авторов, как Адам Нэвилл и Клайв Баркер.

В углу у окна стояла кровать — невольная свидетельница их страсти.

Рядом со шкафом Стеф провела рукой по чистому рабочему столу. На нём не было ни пятна от случайно потёкшей ручки, ни засохшего следа от кружки. Монитор, ноутбук и серебристый планшет принадлежали одной известной марке. Стеф раскрыла верхнюю тетрадь из аккуратной башни таких же и увидела почерк, доведённый до невозможной идеальности.

Стеф прошла по коридору, миновала душевую и оказалась на кухне. Бордовый диван тянулся вдоль стены у крепкого стола с глянцевой чёрной поверхностью, а напротив располагался дизайнерский гарнитур: гладкая варочная панель, на которой либо редко готовили, либо оттирали её до блеска после каждого использования; скрытые ручки, кофемашина, мельницы для специй — ничего лишнего или яркого. В углу стоял обычный холодильник. Если открыть его дверцу до конца, ручка едва не касалась стекла балконной двери.

Стеф вышла на балкон — такой же, как вся квартира: небольшой, но продуманный. Там стояли два металлических стула, столик на тонкой ножке, пепельница и запечатанная пачка *Marlboro* в буро-зелёной упаковке. Насколько Стеф знала, Адриан не курил; судя по увиденному, он подготовился к её переезду подозрительно заранее.

Отгоняя навязчивые мысли, требовавшие глубокого ана-

лиза, к которому она не была — или не хотела быть — готова, Стеф перевела взгляд на город. С четвёртого этажа Париж представал во всей своей реалистичной красе: не с открыток и туристических клише, а с крышами, требующими ремонта, дымом из труб, кривыми линиями улиц, бранью и руганью прохожих внизу. Где-то очень далеко, чуть левее, поблёскивала верхушка Эйфелевой башни.

Стеф выкурила сигарету и успела прилично продрогнуть от нарастающего холода. Желудок разразился китовым стоном, и она вспомнила про кошелёк. Отныне это был её сундук с сокровищами, заслуженный тяжкой судьбой: банковские карты, тонкая чековая книжка, спрятанная семейная фотография и целая россыпь визиток.

В поисках карточки неизвестного помощника Стеф заинтересовалась другой. На белом глянцевом прямоугольнике чёрными буквами было напечатано: *Dr Juliette Renier*. Ниже — *médecin psychiatre*⁷⁰. Номер телефона. Адрес клиники. Печать.

Стеф сочла случайную находку своевременной подсказкой и задалась целью во всём разобраться. С Адрианом точно было что-то не так. И прежде чем их отношения зайдут слишком далеко — точнее, чтобы они зашли как можно дальше, — ей необходимо было узнать, что именно скрывает её спящий хищник. А затем ответить на вопросы: как это

⁷⁰ *Dr Juliette Renier — médecin psychiatre* — доктор Жюльетта Ренье, врач-психиатр (фр.)

«что-то» обернуть в свою пользу и будет ли она готова принять его, когда узнает правду.

Спрашивать самого Адриана было бесполезно. Стеф уже знала его умелые манипуляции, игры словами и безошибочное умение отступать от прямых ответов, поэтому пошла на крайние меры. Наполовину полное мусорное ведро стало отличным оправданием выйти из квартиры и поговорить с Тьерри, чья ловкость обходить законы поражала не меньше, чем тайны Адриана.

Едва покинув подъезд, Стеф набрала нужный номер и, дождавшись ответа, произнесла в трубку:

— *Bonjour*.

— *Bonjour*. Я уже заинтригован. Что ты придумала в этот раз?

— Ценю твою деловитость. Сразу к делу: мне нужны материалы одного пациента доктора Жюльетты Ренье. Знаешь её?

— М-м-м... не уверен. Какие материалы?

— Любые: записи сеансов, диагнозы, медицинские карты

— всё, что сумеешь отыскать.

Тьерри выдержал паузу. В трубке послышалось задумчивое цоканье.

— Ты понимаешь, о чём просишь? Тонну порошков из Мексики проще провезти через границу, чем достать карту из кабинета, где я не работаю.

Стеф поняла, что он — по своей обыкновенной привычке

— набивал цену, поэтому сразу ответила:

— Сколько?

— Пятнадцать. И, возможно, пять сверху.

— Всё-таки мы перевозим порошки из Мексики? — отшутилась Стеф, тяжело вздохнула и согласилась: — Хорошо. Примешь украшениями?

— Вполне.

— Тогда сейчас пришлю детали. Жду.

В шато семьи де Труа спокойное утро сменилось напряжённым полднем. Мартин ждал ответа Каролин на своё щедрое предложение и, судя по затянувшейся паузе, уже был готов его повысить.

Однако Алекс крайне не вовремя решил проявить избалованный нрав, который пробуждался в нём всякий раз, стоило матери исчезнуть из дома. После нескольких стуков, оставшихся без ответа, он бесцеремонно вошёл в комнату, продолжая говорить на ходу:

— Отец, наш техник отказался чинить мой компьютер и...

Алекс осёкся, увидев Каролин. Через секунду ступора в нём поднялась радость, которой не было предела. В этих застоявшихся джунглях, где его заперли и наказали едва ли не хуже опасного преступника, он увидел уже родное лицо подруги — настоящего ангела-спасителя, явившегося в самый безнадёжный час. В два шага Алекс оказался рядом с ней и

заклучил её в крепкие объятия.

— Привет-привет-привет, — затараторил он со счастливой улыбкой. — Как ты здесь оказалась? И что с твоим лицом?

Он осторожно коснулся свежих ран, а затем вопросительно взглянул на отца.

Каролин и правда была рада видеть Алекса, но лучше бы это произошло при других обстоятельствах.

— Вчера с Каролин случился неприятный инцидент, Александр, — начал Мартин так, словно произносил чистую правду, в которую готова была поверить и сама Каролин. — Прошлой ночью я встречался с китайскими партнёрами на открытии их ресторана и заметил Каролин на улице. Её окружила компания из неблагополучного квартала и начала вымогать у неё деньги.

Каролин кивала каждому его слову, безжизненно глядя куда-то в угол. Она не любила тайны — даже проклинала их, — но теперь оказалась внутри вынужденной и печальной лжи, обращённой к единственному человеку, к которому в её душе ещё оставались осколки тепла.

— Моя охрана быстро их разогнала, но, как видишь... — Мартин встал за спиной Каролин и положил сильные ладони на её хрупкие плечи. — Бедняжку всё же успели потрепать.

— Ублюдки! — вскрикнул Алекс, сжимая кулаки.

— Ты прав, — сказал Мартин. Он не стал читать нотацию о грубых выражениях в этом доме: подобное входило в пре-

рогативы и обязанности Жозефин. — Но Каролин уже уходит. Водитель отвезёт её домой.

Каролин почувствовала болезненное сжатие и, уловив скрытый приказ, поспешно продолжила легенду:

— Да-да, мне уже пора... У меня столько заданий... И семинар сегодня...

— Сегодня же суббота, — напомнил Алекс. — Сегодня нет семинаров.

Склонив голову, Каролин захотелось провалиться сквозь землю. Не ответив, она направилась к выходу. Алекс остановил её, схватив за запястье.

— Тебе нельзя сейчас оставаться одной.

Она вопросительно взглянула на Мартина, затем снова на Алекса.

— Я... не одна буду. Мама дома. Всё будет хорошо, Алекс, правда. Всё будет...

Алекс отпустил её руку и обратился к отцу:

— Отец, ей плохо, разве ты не видишь? Можно я сегодня позабочусь о ней? Ты сейчас всё равно уедешь на весь день, а вечером, когда ей станет лучше, она поедет домой. Пожалуйста-пожалуйста!

Мартин вздохнул и раздражённо прикрыл веки. Всю жизнь он имел дело с крайне серьёзными вопросами, вёл переговоры с людьми, приученными решать проблемы без лишних слов, и его суровый нрав почти никогда его не покидал. Единственным исключением оставался сын, чей щеня-

чий, умоляющий взгляд всё ещё был способен выбить Мартина из привычной холодности. К тому же в нём заговорила совесть, пристыдившая его за давние грехи и вынудившая согласиться.

Получив разрешение, Алекс, похожий на ребёнка, которому наконец позволили открыть рождественский подарок, покинул комнату, чтобы распорядиться насчёт обеда для своей почётной гостьи.

Мартин проводил его взглядом, затем снова посмотрел на Каролин.

— Конверты получишь вечером. Прошу проявить уважение и не забываться: ты здесь гостья и, скажу честно, не самая желанная. Но коль скоро сердце моего сына так дрожит в твоём присутствии — так тому и быть. Один день. Первый и последний. Я понятно выражаюсь?

— Предельно, месье де Труа...

Каролин осталась в комнате одна и без сил рухнула на мягкие одеяла и подушки. Как же ей хотелось без остановки корить себя за содеянное. Одна улыбка Алекса разрывала её и без того испорченную душу, стоило только вспомнить омерзительный факт: Каролин продала своего друга. Предала их дружбу, а вместе с ней и саму себя. Как она вообще смела смотреть ему в глаза после такого?

Зубы с тонким писком скрежетали друг о друга, будто кто-то водил мелом по доске. Спазмы в мышцах не проходили; не утихало и мучительное вожделение по простому, буднич-

ному, трезвому самочувствию.

Алекс вернулся с серебряным подносом в руках, поставил его на тумбочку и сел рядом. Его лицо сияло вдохновением.

— Это *pot-au-feu*, — сказал он, улыбаясь так широко, будто на необитаемый остров его одиночества наконец высадили живого человека, и теперь Алекс был обязан показать ему, чему успел научиться за годы изгнания. — Я помню, как ты заказывала его в ресторане. Но от этого ты придёшь в восторг. Клянусь, ты не захочешь ничего другого, как только попробуешь!

Он разжал ладонь. На ней лежали три синие капсулы.

— И вот ещё. Отец просил передать тебе. Это обезболивающее. Очень сильное, тебе быстро полегчает. Выпей.

Когда Алекс закончил, он наконец заметил слёзы на лице девушки. Каролин не отводила взгляд, как делала это всегда, не отворачивалась, не пряталась за неловкой улыбкой. Она просто смотрела на друга с раскаянием и плакала.

— Оу, я сделал что-то не так, *mon ange*⁷¹? — виновато спросил Алекс и коснулся её лица. — Или это из-за вчерашнего? Тебя так сильно ударили?

— Из-за вчерашнего, — всхлипнула Каролин.

— Ты в безопасности, поверь. У нас лучшая охрана. Здесь тебе никто не навредит. И ты... выглядишь очень бледной. И как будто стала худее, что ли. Ты заболела?

— Да...

⁷¹ *mon ange* – мой ангел (фр.)

Алекс сжал её слабое, почти железное запястье и случайно заметил свежий след от иглы. Возможно, Каролин недавно сдавала кровь, подумал он и продолжил:

— Тебе нужно поесть. Силы надо восстанавливать.

— Я не голодна, извини... И спасибо.

На лице Алекса появилась маска заботливой няни.

— Съешь хотя бы пару ложек, чтобы выпить таблетки.

Он зачерпнул ложкой бульон и поднёс её к губам Каролин.

Она нехотя кивнула. Слезы отступили, оставив после себя сухость и опустошение. Каролин собрала все внутренние силы, чтобы заставить себя поесть, хотя любая еда теперь казалась ей отвратительной: и на запах, и на цвет, и на вкус.

К полудню Стеф занималась учёбой на кухне. Подбородок она устроила на согнутом колене, прижатом к груди; взгляд внимательно бегал по строчкам лингвистической статьи сквозь оправу стильных очков, надетых исключительно для образа. Вокруг расстилались следы свежего шопинга: упаковки, коробки и пакеты, которые она нарочно не убрала.

Адриан вошёл на кухню в одном махровом полотенце, низко сидевшем на бёдрах. Лёгким движением головы он стряхнул с влажных волос остатки капель — и замер, увидев чужую, но до странности правильную кухню.

Над диваном пестрела картина, придававшая пустому интерьеру уют. На гарнитуре появились гриль, новые кружки и мелочи вроде бумажных полотенец, стеклянных банок для

сыпучих продуктов и подставки для специй. На диване были разбросаны распакованные и ещё не распакованные вещи, чьи бирки пахли дороже всей техники в квартире.

Помимо учебников *его* девушки, стол украшали сервированные булочки с корицей под шоколадной глазурью и свежесваренный кофе, от которого поднимался манящий пар. Адриан даже позволил себе слабый намёк на дезориентацию: точно ли он находился у себя дома?

— *Buongiorno*⁷², — сказала Стеф, не отвлекаясь от учёбы.

— Итальянский? — уголок его губ дрогнул в ухмылке.

— В точку.

Адриан глубоко вдохнул, впуская в лёгкие аромат корицы, остаточные ноты выпечки, свежей бумаги и, главное, её.

Стеф была здесь. Не во сне, не в воображении — здесь. На его... на их кухне. И была не частью интерьера, как прежние девушки, а его новым автором.

Он взял с дивана первый попавшийся запечатанный пакет, раскрыл его и заметил бирку.

— Жакет от *CELINE*?

Стеф наконец подняла взгляд и одарила его поучительным вниманием.

— Приталенный жакет от *CELINE*, — поправила она, точно строгий преподаватель. Однако от неё исходило своеобразное торжество — как дым от благовонной палочки: незаметным, медленным потоком оно уже впиталось в каждую

⁷² *Buongiorno* – добрый день (итал.)

молекулу воздуха. — Четыре тысячи евро. И, поверь, тебе не стоит заглядывать в банковские расходы.

Адриан усмехнулся дивной шутке. Нет, это не было бездумным транжирством. Он считал, что разгадал подтекст потраченных денег: Стеф не тратила и даже не инвестировала — она вступала во владение. Его деньгами, его домом и, как подозревал Адриан, им самим.

— Ты ведь сам сказал: «Закажи что хочешь», — Стеф пожала плечами и вытянула губы в узкую ухмылку, похожую на лисью улыбку после удачной охоты.

В ту секунду Адриану показалось, будто он проиграл в собственной игре, впустив в неё слишком сильного игрока, способного изменить все начальные правила. Уменьшившийся баланс счёта его не волновал, а вот это всё же колыхнулось. Новое ощущение отозвалось в нём мгновенной биохимией — выбросом тестостерона, тёмным жаром в крови и животным желанием вернуть контроль.

Адриан склонился над булочками с корицей, опираясь на стол обеими руками. Острый взгляд Стеф скользнул по крепким мышцам его плеч.

— Это из какой кондитерской? *Pierre Hermé*⁷³?

— Кондитерская семьи Вирель, — ответила Стеф, закусывая кончик ручки с такой невинной небрежностью, что этот жест становился опаснее любого намеренного соблазна.

⁷³ *Pierre Hermé* — французская кондитерская (и бренд), известная изысканными десертами

Адриана будто прибило к полу. Вслед за это пошатнулся и его контроль над мелочами. Несколько лет он считал, что достаточно глубоко проник в её таинственную натуру, но теперь эти беспризорные булочки разрушали всю систему.

— Ты умеешь такое готовить?

Он склонился над Стеф; её дыхание приятно учащалось. Адриан стоял выше, владел всем своим высокомерным безумием и полыхал изнутри от ощущения, прежде ему недоступного: оказаться ниже.

Стеф протянула руку к булочке, отломил небольшой кусочек и подняла его перед своим лицом, словно приманивая Адриана ближе. Он не сразу понял, когда они успели оказаться на площадке для дрессировки собак. Мысли, как обычно, выстраивались в множественные линии последствий, и во всех вариантах, где он приближался к ароматному кусочку теста, прослеживался непредсказуемый исход.

А потом он перестал думать.

Адриан наклонился. Их взгляды, и без того вечно прижатые друг к другу, тесно сошлись. Стеф без капли страха — даже с упоением — вложила ему в приоткрытые губы дольку плода с древа познания добра и зла, к самым клыкам.

— Ам, — шепнула она, повторяя движение его губ.

Унизительно. Слишком унизительно.

Адриан жевал медленно, смакуя каждую ноту вкуса на языке. Ему не хотелось упустить ни одной детали, попавшей под акт его поглощения.

Стеф растягивала плавный ритуал искушения с демонической улыбкой — и вдруг выронила ручку. Звук удара о пол подчеркнул нависающую, гипнотизирующую тишину между ними; для Адриана он прозвучал как сигнал перед броском.

Его губы напали на её.

Стеф не теряла хватки: втягивала в себя смешанный вкус его сущности и, что уж говорить, бесподобного десерта. Адриан отстранился, чтобы отодвинуть учебники и тарелки. Ему нужно было доказать хотя бы себе, кто оставался хозяином положения.

Когда он вернулся к поцелую, скользя руками к её изящным бёдрам, Стеф уже заранее обхватила его шею.

«Это она сейчас... разрешила мне это сделать?» — промелькнуло у Адриана, и это стало последней каплей.

Он подхватил её за бёдра и усадил на гарнитур вместо выбранного им стола. Пока его губы оставляли свежие следы на её незажившей шее, Стеф рассмеялась.

Адриан вопросительно замер.

— Стол шаткий, — ответила она на его немой вопрос.

«Ты просчитала это... Как ты можешь переигрывать меня, думая всего на один шаг вперёд?» — подумал Адриан и сорвал с неё футболку.

И всё же Стеф проигрывала — только для себя. Лишь в разгар их очередного грязного ритуала Стеф поняла: проверяя Адриана на прочность, она не сломала его контроль, зато увидела, как он сам добровольно ушёл в подчинение. И это

могло сыграть ей на руку.

Треск поленьев стал мазью для раненого тела Каролин. Во второй раз за этот день она проснулась уже в тёмной комнате, освещённую огнём из камина и тусклым свечением экрана ноутбука, за которым сидел Алекс.

Он что-то сосредоточенно печатал с таким серьёзным выражением лица, будто вёл переписку с президентом. Почувствовав, как шелохнулось одеяло, Алекс поднял взгляд, одарил пробудившуюся подругу заботливой улыбкой и прикрыл ноутбук.

— Тебе лучше? — спросил он.

— Вроде да...

Это оказалась первая правда за сегодня. Алекс протянул ей стакан воды, и она осушила его залпом — так же, как вчера вливала в себя тот злосчастный стакан водки с энергетиком.

— У нас ещё шесть свободных часов до приезда отца, — сказал Алекс и взглянул на золотые наручные часы, инкрустированные бриллиантами. — Можем спуститься на кухню и найти тебе что-нибудь вкусное. Или я проведу тебе экскурсию по дому. Тебе, как любительнице музеев, будет интересно. Так... что ещё? Могу сыграть на гитаре.

— Что угодно, Алекс. Я хочу... хочу провести с тобой время, и сейчас меня мало волнует как.

— Вас понял, капитан, — Алекс карикатурно отдал честь.

Бродя по коридорам, Каролин решила, что вновь очутилась в опере. Она с любопытством разглядывала бесчисленные полотна, украшавшие стены; на миниатюрных столиках светились лампы с тканевыми абажурами, к которым Каролин боялась прикасаться. Впрочем, ей было не по себе даже ступать по сплошному ковровому покрытию, будто она пачкала его одним своим присутствием.

Они вошли в невероятно просторное и ярко освещённое помещение, которое Алекс называл своей комнатой.

— Твоя... комната?! — поразила Каролин, нахмурившись.

Даже примерный подсчёт размеров всех её прежних жилищ, вместе взятых, не дотягивал до размеров этой «комнаты». Алекс провёл небольшую экскурсию: рассказал о четырёх шкафах с редкими изданиями книг, за которые Каролин наверняка пожертвовала бы несколькими органами; о резной кровати, которую они с отцом выбирали в Штатах; о коллекции видеоигр, которую Алекс собирал, но никогда не запускал. С большинством книг, как выяснилось, обстояла та же история.

— А это мой последний эксклюзив, — сказал Алекс, взял с полки книгу в синей обложке и вложил её в руки Каролин.

— Ты любишь Монтеня?

— Это же подлинник? Первое издание?

Аромат книжных страниц освежил ей память, но не о проклятой ночи, а о той версии себя, которую Каролин посте-

ленно теряла. Куда пропала девочка, которая с воспалёнными от бессонницы глазами лишала себя сна, лишь бы впитать в себя всё искусство литературы? Неужели она умерла вчера, закручивая пируэты на шесте, или это была лишь очередная цепь случайных совпадений, подаренная несправедливой жизнью?

— Если хочешь, бери, — сказал Алекс. — Для тебя не жалко.

— Оу, нет-нет, это слишком дорогой подарок.

Она вернула книгу на полку и, заметив рядом со шкафом несколько гитар, поспешила сменить тему:

— Играешь?

Алекс чуть смутился и почесал затылок.

— Не то чтобы... Мама не любит звук гитары. Слишком грубый для её слуха — так она говорит. — Он презрительно закатил глаза. — Но мне нравится. Это вроде хобби, знаешь.

— А можно послушать?

Глаза Алекса заискрились. О его увлечении знала вся прежняя компания, но друзья всегда отмахивались, стоило ему предложить исполнить пару отточенных аккордов. Его окрыляло чувство нарастающей влюблённости, возникшее, как ему казалось, уже точно не от одиночества и заточения. Алекс успел найти оправдание своему порыву: в тот миг он был уверен, что влюбился в этого израненного лебедя с первого взгляда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.